

АЛ. ДУНАЕВСКИЙ

ПО СЛЕДАМ ГАЯ

Дадим себе клятву
идти по их следам,
подражать их бесстрашию,
их героизму.

В И. ЛЕНИН

Гая Дмитриевич Гай

Ал. ДУНАЕВСКИЙ

ПО СЛЕДАМ ГАЯ

Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство
1975

Р2
Д83

Д $\frac{0763-068}{М158(03)-75}$

ПРЕДИСЛОВИЕ

С Гайком Бжишкянцем, прославившимся на полях гражданской войны в Советской России под именем Гай, я познакомился в двадцатых годах в Москве. Знал, что он был начдивом 24-й Железной дивизии, освободившей ряд волжских и уральских городов от белогвардейцев, был командармом Первой революционной армии Восточного фронта, нанесшей первый удар по Колчаку на Урале. В мирное время я несколько раз встречался с ним, когда Г. Д. Гай, будучи профессором, преподавал в Военной академии.

Но о многих страницах героической жизни полководца из народа я узнал позже, когда мне на глаза попался девятый номер литературно-художественного журнала «Урал» за 1965 год, в котором было опубликовано начало повести Александра Дунаевского «По следам Гая». В ней дан исчерпывающий ответ, кто был автором телеграммы, посланной из освобожденного Симбирска раненому В. И. Ленину 12 сентября 1918 года:

«Взятие Вашего родного города Симбирска — это ответ за одну Вашу рану, а за другую рану будет Самара».

Первая часть повести, напечатанной в журнале, глубоко заинтересовала меня, и я ждал ее продолжения в следующих номерах «Урала». Куда поведут автора затерявшиеся следы, чем закончится его спор с отдельными «учеными», искажавшими историю, какими новыми находками и открытиями он порадует читателя?

Гай был не только выдающимся пехотным командиром, но и одним из организаторов красной конницы. Сразу же после того как партия бросила клич: «Пролетарий, на коня!» — он встал во главе 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. Как теперь установлено, этому крупному соединению Центральный Комитет нашей партии придавал огромное значение. В специальном циркуляре ЦК от 13 октября 1919 года всем партийным органи-

зациям страны предлагалось, «не теряя ни минуты, выделять из своей среды добровольцев-кавалеристов» и «спешно направлять в Москву в Политуправление Республики в распоряжение т. Гая».

Тысячи и тысячи добровольцев, знавших полководца по Восточному и Южному фронтам, устремились к нему из Закавказья, Урала и Заволжья, чтобы вместе громить деникинскую конницу.

А когда летом двадцатого года на Западе возник новый главный фронт, партия назначает Гая командующим Третьим конным корпусом. В те дни Демьян Бедный побывал у конников Гая и писал о нем в газете «Беднота».

Рвется в бой часть другая,
конница веселого Гая.

Конница веселого Гая совершила многокилометровый героический рейд на Варшаву, освобождая по пути белорусские, литовские, польские города и села.

Гай был интернационалистом в самом широком смысле этого слова. Из-под его крыла вышли такие видные командиры Красной Армии, как чех Славояр Частек, поляк Петр Боревич, венгр Дьюла Варга, ставший генералом в новой Венгрии. О встрече с ним подробно рассказано в книге. Когда генерал Дьюла Варга узнал, что Гая нет в живых, нервы бывалого солдата не выдержали, глаза повлажнели.

— Сколько буду жить, столько буду помнить нашего Гая. И дети мои будут помнить, и дети моих детей.

Еще под Симбирском Варга звал своего первого красного командира в Будапешт. Этот открытый, мужественный человек нужен был не только русским людям, но и венграм, чехам, полякам — всем, кому дорога была Советская власть. Многие его считали своим родным, близким. Эта мысль пронизывает всю повесть от начала до конца.

Повесть Александра Дунаевского рассчитана на взрослых, однако она привлекла внимание нашей пытливой молодежи и детворы, послужила своеобразным толчком к началу патриотического движения юных гаевцев: в московских, ульяновских, ереванских, оренбургских и других школах пионерские дружины и отряды носят имя легендарного полководца. Многие месяцы юные следопыты по крупицам собирали все, что относится к Гаю и его сподвижникам. В школах созданы гаевские уголки и музеи, укрепляются и расширяются интернациональные связи. Подобно тому, как Гай дружил с Варгой, Боревичем, Частеком, так и юные гаевцы дружат сегодня с будапештскими, варшавскими, парижскими ребятами, продолжая дело своих отцов. Теперь имя юный гаевец звучит так же гордо, как юный чапаевец.

После публикации в журнале «Урал» повесть вышла отдельной книгой; она привлекла внимание людей разных возрастов и профессий, получила одобрение в центральной и местной прессе. Читатель сразу определил свое отношение к книге. Правда, литературоведы еще не решили, к какому жанру следует относить повесть о Гае — к документальной прозе, историческому исследованию, к художественному очерку? Как бы отвечая на этот вопрос, «Литературная газета» в статье О. Хавкина «Не смолкнет слава...» писала о книге Ал. Дунаевского:

«Перед нами настоящая, целеустремленная писательская работа. Тут живой сплав многих элементов: динамичного действия, исторических свидетельств, портретных характеристик, авторских размышлений, дающих в совокупности и органическом слиянии образ героя».

Создавая книгу, литератор ввел читателя в свою лабораторию, сделал его участником своих поисков. Обращение к радиослушателям, телезрителям, юным следопытам, к помощи которых нередко прибегал автор, вызывало встречную волну читательских откликов. Активный, заинтересованный читатель сообщил адреса лиц, служивших в разное время под началом Г. Д. Гая или знавших его, участвовал в розыске документов, строил свои гипотезы, помогал своими советами восстановить ту или иную страницу жизни героя.

В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» имя Гая поставлено в один ряд с именами Василия Блюхера, Семена Буденного, Василия Чапаева и других выдающихся советских военачальников. И это вполне справедливо.

С тем большим интересом наше подрастающее поколение прочтет второе, дополненное и исправленное, издание повести Александра Дунаевского «По следам Гая».

Читательская благодарность — наивысшая награда писателю.

АНАСТАС МИКОЯН

Глава первая

СПУСТЯ СОРОК ЛЕТ

Кто автор «целебной» телеграммы?

В Полтаве, где я родился, где прошло мое детство, любимой ребячьей игрой была игра в красную кавалерию. Резвых коней нам заменяли хворостинки. «Оседлав» их, мы лихо носились по улицам, разгоняя кудахтающих кур, пугая важных индюков и индюшек.

Конница Гая в наших местах не воевала, да и он сам, кажется, здесь никогда не бывал. О легендарном полководце мы узнали от кузнеца Власа, человека средних лет, вернувшегося с фронта по ранению. Бывший эскадронный запевала обладал редким голосом. Из народных песен ему больше всего нравилась «Ой, за гаем, гаем»: песня о рощах, должно быть, напоминала Власу о былых походах, о его любимом командире.

За Гаем в рядах его конницы, освобождая белорусские, литовские, польские селения, Влас, как он говорил, доскакал аж до самой Вислы, туда, куда еще не доходил ни один красный конник.

И не было для нас, ребят, большей радости, чем играть в «атаках» роль самого Гая: скакать впереди «хворостяной конницы», размахивая самодельной шашкой.

С годами взрослея, мы поступали на заводы, в вузы, уходили служить в Красную Армию. В ее рядах насчитывалось немало прославленных полководцев гражданской войны, о подвигах которых слагались песни, писались книги. Их имена не сходили со страниц газет и журналов. Но в середине тридцатых годов фамилия Гая исчезла.

Так продолжалось более двух десятилетий.

Как-то летом пятьдесят шестого года мне довелось попасть на берег горной реки Сунжи (я тогда собирал материалы о стодневных боях за Грозный, в которых участвовали сыны разных народов). Говорили, один из них — Ча Ян-чи — жив, работает в пригородном колхозе рисоводом.

В первые же минуты нашей встречи выяснилось, что старый конник воевал совсем в других местах. На своем веку повидал много хороших начальников, но больше всех ему полюбился Гая Гай.

— Большая командира был,— произнес Ча,— такой, как Чапая.

Старый Ча не случайно сравнил Гая с Чапаевым. В самом деле, в их жизни было много общего. И то, что оба родились в одном и том же году — 1887-м, в одном и том же месяце — феврале. И то, что дивизии, которыми они командовали, стояли по номерам рядом: начальником 24-й был Гай, а 25-й — Василий Иванович; оба отличились на Восточном фронте, оба слыли грозой белогвардейцев.

В 24-й дивизии, которая имела еще три названия: Железная, Симбирская, Самарская, Ча не служил. Другие такие же бывшие кули служили; их было полроты, человек пятьдесят. От своих земляков Ча не раз слышал, как высоко ценил Гая Ленин.

— Помнишь, когда в Ильича стреляли и тяжело ранили? — спросил Ча.— Так вот Гая его вылечил...

— Значит, Гай был еще и доктором?

— Какой доктор? — В глазах Ча заиграла усмешка.— Он такое лекарство учителю из Симбирска послал, ну как женьшень, даже лучше, и Ленину сразу стало хорошо.

О телеграмме-«исцелительнице» я слышал давно. Она была отправлена Владимиру Ильичу вскоре после покушения на него. Но что эту историческую депешу послал Гай, впервые услыхал в Грозном. А китаец Ча, выходит, знал об этом раньше: сначала от земляков, потом от самого Гая, когда он выступал перед красными конниками в апреле двадцатого года, в день пятидесятилетия Ильича.

В Собрании сочинений В. И. Ленина, в двадцать восьмом томе, приведен ответ Владимира Ильича на эту телеграмму:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Далее следует пояснение: настоящая телеграмма направлена В. В. Куйбышеву для бойцов Первой армии, приславших телеграмму следующего содержания: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую будет Самара!»

В примечании говорится, что депешу отправил не Гай, а бойцы Первой армии. Не входила ли Железная дивизия в данную армию? Установить это нетрудно.

В составе Первой армии Восточного фронта было три стрелковые дивизии: Пензенская, Инзенская и Железная. Последней командовал Гай.

Именно Железная дивизия, как уже упоминалось, освобождала Симбирск. Не случайно ей присвоили имя — Симбирская.

В сноске к ленинской телеграмме указывается источник: «Петроградская правда», 25 сентября 1918 года. В этом номере газеты был опубликован отчет о выступлении начальника штаба Первой армии Н. Корицкого в Пензе.

Докладчик, рассказывая о взятии Симбирска, прочел ответ Ильича на это сообщение. Текст ничем не отличался от того, что помещен в ленинском томе. Однако в газетном отчете не указано, кому послана эта телеграмма.

В Центральном партийном архиве, в этом огромном хранилище, где тщательно оберегаются от сырости, света, солнечных лучей тысячи ленинских писем и телеграмм, среди обильной почты, полученной Лениным в дни его болезни, телеграммы из Симбирска, увы, не оказалось. Нет и оригинала ленинского ответа.

— И не удивляйтесь,— ответил Юрий Александрович Ахапкин, в то время старший научный сотрудник партархива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— Вы ищете одну телеграмму, а наш институт — более тысячи ленинских документов ищет.

— Ильич был тогда ранен. Он мог продиктовать стенографистке текст ответной телеграммы?

— Мог, — соглашается Ахапкин, — но такую запись мы пока не обнаружили, хотя телеграмма, которой вы интересуетесь, стала не только исторической, но и хрестоматийной.

— Посоветуйте, где ее искать?

Ахапкин задумался. В те дни в адрес Ленина потоком шли приветствия, искренние пожелания побыстрее поправиться. Возможно, что телеграмма попала в другой архив.

— Вы в архиве Советской Армии были?

— Был...

— А в Центральном музее Ленина?

— Тоже.

Юрий Александрович посоветовал связаться еще с Ульяновским филиалом Центрального ленинского музея. Там более полно представлено все, что связано с освобождением Симбирска.

Еду в Ульяновск На его улицах и площадях слышна разноязычная речь: тысячи экскурсантов прибывают на родину Ленина со всего земного шара — пароходами и поездами, на автомашинах и на самолетах. Пытливые, любознательные, они толпами бродят по городу. Присоединяюсь к одной. Это — группа экскурсантов из Татарии. Их, как и меня, сразу же потянуло к небольшому домику на Ленинской.

...После осмотра квартиры Ульяновых мы вышли во двор, где обычно отдыхала семья Ильи Николаевича. За беседкой — двухэтажный дом-музей. Здесь собраны документы разных периодов жизни Ильича.

На стенде, посвященном освобождению Симбирска, выставлен знакомый текст телеграммы. Нет, это не оригинал, а все та же машинописная копия...

— Кто подписал эту телеграмму? — спросил я у экскурсовода.

— Сложный вопрос. У наших историков на этот счет полная разноголосица: одни называют Куйбышева, другие — Тухачевского, третьи — бывшего политического комиссара Первой Армии Калнина.

— А не мог послать эту телеграмму начдив Гай?

— Да, да, именно он! — неожиданно вмешался в разговор стоявший рядом парень, которого, как я потом узнал, звали Андреем.

— Кто может это подтвердить?

— Конечно, Калнин, старый большевик,— уверенно ответил юноша.— Еще дивизионный доктор Дворкин. Его мой отец знал. После войны доктор несколько раз к нам в гости приезжал, свою книжку подарил. Написал о Гае, Железной дивизии.

— Не упоминалось ли там о телеграмме?

— Кажется. Вот бы найти эту книгу!.. О ней я справлялся в наших библиотеках.— Юноша развел руками.— Говорят, такой нет. В Москву, к известному книголюбу Смирнову-Сокольскому обращался. Дворкин ему неизвестен.

Книга доктора Дворкина меня заинтересовала. Заглянул в библиотечный каталог. На всех авторов, чьи работы выходили отдельными изданиями, там заведены карточки. Есть и на Дворкиных: экономистов, философов. На доктора — нет.

Андрей назвал Калнина старым большевиком. На уцелевшей фотографии он действительно выглядел пожилым человеком: усы, бородка. А ведь политическому комиссару армии минуло тогда всего-навсего двадцать три года. Его воспоминания о боях за Симбирск были опубликованы в сборнике, посвященном годовщине Первой революционной армии:

«Посреди цепи на автомобиле, который сопровождал взвод кавалерии,— писал О. Калнин,— мы с начальником Симбирской дивизии т. Гаем въехали в город Симбирск. Везде из-за углов раздавались выстрелы, у городского сада по нас открыли ружейный огонь. Мы ответили захваченным с собой ручным пулеметом — завязался уличный бой. Но он был скоро ликвидирован. Несколько продолжительней тянулась перестрелка у железнодорожного моста через Волгу. На мосту стоял бронированный поезд противника, который стал в свою очередь обстреливать город. Но он был уже нашим.

Трогательной картиной было освобождение из губернской тюрьмы красногвардейцев и сторонников Советской власти. Мы освободили в этот день около полутора тысяч людей. Нас окружила толпа оборванных, грязных и бледных товарищей, которые целовали нас, плакали от радости, прорезывая воздух громкими криками радости о победе, «ура!».

Начальник дивизии т. Гай, окруженный товарищами, произносит речь. Он по национальности армянин. Гово-

рит хорошо по-русски, но от возбуждения и наплыва чувств начинает путаться, размахивать руками и большинство слов произносит на своем родном языке... Мы все прислушивались и отлично поняли друг друга».

О кавалерийском взводе, сопровождавшем Гая, сказано. О людях, вызволенных из тюрьмы, сказано. О выступлении Гая перед освобожденными узниками — тоже. А о телеграмме, посланной Ленину,— ни слова.

Кто же ее автор: Куйбышев? Тухачевский? Гай? Или, может быть, Калнин, из-за ложной скромности умолчавший об этом?

Патриарх советских связистов и «д-р Д-н»

В Ульяновске я познакомился с Иваном Ивановичем Мошиным, бывшим командиром пулеметного взвода, коренным волжанином. Всю жизнь он был рабочим человеком: плотничал в Царицыне, работал крепильщиком на шахтах Донбасса. А когда вспыхнула гражданская война, вступил в сводный отряд Гая. О том, что им в адрес Ленина была отправлена телеграмма, которую все называют «целебной», Иван Иванович слышал еще в восемнадцатом году.

— На нашем почтамте были? — поинтересовался Мошин.— Там телеграфные ленты берегутся за много лет.

В пятьдесят седьмом году я еще был не очень опытным в поисковых делах и потому поверил, что в архиве местного почтамта мог уцелеть телеграфный бланк, который я ищу.

— Да что вы, что вы! — замахал руками начальник почтамта, когда я рассказал ему о цели своего визита.— Если бы сохранился оригинал, мы бы взяли его на особый учет, немедля сообщили в Москву, в Центральный партийный архив. Это было бы праздником для нас, и мы пригласили бы на него всех ветеранов телеграфа.

Начальник почтамта знает каждого из них не только по фамилии, но и по имени-отчеству. Все они теперь в преклонном возрасте, на телеграфе начали работать после восемнадцатого года. Тех же, кто служил раньше, давно нет в живых. Правда, знал он патриарха советских связистов Ивана Федоровича Тимакова: коренной москвич, старый коммунист; в восемнадцатом году был

комиссаром столичного телеграфа. О нем в газетах недавно писали.

Возвратившись в Москву, я, понятно, направился на Центральный телеграф.

Любой на моем месте ожидал бы встретить дряхлого старика. Каково же было мое удивление, когда мне представили человека с виду лет пятидесяти и сказали: «Вот наш Иван Федорович!»

— Не вас первого ульяновцы ко мне направляют.— Лицо Тимакова расплылось в улыбке.— Охотно обо всем расскажу. В те дни связисты сутками не выходили из аппаратной. Казалось, вся страна обрушила гнев на голову врагов, высказывая раненому Ильичу свои добрые чувства.

— Иван Федорович, вы, надо думать, читали «Известия» за первое сентября восемнадцатого года? — Не дожидаясь ответа, я протянул Тимакову фотокопию газетной заметки.

В ней сообщалось, как Владимир Ильич попросил свежие газеты. Ему в этом было отказано. Врачи категорически запретили всякое чтение. Тогда Ленин настоял, чтобы ему хотя бы вкратце рассказали о всех важных новостях.

«Когда т. Ленину доложили о полученных со всех концов России телеграммах от рабочих, красноармейских и революционных крестьянских организаций с выражением горячего сочувствия, он заметил, что сочувствие рабочего класса на него действует благотворнее, чем все лекарства и консилиумы врачей».

— Иван Федорович,— попытался я втянуть Тимакова в орбиту своих поисков,— не помните ли вы телеграмму из Симбирска?

— О чем?

— Об освобождении города от белочехов.

— Ну как же! Я ее из многих тысяч выделил. Она начиналась со слов, обращенных к нам, работникам телеграфа: «Просьба вручить товарищу Ленину в собственные руки».

Тимаков решил сделать это лично. Он не пошел, а побежал в Кремль. В руке держал служебное удостоверение и телеграмму об освобождении Симбирска.

— Меня без задержки пропустили через Спасские ворота, но у старинного здания — в нем раньше, кажет-

ся, помещались судебное присутствие, а потом кабинет и по соседству с ним квартира Ильича — задержали, потребовав особый пропуск. В эту минуту на улицу вышел человек в кожанке. Часовой показал на него: «Дежурный комендант». Я к нему: так, мол, и так. Комендант взял телеграмму, пробежал глазами и приказал: «Пропустить!»

Когда Владимиру Ильичу прочли телеграмму, он радостно воскликнул: «Замечательно, совершенно замечательно! От такого лекарства, честное слово, я скоро поправлюсь!»

В ту пору в газетах ежедневно помещались бюллетени о состоянии здоровья вождя. Последний был составлен в 8 часов вечера 18 сентября 1918 года. «Температура нормальная. Пульс хороший... Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами».

К заключению врачей Ленин сделал приписку: «На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами».

— Ну, думаю, все в порядке,— продолжал Тимаков.— У Владимира Ильича самочувствие хорошее, дела идут на поправку, и нашему брату, телеграфисту, полегчает. Не тут-то было! По телеграфным проводам понесся новый поток. Радости — океан... Тогда Владимир Ильич вызвал к себе нашего наркома Подбельского, приказал прекратить прием и передачу приветственных телеграмм в его, Ленина, адрес. Наркому пришлось подчиниться.

Я внимательно слушал Ивана Федоровича, старался не пропустить ни одной подробности. Однако о том, что меня больше всего интересовало — кто подписал телеграмму об освобождении Симбирска,— Тимаков не мог ничего определенного сказать. Ему запомнилось только время приема телеграммы: час пополудни.

Железная дивизия вошла в Симбирск в половине первого, а через полчаса в Москве принята телеграмма об этом.

— Впрочем,— добавил Иван Федорович,— в ней говорилось не только о Симбирске, а еще и о другом волжском городе.

Вторым, как явствует из телеграммы, была Самара, ныне Куйбышев. Большие надежды я возлагал на здеш-

ние архивы. Многие годы Куйбышев являлся краевым центром. Сюда со всего Среднего Поволжья, и в том числе из Ульяновска, направлялись на хранение документы, отражавшие события гражданской войны в этом районе.

После бесед с местными краеведами я составил перечень литературы о гражданской войне, изданной в двадцатые годы в городах, где дислоцировалась Железная дивизия. Этот список был невелик: несколько тоненьких юбилейных сборников-близнецов, две брошюры, написанные Гаем,— «В боях за Симбирск», «Борьба с чехословаками на Средней Волге». В обеих упоминалась телеграмма, отправленная В. И. Ленину 12 сентября 1918 года, но кто ее подписал — не указывалось.

Называлась также книга Д. Самарского «Партизаны Волги», изданная в Москве еще в двадцать пятом году.

Гай, как мне казалось, не был партизаном. Отряд, которым он командовал, числился по документам красногвардейским. Железную дивизию тоже нельзя отнести к партизанским соединениям — она считалась одной из первых регулярных частей молодой Красной Армии.

И все же я прочел эту книгу. Она выглядела так, будто вышла из печати месяц назад: чистые страницы без карандашных пометок и следов пальцев; часть листов даже не разрезана. Видно, этого экземпляра не касалась рука читателя.

В предисловии отмечалось, что настоящие очерки и воспоминания написаны еще в восемнадцатом-девятнадцатом годах. «Материал этот интересен не только своей безусловной достоверностью, подтвержденной рядом видных участников событий того времени, но и тем, что он является документом эпохи».

Да, это был документ эпохи, но не с совсем точным названием. Кроме очерков о партизанском движении на Средней Волге в книге содержалась краткая история Железной дивизии, написанная живо и увлекательно. Есть в книге и такие строки:

«Единственное, что отличало партизан Сенгилеевской группы от других — это особенная любовь к своему начальнику, заслужившему громадную популярность энергией и неукротимой решительностью, быстротой, ориентировкой и личной отвагою. Энергично искореняя все тогдашние язвы партизанщины—пьянство, грабежи,

вымогательство, он так же энергично боролся с трусостью и паникерством в своих отрядах, действуя не словами, а живым увлекательным примером. Даже свойственные Гаю повелительность и резкость в обращении, слабость к внешним эффектам и кавказская горячность и вспыльчивость, нередко лишавшие его хладнокровия в нужный момент, в то время особенно нравились сенгилеевским партизанам как черты, свойственные им самим и воплощенные в их вожде».

Но, пожалуй, ценнее была не эта, а другая страничка книги — 118-я, отвечающая на вопрос, кто подписал телеграмму Ильичу. Д. Самарский свидетельствовал: начдив Гая Гай.

В содержании телеграммы, помещенной здесь, по сравнению с той, что напечатана в ленинском томе, есть небольшое текстуальное расхождение: вместо «вашего родного города» сказано «нашего родного города», но общий смысл тот же.

Кажется, я на правильном пути. Помимо Д. Самарского, мог бы внести ясность еще Дворкин. В «Партизанах Волги» изредка встречалась его фамилия в сокращенном виде: «д-р Д-н». Рассказывая о вечере, посвященном освобождению Симбирска, на котором он прочел свой поэтический экспромт, Д. Самарский писал: «С тех пор д-р Д-н получил прочное прозвище «дивизионного поэта», что к нему шло гораздо больше, чем звание врача».

Как хорошо было бы познакомиться с автором забытой книги и заодно справиться у него о судьбе Дворкина!

В московском издательстве «Молодая гвардия», где вышли «Партизаны Волги», никто помочь в этом не смог: книга выпущена давно, издательство больше к автору не обращалось. Зато из военно-научного общества при музее Вооруженных Сил СССР пришел неожиданный ответ: Д. Самарского искать не нужно. Самарский — это литературный псевдоним доктора Дворкина.

Дивизионный врач не только возвращал в строй бойцов, но и был летописцем дивизии, ее поэтом-песенником. В одной из своих песен он обращался к великой русской реке:

Волга! Помнишь, дорогая,
Как полки героя Гая,

Банды белых настигая,
Их смели, как пыль!

От доктора-поэта я снова вернулся к печатным трудам Гая. Логика подсказывала: если он писал книги, то, по-видимому, писал и корреспонденции. Редакции волжских газет, должно быть, не раз обращались к нему с просьбой прислать для праздничных номеров воспоминания о боях, памятных начдиву.

В газетных подшивках за восемнадцатый-двадцатый годы статей за подписью Гая обнаружить не удалось. Изредка попадались лишь краткие боевые донесения. В них начдив извещал симбирцев о боевых делах дивизии, об освобожденных городах, расположенных на Волге и за Волгой.

Однако газетные подшивки оказались далеко не полными. В них сохранились не все номера. А по тем, что уцелели, прошлась чья-то варварская рука с ножницами, вырезав отдельные статьи и заметки. Может быть, именно в них-то и было что-нибудь о начдиве Железной.

Только в февральской подшивке за 1935 год наконец нахожу статью самого Гая. Она разверстана на три колонки и посвящена годовщине Красной Армии. В центре — портрет автора. Несколько строк, набранных петитом, указывают, что статья была написана специально для ульяновской газеты. Еще ниже — где и когда это сделано: Москва, 15 февраля 1935 года.

Гай вспоминал, как из разрозненных отрядов и дружин, отступавших к Волге, была создана Железная.

«Мне особо памятен исторический день Железной дивизии, — подчеркивал он, — когда в конце августа мы получили скорбную весть: эсерка Каплан ранила Ленина. Эта весть привела нас в ярость и ускорила наше наступление на Симбирск. Мы дали клятву освободить родину Ильича — Симбирск от чехословаков.

Дивизия перешла в наступление и 12 сентября после кровопролитных боев заняла Симбирск».

Кто же об этом сообщил раненому Ильичу? Оказывается, он, Гай, командир Железной дивизии.

«Мною на имя Ленина, в Москву, была отправлена телеграмма: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города Симбирска — это ответ за одну Вашу рану, а за вторую будет Самара». Вскоре мы через

Куйбышева получили ответ Ильича на нашу телеграмму».

«На нашу телеграмму»! Радостное волнение охватило меня. И хотя статья эта, как позже выяснилось, не была открытием (она была известна отдельным историкам), но этот документ, как и книга Д. Самарского, уже позволили обратиться к дирекции Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина с просьбой поставить под исторической телеграммой фамилию того, кто ее послал.

Я так бы и поступил, если бы нежданно-негаданно не обнаружилось свидетельство другого видного участника гражданской войны, опровергающее и Дворкина-Самарского и Гая.

Сорок лет спустя после сообщения «Петроградской правды», на которую опирались составители ленинского тома, бывший начальник штаба Первой армии генерал-майор в отставке Н. Корицкий опубликовал в сборнике «Незабываемое» свои воспоминания. В них несколько строк посвящено начдиву Железной.

«...Во время гражданской войны Гай стал прославленным, чуть ли не легендарным командиром... Гая Дмитриевич обладал прирожденным военным талантом, большими организаторскими способностями. Он был популярен среди бойцов, они любили его и уважали».

Были все основания предполагать, что на следующей странице Корицкий заполнит пробел, допущенный «Петроградской правдой», и назовет наконец фамилию командира, пославшего известие Ленину, которое начиналось со слов: «Взятие Вашего родного города...»

«Во время атаки на Симбирск, — писал далее Корицкий, — В. В. Куйбышев не отходил от полевой «морзянки», принимая все сообщения штаба дивизии. Наконец пришло донесение: Симбирск взят 12 сентября в 12 часов 30 минут. Валериан Владимирович бурей ворвался в оперативный отдел штарма.

— Ура, товарищи! Симбирск наш! — Он высоко подбрасывал свою кепку, всех обнимал, пожимал руки. — Давайте, давайте скорее Москву.

И только на телеграфной ленте появилось: «У аппарата оперод» [1], — Валериан Владимирович продикто-

[1] Оперативный отдел Народного комиссариата по военным и морским делам.

вал: — Передайте Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города...»

Я был обескуражен. Все, что удалось установить, бывший начальник штаба армии начисто опровергал.

Предположим, ошибся Дворкин-Самарский: поэтическая натура, увлекся, вошел, как говорится, «в образ», присочинил. Но мог ли Гай, человек испытанной честности, приписать себе то, чего не было?

На чем же основывался Н. Корицкий, говоря, что «целебную» телеграмму послал Куйбышев?

На другой день я отправился к Н. Корицкому.

Дверь открыл пожилой человек в генеральской форме, подтянутый, собранный. Участник четырех войн, бывший штабс-капитан царской армии, Николай Иванович был одним из тех, кто с первых дней революции связал свою судьбу с Советской властью.

— Чем вы так взволнованы? — спокойно спросил он меня.

Я объяснил.

— Откуда вы взяли, что телеграмму Ленину дал Гай? В Грозном прослышали от бывшего конника? Иные кавалеристы, как и охотники, любят присочинить. Вам назвали Гая доктором? Догадываюсь почему! Настоящая его фамилия Бжишкянц. «Бжишк» в переводе с армянского — «доктор». Вот так и рождаются легенды, выдаваемые за правду. А вы сразу и поверили?

— Но об этом мне говорил не только старый Ча.

— Хм, ваше «не только» меня не убеждает. Вы, разумеется, когда ко мне ехали, думали, что старика, мол, память подвела. Хм... Поверьте, я очень любил Гая, дорожил нашей дружбой, которая продолжалась и в мирное время. Но... — генерал помедлил, — правда для меня дороже. Телеграмма написана не в манере Гая. Лаконичность — это стиль Валериана Владимировича.

Корицкий зашагал по кабинету. Воспользовавшись паузой, я напомнил о статье Гая в ульяновской газете.

— Когда она напечатана?

— 23 февраля тридцать пятого...

— В феврале? — повторил Корицкий.— А Валериана Владимировича мы похоронили в конце января. Будь Куйбышев жив, Гай не посмел бы...

— Значит, по-вашему, не он дал телеграмму?

— Да, я настаиваю на этом. Настаиваю как человек, близко стоявший к Тухачевскому и Куйбышеву, настаиваю как бывший начальник штаба Первой армии... Ваша ссылка на выступление Гая в печати, мягко говоря, не состоятельна. Сдаетесь?

Я не собирался сдаваться. В резерве доказательств была еще книга «Партизаны Волги» со вступительной статьей В. Куйбышева. Я был уверен: прежде чем написать предисловие, Валериан Владимирович прочел всю книгу, а значит, и то место, где говорилось о телеграмме Ленину.

Корицкий улыбнулся.

— Я знал Дворкина, знаком с его книгой. Читал ли ее Куйбышев? Не думаю. Никакого введения он не писал. Возможно, издательство с разрешения Валериана Владимировича использовало как предисловие его статью.

Еще один довод, казавшийся веским, отпал.

Память, конечно, ценный источник. Но не могла ли она подвести Николая Ивановича? Впрочем, если он прав, то в Центральном партийном архиве, в фонде Куйбышева, мог сохраниться подлинник телеграммы.

Среди писем, записок с тезисами докладов В. В. Куйбышева неожиданно попалась на глаза брошюра «Борьба с чехословаками на Средней Волге». На обложке энергичным почерком выведена дарственная надпись:

«Дорогому товарищу, организатору 1-й Рев. армии Востфронта и соратнику в борьбе против чехословаков и учредиловцев В. Куйбышеву от любящего его автора Гая».

В фонде Куйбышева телеграммы, о которой говорил Н. Корицкий, нет. Однако в сборнике «18-й год на родине Ленина», изданном в 1936 году, я обнаружил полный текст сообщения, которое продиктовал Валериан Владимирович на полевую «морзянку». Эта телеграмма состояла из нескольких слов:

«Симбирск после трехдневного боя занят войсками Первой армии.

Начштабарм Корицкий. Политкомарм Куйбышев».

Так вот почему Николай Иванович утверждал, что телеграмма об освобождении Симбирска была послана Ильичу из штаба армии, что диктовал ее Куйбышев...

Но это была не та телеграмма, что вошла в двадцать восьмой ленинский том, а другая, составленная в строго официальном тоне, в каком обычно писались штабные донесения.

К тому же не мог Валериан Владимирович послать Ленину об одном и том же событии две разные и по стилю и по содержанию депеши.

Пропавший чемодан и листок, найденный в корзине

Была еще одна поисковая нить. Вела она к старому большевику Кобозеву, к бывшему члену Революционного военного совета Республики и Восточного фронта. В том же сентябре восемнадцатого года Кобозев прибыл в Симбирск, вручил Железной дивизии Почетное Красное знамя ВЦИК.

Дворкин-Самарский ссылался на Кобозева: ему-де доподлинно было известно, что телеграмму дал Гай.

Сохранился групповой фотоснимок, сделанный в освобожденном городе. Рядом с начдивом сидит Кобозев: волевой взгляд, выразительные глаза, небольшая бородка.

В мирное время Кобозев занимался научно-исследовательской работой. В справочнике «Научные работники Москвы», выпущенном в начале тридцатых годов Академией наук СССР, назван круг занятий профессора Московского межевого института: гидравлика, гидротехника, энергетика, экономика. Тут же указан его домашний адрес, по коему я и отправился.

Долго стучал в дверь. Наконец на пороге появился дряхлый старичок. Он объяснил, что здесь теперь учреждение. А когда-то действительно жил народ заслуженный, ученый. Многих он знал лично.

— И Кобозева?

— Вестимо. Петр Алексеевич квартировал с семьей в этом доме с конца прошлого века. А еще раньше учился тут же, когда здесь семинария помещалась. Однако по поповской линии не пошел. За революционные мысли его из семинарии выгнали. Подался Кобозев в революцию, стал ученым-безбожником.

— Он был военным?

— Нет, штатский. Помер, царство ему небесное, в тот самый год, когда Гитлер с цепи сорвался, на нас войной пошел...

Поисковая нить оборвалась... А что если покойный профессор не тот Кобозев, а однофамилец? Наверно, жив кто-нибудь из его близких?

На этот раз я обратился не в городское адресное бюро, а к телефонному справочнику. В нем обнаружил А. П. Кобозева. По инициалам выходило не то Алексей Петрович, не то Александр Петрович. А оказалось, личный телефон принадлежал Андрею Петровичу.

— Да, я сын профессора Кобозева, — подтвердил он. — Кто послал из Симбирска телеграмму Ленину — сказать не могу. Возможно, отец. Но лучше потолкуйте об этом с моей матерью — Алевтиной Ивановной. Она с отцом и в войну не расставалась, на Восточном фронте была. Многое помнит, хотя ей уже за семьдесят.

...Вхожу в полуоткрытую дверь. В прихожей пусто. Напротив несколько комнат. В какую направиться?

— Прошу сюда, — откликнулся мягкий старческий голос. Женщина, сидевшая у окна, выходящего на оживленную улицу, грузно поднялась со стула:

— Догадываюсь: вы Петром Алексеевичем, его архивом интересуетесь? — опередила меня Кобозева.

У Алевтины Ивановны после смерти мужа остались документы и фотографии времен гражданской войны. Когда фашисты приближались к столице, она собрала все ценные бумаги и отправила с младшим сыном на Восток, куда тот эвакуировался с заводом. В пути чемодан пропал, а вместе с ним все то, что многие годы собирал и писал Кобозев — рукописи о гражданской войне, о боях за Симбирск, о начдиве Железной.

— Вы его знали?

— Гая? Очень хорошо. — Алевтина Ивановна тяжело вздохнула. — Гай у нас часто с женой бывал. Наташей звали ее. Тоненькая, как тополек. Всегда с красным галстуком. Она пионервожатой работала в одной из московских школ.

— Где теперь Наташа? — спросил я Кобозеву.

— Не знаю... Когда с Гаем случилась беда, Петр Алексеевич поддерживал Наташу чем только мог: и отеческим словом, и материально, хотя и нам не сладко жилось. Помогал, пока сам не свалился. А Наталью

Яковлевну тем временем отправили из Москвы. Вот кто мог бы на многое глаза открыть.

Имя, фамилия, возраст — пусть неполный, но все же какой-то ориентир для городского адресного бюро. Раз Наталья Яковлевна была прописана в Москве, значит, в паспортных книгах могут остаться какие-то отметки. Но в адресном бюро сказали: «Наталия Гай выбыла в тридцать седьмом году. Куда — неизвестно».

У меня все похолодело.

Прошел еще месяц. Как-то вечером по радио выступал писатель Ираклий Андроников и со свойственным ему жаром рассказывал о своей поездке в Актюбинск, о найденном там старом чемодане, облепленном ярлыками и наклейками еще дореволюционных времен. В нем находились письма Л. Толстого, С. Рахманинова. Когда-то эта редкая коллекция принадлежала известному собирателю-коллекционеру Бурцеву и многие годы считалась безвозвратно потерянной.

Я искренне позавидовал Ираклию Луарсабовичу, его умению искать, находить и рассказывать о всем виденном, слышанном... А что если удастся разыскать пропавший кобозевский чемодан? Но где? В каком городе? Не подскажет ли Алевтина Ивановна?

— Чемодан окончательно потерян, — сдержала мой пыл Кобозева. — Сын тогда всю милицию на ноги поднял. Не нашли. Да вряд ли кто найдет. Вору бумаги не нужны, он их выбросил или сжег.

— Но, кажется, не все потеряно, — продолжала, подумав, Кобозева. — Часть бумаг от Петра Алексеевича еще осталась. Правда, они не разобраны. В бельевой корзине лежат. Из-за тесноты, извините, держим на кухне.

...Уже наступил вечер, а я все перекладывал бумажку за бумажкой, вчитывался в полинявшие строчки. Корзина и в самом деле большая. Чего только в ней не было! Целые бумажные пласты: тезисы докладов, проекты решений по перестройке железнодорожного транспорта, предложения по использованию природных богатств Сибири, Дальнего Востока, Кольского полуострова. Кобозев много ездил по стране, изучал ее, искал уголь, нефть...

Все это любопытно, но, как говорится, не по теме. За день я чертовски устал. Просмотрел сотни разных

бумаг. На дне корзины оставалось еще несколько слипшихся листков. Осторожно отделяя один от другого, натыкаюсь на черновик кобозевского письма к некоей Софье Николаевне.

Петр Алексеевич пишет о Самаре, сообщает, что после освобождения города начдив Железной был назначен членом Самарского ревкома, а дальше...

Дальше речь идет о телеграмме-клятве, которая была отправлена не 12 сентября, а на другой день, после того как бойцам стало известно о предательском выстреле в Ильича.

Кобозев утверждал, что за первую рану Гай обещал Ленину освободить Симбирск, а за вторую — Самару. Эту новую, никому не известную телеграмму, Кобозев называл исторической.

Оказывается, начдив послал не одну, а две телеграммы: первую сразу же после того, как узнал о ранении Владимира Ильича (дивизия в это время находилась на дальних подступах к Симбирску), а вторую — после взятия города.

— Кто такая Софья Николаевна? — спросил я у Алевтины Ивановны.

— Не торопись, голубчик. Дай вспомнить...

Продолжение нашей беседы пришлось перенести на следующий день. Утром я снова у Кобозевой.

— Я всю ночь думала и только на рассвете вспомнила: Софья Николаевна — это Смидович. Старая большевичка. Петр Алексеевич с ней в один год в Коммунистическую партию вступал, а потом в одном Обществе работал.

Алевтина Ивановна протянула брошюру, напечатанную типографским способом: «Список членов Всесоюзного общества старых большевиков на 1 января 1933 года». Среди членов Общества, вступивших в партию до Великой Октябрьской социалистической революции, значился Гай: партстаж с 1903 года, время вступления в Общество — 1929 год, № билета — 624.

— У меня только этот список остался. Все дела Общества в архиве.

От Кобозевой — в Центральный партийный архив. Там в личном деле Г. Д. Гая хранится документ на шести страничках — краткий обзор его революционной деятельности.

Рядом три отзыва. Три старых коммуниста написали их собственноручно. Первые два знали Гайка Бжишкянца по совместной революционной работе в Закавказье, третий — по Восточному фронту. Им и был Петр Алексеевич Кобозев.

«Знаю т. Гая (Бжишкянца) начиная с 1918 г. В момент неудержимого отката от Волги Первой армии (числившейся еще на бумаге) мне было поручено Реввоенсоветом фронта (как председателю) во что бы то ни стало задержать ее. Задачу эту не мог решить штарм-1 (Тухачевский и Корицкий). В это время, вырываясь из кольца чехословаков, вышел на ст. Майна отряд т. Гая, превышавший своими силами Первую армию. Поехав к нему лично, я участвовал с ним в первом встречном бою с чехословаками, где они были отброшены в Симбирск; здесь я убедился в его коммунистической преданности, выдержке и беззаветной храбрости. С тех пор Гай был неизменно на передовых позициях, сам в разведках, везде, где решался успех боя.

Владимир Ильич Ленин чрезвычайно ценил его как первого подлинного творца первой Красной Армии.

Опираясь на мнение товарищей, знавших его по подполью, считаю его достойным членом Общества старых большевиков.

П. Кобозев».

В деле хранится кобозевская записка к Софье Николаевне Смидович, тогдашнему заместителю председателя Общества старых большевиков, та самая записка, черновой набросок которой лежал на дне плетеной корзины.

Кобозев сообщал, что вместе с начдивом участвовал в первом встречном бою с белочехами на подступах к Симбирску. Враг был отброшен, но город еще не освобожден.

Где же находился Петр Алексеевич в памятный день 12 сентября?

— В Москве, — уверенно заявила Алевтина Ивановна. — Он прибыл с Волги за новым назначением. Партия посылала его в Туркестан. Об этом, кажется, писали «Известия»...

В номере от 13 сентября газета сообщала, что член Революционного военного совета Республики П. Кобо-

зев командируется из Москвы в Туркестан в качестве полномочного представителя правительства РСФСР.

«Наши победоносные войска, — заявил П. Кобозев, ссылаясь на свою недавнюю поездку по фронту, — не остановятся взятием Казани, и, быть может, на днях мы услышим о падении Самары и Симбирска».

Радостную весть об освобождении Симбирска Петр Алексеевич узнал в столице и опубликовал в тех же «Известиях» статью под заголовком «К взятию Симбирска».

«...Нервное выстукивание телеграфа: «Как отозвалась армия на покушение на Ильича?..» Это запрашивает нашу ставку товарищ Аралов.

Теперь эти ответы приходят. Они шли дольше других телеграмм. Но как они тяжеловесны, эти ответы — Казань, Симбирск...

«Взятие Вашего родного города Симбирска — это ответ за одну Вашу рану, — телеграфирует командир Симбирской дивизии т. Гай Ильичу, — а за другую рану будет Самара».

Итак, Кобозев утверждал, что телеграмму о взятии Симбирска, которая вошла во все хрестоматии и во многие сборники, дал Гай. И писал он об этом не спустя сорок с лишним лет, а по горячим следам, в тот же или на другой день после знаменательного события.

Да и ответ Ленина начинался примерно с тех же слов, что телеграмма, посланная в его адрес: «Взятие Симбирска — моего родного города...»

Оставалось выяснить, где и при каких обстоятельствах Кобозев мог узнать о телеграмме Гая. В секретариате Ленина? От самого Владимира Ильича, который с нетерпением ждал этой вести? В оперативном отделе Народного комиссариата по военным и морским делам?

В статье Кобозева упомянут С. И. Аралов, бывший начальник оперативного отдела наркомата, тот, что запрашивал фронты: «Как отозвалась армия на покушение на Ильича?»

Я — к Семену Ивановичу. Аралов помнит, что в первой половине сентября восемнадцатого года Кобозев не раз заходил в оперод, справлялся, нет ли в свежей почте телеграммы из Симбирска. Наконец она поступила. Петр Алексеевич на радостях обнял Аралова и помчался в редакцию «Известий».

Сомнений нет: телеграмма Владимиру Ильичу послана Гаем.

Отправил аргументированное письмо дирекции филиала Центрального музея В. И. Ленина.

Из Ульяновска пришел положительный ответ. Директор филиала кандидат исторических наук И. Баранов сообщал:

«Уважаемый Александр Михайлович! Я и все мои товарищи по работе в музее (а также и ульяновские краеведы) единодушно разделяем вашу точку зрения относительно роли действительно легендарного начдива Г. Гая в годы гражданской войны и, в частности, в освобождении г. Симбирска от белочехов.

Ради восстановления исторической справедливости подпись под телеграммой В. И. Ленину, экспонируемой в филиале, будет изменена. Вместе с тем мы вводим в экспозицию небольшое фото Г. Гая».

Можно было только радоваться такому решению: наконец-то историческая правда восторжествовала, подпись под телеграммой будет изменена!

Вскоре после письма из Ульяновска редакция газеты «Красная звезда» попросила меня написать о Гае и попутно рассказать о «целебной» телеграмме. Для такой статьи вдохновения занимать не понадобилось: слова сами просились на бумагу.

Статья «Верный сын народа» появилась в газете в день восьмидесятилетия Гая, но абзац, в котором утверждалось, что начдив послал Ильичу телеграмму, был, к моему удивлению и огорчению, опущен.

«Возможно, это произошло при сокращении, когда не все строчки вмещались на полосе», — подумалось мне, прошедшему большую газетную школу.

Звоню в редакцию. Ничего подобного. Оказывается, что незадолго в газете была помещена подборка, которая прошла по другому отделу. Называлась она «Документы. Воспоминания. Хроника событий». Здесь же поместили клишированную телеграмму из освобожденного Симбирска. Подписи Гая под ней нет.

Но если и была бы, то можно ли напечатанное считать документом, ссылаться, опираться на него? На воспроизведенном бланке не указано, когда была отправлена из Симбирска и принята в Москве телеграмма — день, час, минуты.

Чтобы определить подлинность документа, опытные архивариусы скрупулезно добиваются истины. Сотрудник же редакции, готовивший подборку, пренебрег этим обязательным правилом: он не заметил, что в музее Львова кто-то на старый бланк наклеил известный текст «целебной» телеграммы и выдал подделку за подлинник.

Позже, разобравшись, редакция исправила ошибку. В день 50-летия освобождения Симбирска «Красная звезда» назвала Гая Дмитриевича Гая автором «целебной» телеграммы.

И все стало на место, отведенное историей.

Гайк Бжишкянц

Новое письмо с родины Ильича. Короткое, волнующее. От Ивана Ивановича Мошина, бывшего пулеметчика Железной дивизии:

«С «целебной» все теперь яснее ясного: ее послал Гай. Но пусть на этом поиск не заканчивается, — советует Мошин. — Если вы не остановитесь на полпути, если заинтересуетесь биографией легендарного Гая, пойдете дальше по его путям-дорогам, тысячи гаевцев, живущих в Советском Союзе и за его рубежами (полки Гая по своему составу были интернациональными), охотно помогут вам. Только, пожалуйста, не медлите, а то всякое может случиться с нашим братом — все мы люди смертные, и ой как не хочется, чтобы с нами ушла правда о нашем командире. Пусть ее узнает молодежь, пусть она подражает Гаю в преданности революции, в смелости, в сердечности — во всем».

Стоило только мне выступить по радио или по телевидению, рассказать о героях других моих книг — Ярославе Гашеке или Олеко Дундиче, как «ревнивый» Иван Иванович запрашивал: «А когда же вы начнете писать о Гае?»

Между тем я не сидел сложа руки. С берегов Волги отправился к берегам Аракса, где жили люди, знавшие Гая. И среди них — Гурген Сергеевич Айкуни, автор поэмы «Красный дьявол». Вместе с Петром Кобозевым он рекомендовал Гая в Общество старых большевиков.

...Прилетев в шумный солнечный Ереван, я прежде всего стал разыскивать Айкуни. В Союзе писателей

Армении на мой вопрос, где можно найти поэта, ответили, что он на отдыхе; когда вернется — неизвестно.

Не теряя времени, я направился в Институт истории компартии Армении. Там узнал, что создается фонд Гая, в котором будут собраны все документы, статьи, заметки о нем. Мне предложили стать участником «гаевского фонда».

Первую лепту внес местный журналист Армо Малхасян, написавший брошюру о советском полководце. Армо долгие годы искал саблю Гая, переданную им на хранение ереванской школе красных командиров, и пришел к выводу, что она лежит в старом, засыпанном землей колодце [1].

Другой коренной ереванец, Арташес Гюльназарян, передал институту записку, под которой стояло имя бывшего командира Второго и Третьего конных корпусов Г. Гая. Комкор знал Гюльназаряна по Армавиру, где в девятнадцатом году Арташес вступил добровольцем в красную конницу.

Записка, которую Гюльназарян хранил многие годы как память о любимом командире, несомненно, представляла известный интерес. Но меня по-прежнему занимала малоосвещенная кавказская страница деятельности полководца.

В институте посоветовали встретиться с доктором исторических наук Арамаисом Мнацаканяном. Он охотно поделился со мной всем, что было известно ему о замечательном соотечественнике. Историк не сразу перешел к кавказским событиям. Начал он со старого Тифлиса, когда там зверствовал наместник царя

---

[1] Забегая несколько вперед, скажем, что сабля, о которой идет речь, в конце концов была извлечена из колодца. По этому поводу в некоторых центральных газетах появилась заметка под заголовком «Сабля легендарного Гая». В ней сообщалось, «что Железная дивизия, начав наступление против атамана Дутова, вскоре пленила его. Командующий войсками Восточного фронта М. В. Фрунзе с дарственной надписью преподнес Гаю боевую позолоченную саблю белогвардейского генерала».

Тут все не так, как было на самом деле. Во-первых, Железная дивизия не брала в плен атамана Дутова; во-вторых, М. Фрунзе никогда не вручал Гаю саблю белогвардейского генерала, так как в Красной Армии не было принято награждать командиров, проявивших себя в бою, личным оружием врага. Возможно, это была сабля, которую бойцы подарили своему командиру, о чем свидетельствует запись, сделанная в послужном списке Гая.

князь Голицын, прозванный в народе «черным вороном»: он отбирал у армян их земли, закрывал школы. Партия «Гнчак», что в переводе на русский язык означает «Колокол», решила умертвить «черного ворона». Для исполнения приговора было выделено несколько групп. В одну из них, резервную, попал шестнадцатилетний Гайк.

Операция осуществлялась среди бела дня. Для покушавшихся она закончилась печально: многие были схвачены на месте. Царский же сатрап отделался легким ранением.

Из Тифлиса Гайку пришлось бежать в Баку. Работая на нефтепромыслах масленщиком, свободно владея тюркским, грузинским и другими языками, юноша умело вел пропагандистскую работу среди нефтяников. Его пламенные выступления на рабочих сходках звали людей на борьбу; его статьи и заметки, под которыми стояла подпись «Банвор Гайк» — рабочий Гайк, изобличавшие царский строй, печатались в бакинских, тифлисских газетах и даже в Париже. Выступления Банвора Гайка привлекали внимание не только рабочих, но и полицейских. На одном из собраний юноша был схвачен и брошен в Баиловскую тюрьму, о которой говорили: «Отсюда не выходят, отсюда выносят».

Гайку посчастливилось: его не «вынесли». Через полгода из-за отсутствия улик он был выпущен на свободу, вернулся в Тифлис; и снова арест, снова решетка. Метехский замок, где он просидел шестьдесят дней, ничем не уступал Баиловке: тот же каменный мешок, те же тюремщики.

На шестьдесят первый день юного революционера выслали в Астрахань под надзор полиции. Там Бжишкянца застала первая мировая война... Через год, когда султанская Турция выступила на стороне Германии, Гайк Бжишкянц отправился на Кавказский фронт в качестве добровольца.

— Добровольца? — переспросил я. В моей голове не укладывалось, как мог борец за свободу, ненавидящий царя, участвовавший в покушении на его кавказского наместника, стать добровольцем царской армии. Не было ли это ошибкой молодости?

— Не было! — уверенно произнес историк, когда я высказал ему свои сомнения. И тут же добавил: — Наше

поколение мало знает о том, что происходило тогда в Западной Армении. Копните эту тему поглубже, и вы поймете, почему Гайк Бжишкянц стал добровольцем.

Документы, газетные подшивки, записи бесед с живыми свидетелями. Постепенно передо мной вырисовывалась картина трагедии целого народа. Началась она тогда, когда турецкие паши, захватив исконно армянские земли, надели ярмо на побежденный народ.

После того как Турция вступила в первую мировую войну, зверства стали массовыми. Многие армянские селения превращались в пепел. Каждого, кто способен носить оружие, быть народным мстителем, — уничтожали. Стариков, женщин, детей угоняли в безводные пустыни Месопота́мии. Задыхаясь в едкой пыли, томимые жаждой, измученные голодом и болезнями, они плелись неизвестно куда. Многие так и не дошли — погибли в пути.

Две цифры, названные Мнацаканяном, глубоко взволновали меня: в Западной Армении было вырезано более миллиона безоружных армян, более шестисот тысяч угнано в пустыни.

Тысячи и тысячи людей, живущих в России, были готовы ценой своей жизни помочь западноармянским братьям в их справедливой борьбе. Чаяния большинства добровольцев ничего общего не имели с захватническими намерениями царского правительства. Об этом не раз говорил Гайк, внушая бойцам ненависть к престолу, за что подвергался репрессиям.

Историк сослался на статью Сергея Мироновича Кирова «Народ страждущий», напечатанную в 1916 году в «Тереке» — газете, выходившей во Владикавказе, куда двинулся огромный людской поток.

Ссылаясь на официальные документы, опираясь на неопровержимые факты, Киров разоблачил чудовищное намерение турецких пашей, стремившихся физически уничтожить армянский народ. Глубоко переживая эту трагедию, он с горечью отмечал:

«С первых же дней войны с Турцией мы знаем, что турки совершенно недвусмысленно оправдывали проведенное позорище. Изо дня в день из Турецкой Армении шли одни и те же кошмарные вести. Что делали там турки, об этом не расскажут слезы армянских женщин и детей, а варварски пролитая кровь мирного армян-

ского населения, переживающего невыразимый ужас и страдания, дает только некоторое, весьма отдаленное представление о голгофе армянского народа».

Злодеяния, совершенные турецким султаном и его кликой, ничем не отличались от преступлений Гитлера и его подручных. Это нельзя забыть ни через двадцать, ни через пятьдесят, ни через сто лет. Никогда!

И вопрос, кому помогал доброволец Гайк, сразу отпал: разве мог он — человек храброго сердца и щедрой души, стыдливо отвести глаза от голгофы, уготованной для его народа?

Когда разговор зашел о Советской Армении, Мнацаканян, раскрыв лежавшую на столе папку, извлек из нее архивный лист. Это была копия записки, посланной Серго Орджоникидзе в первых числах декабря 1920 года. Асканаз Мравян — видный деятель революционного движении в Закавказье, побывав у Ленина, рассказал ему о нуждах Армении, только что освободившейся от власти дашнаков.

Молодая республика строила национальную армию, которая входила в состав Советских Вооруженных Сил, армию, способную отстоять Армению от внутренних и внешних врагов. Дашнакским главарям, пользовавшимся влиянием среди части местного населения, необходимо было противопоставить военачальника из народа, способного объединить всех, кто готов защищать республику. Об этом и думал Мравян, возвращаясь из Москвы в Ереван, когда писал Орджоникидзе:

«Дорогой Серго! Очень жалею, что не удастся нам увидеться. Еду в Баку и дальше в Эривань...

... Другой вопрос, волнующий меня и Саака [1] — это вопрос об организации военных сил Армении. Тебе хорошо известно, что дашнакские хмбапеты (атаманы) пользуются большим влиянием и представляют серьезную угрозу для нашей власти. Мы об этом думали в Москве и пришли к заключению, что необходимо дашнакским хмбапетам противопоставить личность, которая могла бы сгруппировать вокруг себя армян-боевиков.

Полагаем, что в этом смысле Гай незаменим. Он

---

[1] Саак Тер-Габриелян, член Коммунистической партии с 1902 года, бывший Председатель Совнаркома Армении, член бюро Заккрайкома.

сражался на Кавказском фронте и пользуется славой храбреца. Его работа в Красной Армии достаточно известна и дает полное право рассчитывать на его преданность. Он в России мог бы мобилизовать армян-красноармейцев и, таким образом, создав прочное ядро, поехать в Армению и там сорганизовать Красную Армию Советской Армении.

...Полагаю, что Кавбюро, близко знакомое с условиями Армении, одобрит наше (мое и Саака) предложение и поддержит его в ЦК...»

В той же папке, где хранится копия письма А. Мравяна к С. Орджоникидзе, лежала пожелтевшая, слегка покоробившаяся групповая фотография, сделанная на Кавказском фронте. Седобородые старцы и мальчики, одетые кто во что горазд, вооруженные чем попало: у кого охотничье ружье, у кого пистолет. Это не кадровая армия. Типичные партизаны-добровольцы.

— Вот Артак Вартанян! — воскликнул Мнацаканян, обращая мое внимание на юношу в папахе. — Я знаю его. Теперь — генерал-лейтенант в отставке. Старый коммунист. Вместе с Гайком участвовал в боях с младотурками. Он работает в Институте народов Азии.

В Москве я познакомился с генералом Вартаняном. Дружина, в которой он служил разведчиком, находилась неподалеку от той, в рядах которой сражался Гай.

В бою с младотурками погиб начальник дружины. Потеряв своего командира, дружинники дрогнули. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы раненый в этом же бою Гайк Бжишкянц не взял на себя командование. С забинтованной головой, с правой рукой на перевязи он повел бойцов вперед.

В тот день были очищены от врага четыре населенных пункта, спасены сотни семей. За храбрость и находчивость, проявленные на Кавказском фронте, Гайка Бжишкянца наградили двумя Георгиевскими крестами и медалью.

— Этих наград Гай не стыдился, не выбросил их на свалку истории, как это делали некоторые, хотя получил кресты и медали, находясь на службе в старой армии, — подчеркнул генерал Вартанян. — Он гордился ими, как гордились Блюхер, Чапаев, прошедшие путь от рядового солдата до военачальника. Ведь Гайк был награжден не за то, что готов был отдать жизнь за

царя — он презирал его так же, как и турецкого султана, — а за верную службу своему народу.

— Теперь вам понятно, — подчеркнул генерал, — почему Мравян в письме к Серго Орджоникидзе считал, что дашнакам нужно противопоставить личность, которая могла бы объединить всех честных кавказцев? Такой личностью был Гай. Но Центральный Комитет партии отпустил его в Армению не сразу. Прошло около двух лет, пока решением ЦК Гай был назначен народным комиссаром по военным делам Армении.

По пути в Эривань он сделал остановку в Тифлисе. В закавказской столице его встретил корреспондент «Зари Востока». Беседа началась с вопроса, почему Гай — сын Армении — так долго находился вдали от Кавказа, не приезжал в родные места.

— Приехать на Кавказ и работать здесь было всегда моим искренним желанием, — объяснил Гай. — Но я не мог это сделать раньше. Этому мешал ряд обстоятельств, политических и военных, которые всегда отвлекали меня на другие, более важные фронты. Как коммунист я всегда был там, где революции угрожала наибольшая опасность.

Теперь революция окрепла, и я на Кавказе. Я с радостью принял приглашение ЦИК и Коммунистической партии Армении... Принципиально, как воспитанник великой Красной Армии, я не сторонник территориальных национальных армий, но, учитывая бытовые условия и этнографическое положение Закавказья, считаю, что это явление — как временное — необходимо.

Да, Гай всегда был там, где пролетарской революции угрожала наибольшая опасность: Волга и Урал, Дон и Маныч, Днепр и Неман. Помогал русским, украинцам, белорусам, башкирам, татарам отстаивать первые завоевания Октября. Верный сын Армении приадлежал всему советскому народу.

Глава вторая

САМАРКАНДСКАЯ ЗАГАДКА

Люди, откликнитесь!

Поначалу казалось, что в биографии Гая нет больше «белых пятен». Его жизнь проходила на виду у многих. Им написано несколько брошюр и книг о боевых операциях на разных фронтах.

В автобиографии названы месяцы, годы, населенные пункты, в освобождении которых принимали участие его полки.

В Самарканде беседую с местными архивистами, работниками музейных фондов.

— Гай? Какой Гай? — переглядываются они.

Даже кандидат исторических наук Юрий Николаевич Алескеров, чьи труды по истории гражданской войны в Средней Азии известны далеко за пределами Узбекистана, не смог при первой нашей встрече ничего прибавить к уже услышанному.

— Неужели Гай был в Самарканде? — Алескеров с удивлением посмотрел на меня.

— Может быть, его знали как Бжишкянца?

Алескеров задумался. И эту фамилию в среднеазиатских архивах он не встречал.

А что если обратиться к человеческой памяти, к тем, кто мог знать Гая лично?

Через полчаса я был у заместителя редактора областной газеты «Ленинский путь» Михаила Иосько.

— Заметку поместим в завтрашнем же номере, — сказал он. — Хорошо бы с портретом Гая. Пусть его увидят старые и молодые самаркандцы. Старые посмотрят и узнают в нем Гайка Бжишкянца, а молодым будет полезно познакомиться с еще одной яркой лич-

ностью. Признаться, мне самому давно хотелось посмотреть, как выглядел Гай. Ведь он воевал в нашем крае.

Я вынул блокнот, предполагая, что услышу что-то о Самарканде и о Гае. Однако под словами «наш край» Михаил Иванович имел в виду не среднеазиатский, а гродненский, где он родился и вырос. Там жили те, чья боевая дружба с Гаем началась в дни гражданской войны, там мужественно дрались его конники.

Иосько раскрыл макет четвертой полосы.

— В центре, — провел он карандашом по чистому листу, — дадим обращение к читателям. Рядом с ним — портрет Гая.

Я положил на стол несколько фотографий. На одной Гай выглядел молодым, но, судя по всему, уже повоевавшим на своем веку человеком. Из-под папахи, чуть сдвинутой набок, виднелись бинты. Снимок был сделан на Кавказском фронте. Второй относился к сентябрю восемнадцатого года, к симбирскому периоду. Третий — к Самаре. Начдив снят во весь рост в смушковой папахе, на гимнастерке красный бант. Внизу напечатано: «Гай — освободитель Самары от белочехов».

...На другой день самаркандцы прочли в «Ленинском пути» обращение: «Люди, знавшие Гая, откликнитесь!»

«Самаркандский период жизни героя до сих пор остается белым пятном в его биографии, — писала газета. — Вот почему редакция обращается ко всем ветеранам гражданской войны, ко всем самаркандским старожилам, которые знали Гая по совместной борьбе, с просьбой рассказать все, что им известно о Гае Дмитриевиче Гае (Бжишкянце) и его боевых сподвижниках...»

В тот день редактор газеты и его заместитель сияли: такого наплыва людей, пожалуй, никогда не было. Русские, узбеки, армяне, венгры, украинцы, немцы, поляки — целый интернационал! Все люди бывалые, все ветераны гражданской войны. Кто видел, кто слышал, кто знал Гая.

Знали. Но не по Самарканду, а по боям за Симбирск, Самару, Оренбург, Новый Оскол. Пришли те, кто в двадцатом году совершил с Гаем глубокий рейд на Варшаву, и те, кто в мирное время слушал в стенах академий его лекции о военном искусстве.

Из присутствовавших только один Александр Тониян, подполковник в отставке, начинал службу в Самаркандской дружине. Командовал ею Гайк Бжишкянц. Тониян находился в дружине несколько дней, потом получил новое назначение. Правда, и ему довелось воевать на Бухарском фронте, но не в восемнадцатом, а позже — в двадцатом году, когда войска эмира были разгромлены.

Тониян посоветовал разыскать двух старых самаркандцев: генерал-майора в отставке И. Куца и полковника Г. Цатурова. Оба, по его сведениям, проживали в Москве.

С Куцем я был знаком. Наши беседы обычно касались комбата Пау, бесстрашного Дундича и ни разу — Гая, его пребывания в Самарканде.

Возвратившись в Москву, я тотчас же позвонил генералу.

— Гая я знал... Вместе учились в одной академии, только кончали в разное время.

— А по Самарканду, по Красной гвардии?

— Там он не служил.

— По-вашему, Гай в Самарканде не был?

— Почему? В нашем городе жил его отец, старый учитель. Гай мог гостить у него. Но при чем тут самаркандская Красная гвардия? Где сказано, что Гай командовал дружиной?

— В автобиографии.

— Когда она написана?

— В двадцать восьмом... В Большой Советской Энциклопедии о Гае сказано: «Участвовал в военных действиях против бухарского эмира».

— Это ничего не значит, — возразил Куц. — Поговорите с другими ветеранами.

Надо было встретиться еще с одним из них — с полковником Цатуровым.

Все запросы долго оставались без ответа. Вдруг — телефонный звонок. В трубке незнакомый, чуть глуховатый голос.

— Я Гарегин Цатуров, вы меня слышите? Сильно болел, потому не звонил... Вы меня слышите? Могу подтвердить, что Гайк Бжишкянц в Самарканде командовал красногвардейской дружиной. Приезжайте, расскажу.

Поехал к Цатурову. Навстречу, опираясь на крючковатую палку, поднялся Гарегин Мовсесович. В тот вечер он долго рассказывал о Самарканде, о том, что происходило вокруг города весной восемнадцатого года.

Советская власть держалась на волоске. Только удалось разоружить белоказаков, следовавших с Закаспия, как неожиданно возникла новая опасность со стороны Бухары.

Председатель Совнаркома Туркестана Колесов просил срочно прислать подкрепление на станцию Каган для борьбы с эмиром бухарским. А где его взять? Основные силы были брошены в Ферганскую долину на подавление контрреволюционного мятежа. В Самарканде оставались бойцы, несшие караульную службу, да небольшая армянская дружина. Ее начальник Гайк Бжишкянц получил приказ от Самаркандского областного военного комиссариата выступить в Каган в распоряжение Колесова.

«Все, как в автобиографии», — подумал я. В ней сказано: «Я немедленно организовал в Самарканде по поручению ревкома дружину из рабочих армян, узбеков и евреев и пошел драться против эмира бухарского».

— О том, как была сформирована эта дружина, мог бы подробно рассказать бывший самаркандский военный комиссар Василий Гуща...

— Почему «мог бы»?

— Его уже нет в живых. Однажды у Гущи потребовали: «Докажи свою службу в Красной гвардии». А как доказать? Документы потеряны. Тогда Василий Степанович обратился к Гаю, и тот подтвердил, кем был Гуща для самаркандской Красной гвардии.

С Гаем Цатуров сблизился в Москве, в Военной академии. С отцом его Дмитрием Карапетовичем познакомился раньше.

— В конце девятнадцатого года ко мне в кабинет — я тогда работал политическим контролером и членом коллегии краевой продовольственной директории — зашел щуплый старичок в новой черкеске. Говорит, с фронта приехал, самаркандцам от сына привет привез.

«От какого сына?»

«От моего Гайка Бжишкянца. Он теперь новую фамилию носит — Гай...»

Об этом прославленном командире Цатуров уже

тогда слышал, но, признаться, думать не думал, что это Бжишкянц из Самарканда. Усадил старика в кресло, стал расспрашивать, где сын теперь воюет.

«На Деникина идет — Красной кавалерией командует. У меня от него есть поручение: привезти конников из Самарканда, и в первую очередь тех, кто служил в дружине» [1].

— Кто-нибудь из бывших дружинников жив?

Гарегин Мовсесович сразу не вспомнил. Обещал, как он выразился, «поэксплуатировать» свою память.

Не успел я вернуться домой, как мне сообщили, что звонил Цатуров. Набрал его номер и слышу:

— Есть один сведущий человек! Тарасов. Служил в дружине пулеметчиком.

— А где искать его?

— В Самарканде были? В гостинице «Регистан» останавливались? Рядом с ней Тарасов живет, Акоп Александрович.

Я уже собирался снова лететь в Самарканд, как неожиданно получил письмо от Куца. Оказывается, неугомонный Иван Федорович нашел доказательство своей правоты. И где? В сборнике «Этапы большого пути».

Здесь помещены статьи С. Каменева, М. Тухачевского, В. Блюхера, Р. Эйдемана, И. Якира, Г. Гая и других видных советских военачальников. В рассказе, написанном Гаем, внимание Куца привлекла фраза:

«Я очень хорошо помню тринадцатилетнего мальчика Ваню, который в начале 1918 г. приехал к нам в Самарскую дружину со своим отцом».

---

[1] После встречи с Цатуровым я получил от самаркандского историка Ю. Алескерова машинописную копию объявления, напечатанного в местной газете «Призыв» за подписью Г. Бжишкянца.

«В городе (Самарканде) открывается подотдел 1-й Кавказской красной Дикой дивизии с 15 декабря 1919 года. Запись кавказцев-кавалеристов и добровольцев производится: Пушкинская, дом 3, с 8 часов утра до 2 часов дня ежедневно».

Ниже приписка Ю. Алескерова: «Пушкинская, 3 — небольшой домик, в котором мы с вами были, где весной восемнадцатого и зимой девятнадцатого года сначала сын, а потом отец принимали добровольцев, решивших защищать революцию с оружием в руках.

Газета «Призыв» печаталась на грубой оберточной бумаге. Многие буквы стерлись. Однако текст удалось восстановить, и я с радостью посылаю его, как еще одно свидетельство, что Гай был тесно связан с Самаркандом».

Самара не Самарканд, и Куц пришел к выводу: если в начале года Гай, как он сам пишет, был в Самаре, то как он мог в это время формировать дружину в Самарканде?

Довод как будто бы веский.

Досадная ошибка

О письме генерала я сообщил Юрию Николаевичу, который к тому времени активно включился в поиски. Алескеров сразу откликнулся:

«Что касается И. Ф. Куца, то его ссылка на рассказ Гая, напечатанный в «Этапах большого пути», не выдерживает никакой критики. Известно, что в литературных произведениях нередко нарушается хронология.

На днях ко мне пришло несколько стариков. Все в начале 1918 года принимали участие в боях (вернее, в в стычках) с войсками эмира бухарского. Они помнят отважного Гайка Бжишкянца. По Самарканду, по его службе в Красной гвардии.

Вы меня не очень торопите. Торопливость мешает более глубокому, всестороннему изучению вопроса. Я еще пороюсь в местных архивах: может быть, посчастливится найти документ, удостоверяющий, что Гай был командиром самаркандской дружины».

Документ был найден в Москве, в Центральном партийном архиве: справка, выданная Гаю Самаркандским революционным комитетом 1 марта 1918 года — как раз в то время, когда назрел конфликт с эмиром бухарским, — удостоверяла, что Гайк Дмитриевич Бжишкянц действительно являлся командиром армянской дружины.

Казалось, все проясняется. Однако свидетельства живого человека не помешают. Надо повидаться с Тарасовым.

Наш разговор с ним начался издалека, с восемнадцатого года.

— В каком отряде вы тогда служили?

— Это была дружина, — вежливо поправил Тарасов. — Командовал ею Бжишкянц.

— С кем воевали?

— С эмиром бухарским.

— Гай был с вами?

— В Кагане — нет...

Сначала в Самарканде создали небольшую дружину. Это была горсточка таких же, как Тарасов, бывших фронтовиков. Когда пришла телеграмма Колесова[1], наплыв добровольцев увеличился. Народ необстрелянный: многие ни разу пороха не нюхали. Бросить их в бой Гай не захотел, стал обучать военному делу.

Потому его и не было вначале с нами, — объяснил Акоп Александрович. — В Каган из нашей дружины направили только фронтовиков. Мы влились в колесовский отряд, и противник был отброшен к стенам древней крепости.

— Вы тогда овладели ею?

— К сожалению... Опасаясь полного разгрома, эмир выбросил белый флаг. Огонь утих. Не подозревая ловушки, Колесов приказал прекратить огонь и выделить делегацию для переговоров.

Когда массивные двери старой крепости закрылись, делегаты поняли, что они обречены на гибель. Пока эмир справлял в крепости кровавый пир, его солдаты — их называли сарбазами — разрушали железную дорогу, сбивали костыли, оттаскивали с помощью верблюдов рельсы. Отряд Колесова оказался отрезанным от Самарканда и Чарджоу. Но сарбазы не успели разобрать колею к станции Кермине (там находилась вторая столица эмира, где жил его дядя бек). По этой дороге и прибыл Гай с молодыми бойцами. Приехали красногвардейцы из других отрядов. После первого боя бек сдался.

Эмир вынужден был подписать мирные условия. Его дядя назвал нашего командира «красным чертом».

— А дальше что было?

— Гай отправился на другой, более важный фронт. Слышали про «оренбургскую пробку»? Так вот он вместе с другими взялся ее «откупорить»...

Была не одна, а несколько «оренбургских пробок». Первая возникла в конце 1917 года, когда атаман Дутов, захватив город и станцию, отрезал Туркестан от Советской России. Оренбургский диктатор продержался несколько месяцев и вынужден был бежать из своей вотчины. Однако дорога, связывавшая Россию со Средней Азией, непрерывно подвергалась налетам белоказа-

[1] Бывший Председатель Совнаркома Туркестана.

ков. В мае восемнадцатого года над Оренбургом вновь нависла смертельная опасность. О ней В. И. Ленину сигнализировал председатель Самарского совдепа Валериан Куйбышев:

«Товарищ Ленин, в Оренбурге снова подняла голову дутовщина. Получено донесение, что за 20 верст от Оренбурга наступают казачьи отряды. Илецк окружен казаками, казаки мобилизуют все станицы, чинят страшные зверства, убиты три члена исполкома, председатель казачьей секции Совета Захаров. Оренбургская буржуазия принимает активное участие. Оренбург просит Совет Народных Комиссаров помочь уничтожить в корне авантюру Дутова, иначе снова образуется пробка, которая погубит с голоду двенадцать миллионов жителей Туркестанского края».

— Двенадцать миллионов!.. — задумчиво повторил Акоп Александрович, когда я своими словами пересказал содержание разговора Куйбышева с Лениным. — Да, в ту пору в Туркестане от голода умирало людей больше, чем от пуль. Вот тогда-то Гай Бжишкянц и мы вместе с ним загорелись желанием принять участие в откупоривании «оренбургской пробки».

Помню, наш командир говорил на митинге, что мы не вернемся домой до тех пор, пока не откроем дорогу в Россию. Скептики посмеивались, называя его фантазером: они были убеждены, что красным не справиться с многотысячным казачьим войском, во главе которого стоял Дутов.

...Тарасов не доехал до Оренбурга. В стычке с белоказаками его тяжело ранило, и, чтобы не быть обузой для отряда, он вынужден был вернуться домой.

— А Гай?

— С полгода не давал о себе знать. Но вот зимою прибегает сосед, размахивая газетой. «Читал? Красная Армия освободила Оренбург! В Самарканде хлеб будет!». В газете сообщалось, что город освободили две армии, одной из них командовал Гай.

— Где из Бжишкянца он превратился в Гая?

— Возможно, в Самаре. В Оренбург наш командир попал не сразу. Почему? Не скажу, не знаю.

И к одному невыясненному вопросу прибавился новый — когда Бжишкянц стал Гаем?

Вопрос этот легко можно было бы разрешить с по-

мощью Петра Федоровича Устинова — коренного волгаря. Все братья Устиновы — Петр, Иван, Николай, те, кто мог носить оружие, защищали Советскую власть. Только младший, десятилетний Дима[1] не был красногвардейцем: помешал возраст.

Петр и Николай участвовали в боях за Симбирск, Самару, Оренбург. Несколькими месяцами раньше в боях за город на реке Урал погиб Иван Устинов.

Вместе с Гаем Петр подымался по военной лестнице. Гай был начдивом, комкором, командармом; Устинов командовал батальоном, полком, бригадой.

В архиве Ульяновского обкома партии мне сказали, что Петр Федорович умер незадолго до начала Великой Отечественной войны. Поверив этому, я пожалел, что поздно заинтересовался Устиновым.

Раскрываю «Комсомольскую правду» за 16 ноября 1960 года. В корреспонденции из Ульяновска П. Ф. Устинов дважды упоминается как живой.

«В Ульяновске проходят в эти дни встречи с участниками освобождения города от белогвардейских банд — командиром Первого полка Симбирской Железной дивизии П. Ф. Устиновым, командиром пулеметного взвода И. И. Мошиным и другими».

Петр Федорович Устинов, командир Первого Симбирского полка, жив и выступает в наши дни в Ульяновске! От этой мысли бросило в жар. Вновь перечитал заметку. Черным по белому напечатано: «П. Ф. Устинов».

Срочно соединился с Ульяновском. На проводе заведующая партийным архивом.

— Вы говорили, что Устинов умер, а он, оказывается, жив...

— Не может быть!

Я зачитал выдержку из «Комсомольской правды».

— Не понимаю, как вы могли поверить этой чепухе? Выступал не Петр Федорович Устинов, а Михаил Евсеевич Устимов. Повторяю: «Ус-ти-мов, коммунист, бывший боец Железной дивизии.

— Устимов? — машинально повторил я. — А что известно о Петре Устинове?

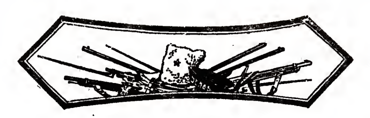
[1] Д. Ф. Устинов теперь кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС.

Последовал тот же ответ: к сожалению, давно умер. В Москве живет его адъютант, «милый Вороненок» — так Петр Федорович называл Воронова.

На вопрос, как найти Вороненка-Воронова, заведующая архивом ответила:

«Те, кто бывал у него, помнят, что после Отечественной войны он поселился неподалеку от Белорусского вокзала, не то на Сосновой, не то на Дубовой, в общем, на какой-то из Лесных улиц... По профессии он экономист, работал в одном из столичных научно-исследовательских институтов».

Ну что ж? Попробуем в многомиллионной Москве разыскать «милого Вороненка»...

Глава третья

КОГДА ИМЯ СТАНОВИТСЯ ФАМИЛИЕЙ

Зовите меня Гаем

Найти человека в Москве по одной лишь фамилии, не зная его имени-отчества, не так просто. Вороновых, как мне сказали в городском адресном бюро, меньше, чем Ивановых и Смирновых, но все же много.

В столице несколько сот научно-исследовательских институтов. В каком трудится инженер-экономист, прозванный в юности «милым Вороненком», на какой из Лесных улиц живет?

Девушка из Мосгорсправки заглянула в пухлый справочник: в нем девять Лесных, несколько Рощевых, одиннадцать Парковых аллей, целый Сосновый проспект. Есть даже тихая Пневая улица. В одних лесных названиях легко заблудиться.

Однако опытная дежурная объяснила, что у Белорусского вокзала есть только одна улица из мира рощ и дубрав — Лесная. На ней проживает Воронов Ефим Константинович, 1902 года. Прибыл из бывшей Самары.

Если «милому Вороненку» в восемнадцатом году не было полных шестнадцати, то московскому Воронову могло быть теперь под шестьдесят. И еще одно совпадение: «Прибыл из Самары», то есть из города, где формировалась дружина Гая. Без колебаний направляюсь на указанную мне Лесную.

В дверях меня встретил пожилой худощавый человек в роговых очках. Я поздоровался. Он ответил сухо — видно, был недоволен, что оторвали от дела.

Но стоило только сказать о цели визита, как Воронов сразу изменился: годы как бы отступили, морщины разгладились, хрипловатый голос зазвенел.

— Вы не ошиблись, — сказал он, не скрывая своего смущения. — Меня действительно в молодости называли Вороненком, тогда, когда я служил в самарской левоэсеровской дружине.

— Левоэсеровской? А какое отношение имел к ней Гай?

Воронов не торопясь объяснил все, что знал сам или же слышал от товарищей по оружию.

В первой половине восемнадцатого года наряду с молодой Красной Армией на Волге действовали вооруженные отряды рабочих и крестьян. В Самаре, где было несколько политических партий, каждая имела свою дружину и своего командира. Лишь в левоэсеровской его первое время не было.

Ее организатор Петр Устинов хотя и слыл человеком храбрым и смышленым, но от командирской должности отказался наотрез, считая, что эта работа ему не по плечу.

В те горячие дни командиры не назначались, а выбирались. Дружине предлагали свои услуги несколько штабных офицеров бывшей царской армии: в доверии им было отказано. Всем хотелось, чтобы командиром был человек, не только знающий военное дело, но и готовый вместе с ними отстаивать первые завоевания Октября.

Обратились за помощью в Самарский ревком. Там посоветовали разыскать в местном госпитале среди выздоравливающих Гайка Бжишкянца. Он не заставил себя упрашивать: согласился прийти на собрание, рассказать все о себе, и пусть люди решают.

Перед дружинниками Бжишкянц предстал в старом, тщательно отутюженном френче. Латаные, но начищенные до блеска сапоги подтверждали, что их владелец прошел по военным дорогам не одну тысячу верст, а георгиевские кресты и нашивки о ранениях свидетельствовали, что этот человек не раз бывал под огнем.

Отличной выправкой, приветливым взглядом, простым обращением он сразу расположил к себе.

Как только Устинов представил дружинникам их будущего командира, со всех сторон посыпались вопросы:

— Военное звание какое?

— Старший унтер-офицер.

— При Временном что делал, где был?

— В Москве, в госпитале. Когда поправился, поступил на службу в штаб военного округа. Охранял город, задерживал грабителей[1]. А когда понял, что с «временными» не по пути, порвал с ними.

— Откуда прибыл в Самару?

— Из города, который начинается так же, как ваш, только в конце еще несколько букв. Угадайте!

Догадливее всех оказался Вася Верясов, служивший в старой армии фейерверкером, что по-русски означает «человек, открывающий огонь».

— Значит, из Са-мар-канда? — произнес он по слогам.

— Точно!

— Чем занимался там?

— Воевал с эмиром бухарским, потом поехал в Оренбург. В дороге открылись раны. Товарищи привезли в Самару, сказав, что здесь находится штаб Уральско-Оренбургского фронта. Вместо штаба попал на лазаретную койку. Теперь на здоровье не жалуюсь. Если и жизнь понадобится — отдам за Советскую власть.

Дотошный банщик Иван Титаренко задал командиру до десятка разных вопросов.

— Фамилия твоя, — сказал он, — для нас, волжан, непривычная. Сразу не выговоришь. Зовут-то как?

— Гайком. Это в переводе на русский — армянин. Гайки — армяне, армянский народ. Я его сын, Гая.

— По-нят-но, товарищ Бэжишкянц.

— Не Бэжишкянц, а Бжишкянц! — поправил Титаренко, командир.— «Бэж» по-армянски «осел», а я не хочу им быть.

На собрании поднялся хохот.

— Тогда я предлагаю называть нашего командира просто, товарищем Гаем, — нашелся Титаренко.

Все согласились.

В этом предложении не было ничего удивительного. Люди, защищавшие революцию, называли друг друга больше по имени, чем по фамилии. Куйбышева, к при-

---

[1] В документе, выданном 5 марта 1917 года, старший помощник комендаита г. Москвы удостоверял, что Г. Д. Бжишкянц состоит «при штабе войск Московского военного округа и назначен патрулировать по городу Москве для прекращения грабежей и всякого рода беспорядка, угрожающих общественной безопасности, отбирать награбленные вещи и оружие и задерживать грабителей».

меру, — «товарищ Валериан», Кадомцева, командующего красногвардейскими отрядами, — «товарищ Михаил». Подобное обращение сближало командиров и бойцов. Да и слово «гай» для Заволжья привычное. Есть населенные пункты с такими названиями: Александров-гай, Яблоневый-гай, Орлов-гай.

— Ну что ж, зовите меня Гаем, — согласился Бжишкянц.

Так в гражданскую войну на Волге родился командир Гай. Имя превратилось в фамилию. Она стала появляться в военных сводках, в приказах Реввоенсовета Республики.

...Приняв командование дружиной, Гай приказал бойцам построиться возле казармы.

— Храб-цы! — так произнес он слово «храбрецы». — Верю, что вы готовы отдать жизнь за революцию. Это хорошо! Но не забывайте о своем внешнем виде. Исправный вид бойца — половина победы.

Гай на секунду остановился, пристально посмотрел на дружинников.

— Через пару дней мы пройдем по главной улице к зданию Самарского ревкома, чтобы заявить о своей готовности выполнять его приказы. На нас будут смотреть не только друзья, но и враги. Покажем себя так, чтобы друзья наши радовались, а враги боялись.

Кое-кому это требование показалось неправильным: какое значение имеет для революции, застегнута ли гимнастерка на все пуговицы, начищены ли сапоги? Однако когда к концу недели дружина стройными рядами прошла по центру Самары, четко печатая шаг, все поняли: внешний вид бойца много значит.

Ничего не бойся, кроме неправды

Услышав, что я собираюсь на Волгу, Воронов посоветовал разыскать там Василия Верясова — «Васю-артиллериста», который угадал название города, откуда в Самару прибыл Гай.

Адрес Верясова я узнал в областной библиотеке у дежурной по читальному залу. На вопрос, где могу получить сведения о Гае, о самарском периоде его жизни, услышал:

— У товарища Верясова, у нашего гаеведа. Он жи-

вет рядом со мной, — сказала девушка-библиотекарь, — буду идти домой, охотно провожу.

По дороге новая знакомая рассказала все, что знала о Верясове и с его слов о Гае.

...С Гаем Василий Емельянович познакомился, когда тот прибыл в самарскую дружину. В ней служило четверо Верясовых: отец Емельян Никифорович, шестидесятилетний старик, его сыновья — Иван, Ефим и Василий. Из всех Верясовых в живых остался только Василий. Сохранились дневники, которые он вел еще в дружине.

Василий Емельянович собирал все, что имело хоть какое-то отношение к Железной дивизии, к ее первому начдиву.

Много дней Верясов провел в читальном зале областной библиотеки, переписывая в свои тетрадки нужные сведения из старых газет и книг.

Тетрадок у него — больше двадцати. Если кому-нибудь из самарцев надо что-то уточнить, связанное с биографией Гая или с историей Железной дивизии, они идут к Верясову. Он охотно и бескорыстно консультирует всех — от юных следопытов до городских руководителей.

Несколько лет назад Куйбышевский горком партии решил установить мемориальную доску на здании, где в восемнадцатом году помещался штаб Железной дивизии. Обратились к ветеранам с просьбой указать улицу и дом. Все ответили, и каждый по-разному. Получилось, что штаб занимал в городе по меньшей мере до десяти зданий, расположенных на разных улицах. Верясов же назвал точный адрес, доказал документально. Ему поверили. Вскоре на этом доме появилась мемориальная доска.

...Разговаривая, мы незаметно подошли к дому Василия Емельяновича. У порога нас встретил сухощавый, чуть сутулый человек. Открытое русское лицо, умные с веселой искринкой глаза.

Когда мы начали беседу, он вдруг рассмеялся.

— Ну и здорово Гашек белочехов вокруг пальца обвел!

Оказывается, накануне Василий Емельянович слышал мой рассказ по местному телевидению о похождениях гениального чешского сатирика на самарской земле.

— А известно ли вам, что Гай и Гашек жили в Сама-

ре в одно время? И, наверное, знали друг друга: Гашек был комиссаром в чехословацком красном отряде, Гай командовал дружиной. Я вот весь вечер перечитывал свои записи, — Верясов показал рукой на стопку ученических тетрадей, лежавших на столе, — но, к сожалению, об их связях ничего здесь нет.

На обложке тетради было выведено:

«Наше прошлое — героическое прошлое, яркое прошлое, гражданской войны. Для нас это прошлое — фундамент будущих побед».

— Хорошие слова! Чьи?

— Гая.

Верясов заговорил о памятном ему прошлом, о весне восемнадцатого года. Для Самары она была необычайно тяжелой.

К Бузулуку, к крупной железнодорожной станции, рвался со стороны Оренбурга атаман Дутов. На другом конце Самарской губернии, в Николаевске, белоказаки восстановили старые порядки. Самара была похожа на бурлящий котел: оживились враждебные силы, пополненные контрреволюционным охвостьем, выбитым из петроградских и московских гнезд. А тут еще ко всем фронтам прибавился новый — Чехословацкий.

— Силы были неравные, — продолжал Василий Емельянович,— обстановка складывалась не в нашу пользу. С одной стороны, отлично экипированные, хорошо обученные белочехи, с другой — сколоченные на скорую руку рабочие отряды и дружины. Наша дружина считалась одной из надежных: мы охраняли берег Самарки, участок от старой бухты до элеватора. Впереди стоял уфимский отряд, прикрывавший железнодорожный мост через реку.

Верясов вынул сигарету, закурил.

— Сосед нас крепко подвел. Ночью, не известив Гая, оставил позиции. Мост оказался без прикрытия. фланги обнаженными. Белочехи двинулись вперед. Дружинники открыли по ним огонь, но он не достигал цели. Тогда Гай залег за пулемет, однако спасти положение было уже невозможно. Связь с отрядами, оборонявшими Самару, и с городским штабом вооруженных сил оборвалась. Гай получил приказ отступить к Волге.

Перед отходом он построил дружину и обратился к бойцам с речью:

— Кто готов продолжать борьбу, защищать нашу родную власть, защищать ее всюду, куда бы ни забросила нас судьба, — пусть сделает пять шагов вперед.

После небольшой паузы Гай продолжал:

— А тот, кто не желает или по состоянию здоровья не может уйти с нами, — пусть остается на месте.

Осталось несколько человек. Пожилой боец объяснил, что не может покинуть Самару из-за болезни, а стоявший рядом с ним остролицый студент, заикаясь, выдавил из себя: «Я человек робкий, боюсь смерти...»

— Ты трус, — резко оборвал студента Устинов и выхватил из кобуры наган, но Гай жестом остановил его. Все ожидали, что командир прикажет арестовать труса или, как говорили, «пустить в расход», но Гай и голоса не повысил:

— Спасибо, парень, что правду сказал, — неожиданно заявил он. — Нам не нужны трусы. Трусливый боец страшнее врага. Врага опасаешься, ждешь удара, готовишься отразить нападение. А трус, — Гай показал на съежившегося студента, — может в тяжелую минуту всех подвести. Пусть катится на все четыре стороны.

— Почему же, Гай, ты его отпустил? — Устинов никак не мог успокоиться. — Люди подумают, что ты прикрываешь трусов.

— Подумают, но не поверят. Лучше пожертвовать одним плохим бойцом и спасти жизнь сотням. Да еще советую тебе, Петр: ничего не бойся, кроме неправды. Она нас погубить может.

...На пристани дружина организованно погрузилась на пароход, уходивший вверх по Волге. В пути Гай получил приказ Куйбышева:

«Находясь в арьергарде, держи курс на Сенгилей. Надо обеспечить Симбирск с юга».

Пять нашивок на рукаве

От Василия Емельяновича я ушел, когда большой город уже погрузился в сон. Договорились, что приду утром и принесу портрет Гая, подаренный мне сенгилеевским колхозником. На фотографии — любопытная деталь; расшифровать ее я долго не мог.

На правом рукаве френча отчетливо виднелись пять полосок, расположенных звездочкой. Таких знаков раз-

личия в ту пору командиры Красной Армии не носили. В музее Вооруженных Сил СССР я пытался выяснить, что они означают, но никто из сотрудников объяснить не мог.

— Эти нашивки появились с того дня,— уверенно заявил Верясов,— когда Гай стал командиром сводного отряда. В Симбирске все самарские отряды были объединены в один.

— Их же было четыре,— осторожно напомнил я,— а на рукаве пять нашивок.

Верясов стал перечислять названия отрядов. Пятым, оказывается, считался матросский. Из Казани.

— Как он попал к Гаю?

Василий Емельянович молча протянул тетрадь.

Здесь были переписаны воспоминания Гая о дне, когда над Симбирском нависла серьезная угроза.

«По прибытии в Симбирск (кажется, 10 июня) в тот же вечер,— писал Гай,— состоялось военно-политическое совещание под председательством т. Куйбышева. Ближайшим поводом для совещания послужила телеграмма, поступившая в штаб Симбирской группы войск о том, что отряд казанских моряков (большей частью максималистов), не выполнив данной ему боевой задачи на Бугульминском фронте, самовольно возвращается обратно в Симбирск с враждебными намерениями против Советской власти. Попытка задержать поезд с матросами, предпринятая на пути Мелекесс — Верхняя Часовня, не увенчалась успехом. Матросы, около 300 человек, имели много пулеметов и двухорудийную батарею. При малейшем осложнении можно было опасаться повторения самарского «бунта».

После продолжительного совещания решили поднять на ноги все имевшиеся в то время вооруженные силы и попытаться вступить с матросами в переговоры. Была создана специальная комиссия. Меня, как имеющего уже «опыт», включили в состав комиссии «по уговору», как мы тогда ее называли».

— О каком «опыте по уговору» пишет Гай?— спросил я Верясова.

— Точно не скажу. Возможно, Гай участвовал в ликвидации бунта извозчиков.

Этот бунт вспыхнул в Самаре в те дни, когда враг рвался к городу. Против конницы Дутова Самарский

ревком решил двинуть свою кавалерию. Бывших кавалеристов в Самаре нашлось немало, но все они были безлошадными. Тогда ревкомовцы приказали отобрать лошадей у легковых и грузовых извозчиков: их в городе было несколько тысяч.

Рабочий был готов отдать жизнь за революцию. А возницы — мелкие собственники — устроили демонстрацию; тем временем анархисты и уголовники захватили почту и телеграф. С контрреволюцией разговор был короткий. Но извозчиков пришлось убеждать, что лошади нужны для защиты революции. Если бы так с ними с самого начала поговорили, многие, пожалуй, согласились бы. Но ревком применил административные меры. Его приказ в конце концов пришлось отменить, и чтобы успокоить людей, Куйбышев послал к ним Гая с Петром Устиновым.

Итак, «опыт по уговору» у Гая, несомненно, был. Но в Симбирске он столкнулся не с мирными гражданами, единственным оружием которых был кнут, а со взбунтовавшимися казанскими матросами, с их артиллерией и пулеметами.

О том, как Гай уговорил бунтовщиков стать на правильный путь, Василий Емельянович слышал от своего брата, матроса Ефима.

Зная, какую силу представлял по тогдашним временам казанский отряд и на что способна была разбушевавшаяся «братва», самарские дружинники советовали Гаю пойти на переговоры под надежным прикрытием. Он наотрез отказался: «Зачем? Я и оружия не возьму».

«Ты, товарищ Гай, в своем уме?— убеждали его ребята.— «Братва» тебя неприкрытого, да еще и безоружного, на куски разорвет».

«Не разорвет, при мне всегда другое оружие, оно сильнее нагана».

— Вы, конечно, догадались, какое,— Верясов помедлил.— Самым сильным оружием Гай считал слово. Слово правое, большевистское. Убежденный в его силе, Гай отправился к «братве» один, без нагана, а вслед за ним, крадучись задами дворов, пробирались человек двадцать дружинников с пулеметом. Среди них мой брат. Ефим видел и слышал, как все происходило.

...Матросский вожак изложил перед членами комис-

сии свое «кредо»: «Не хотят братишки подчиняться пехотным командирам, не понимают они морской души. Не будут пылить на суше, хотят воевать на воде». И закончил свою речь он так: «Долой насилие пехоты над флотом!»

Выждав, когда вожак выговорится, Гай вышел вперед. Начал, не повышая голоса, но его сразу же перебил грохочущий бас.

— Ты, видать по выговору, не здешний. Что делаешь в наших краях?

— Делаю то, что должен делать ты. Почему я не на Кавказе, а далеко от него, на Волге? Но разве волжане не помогали кавказцам в их борьбе за свободу? У нас у всех одна цель, один общий враг; он на Араксе, он и на Волге. Уж если вы хотите показать свою матросскую удаль, то показывайте ее не перед мирными советскими людьми, а там,— Гай кивнул головой в сторону занятой белочехами Самары.

С «братишек» сразу слетел гонор. Они больше не перебивали, спокойно слушали, когда Гай говорил о революции, о дружбе моряков с пехотинцами, о необходимости действовать сообща.

Казанцам он явно понравился. В отличие от других членов комиссии «по уговору» пришел к матросам без оружия, запросто, и они в конце концов согласились воевать под его началом.

— Матросский отряд,— закончил Василий Емельянович,— есть пятая нашивка на рукаве Гая.

Поклон славному городку

Из Симбирска сводный отряд попал в Сенгилей, небольшой волжский городок.

В местных газетах часто пишут: «Старожилы не помнят...» или «Старожилы не знают...». О сенгилейских так не скажешь: они помнят все, что связано с гражданской войной в их крае, с Гаем, с его действиями на Волге.

Разговорчивый народ — сенгилеевцы. Стоит обратиться к ним, спросить, что известно о сводном отряде и его командире, как сразу отзовутся десятки людей. Они подведут гостя к берегу Куйбышевского моря, покажут рукой место (сейчас там плещут волны), где

находилась старая пристань. У ее причала стоял «Нижегородец» с пробитой кормой. На нем помещался плавучий штаб, руководивший «пароходной войной».

Об одном из эпизодов, связанных с «пароходной войной», сообщил бывший матрос торгового флота Василий Сорокин.

«В то время,— писал он,— я ходил на невооруженном буксире «Алатырь» в должности штурвального. Было мне тогда восемнадцать лет. Старики лоцманы с весны не явились к месту работы, и нам, молодым, пришлось управлять буксиром. В Симбирске мы получили приказ следовать вниз по Волге в распоряжение Гая. Кто такой Гай, я, признаться, тогда понятия не имел.

Под вечер, когда мы прибыли к месту назначения, Гай явился к нам на судно. Рассказал, что делается на Волге, и сразу «быка за рога»: «Вот что, ребята, отдыхать сегодня не придется. Только что наша разведка обнаружила в Климовке скопление белых. Сходим к ним в гости».

В назначенный час мы пошли по течению, как говорят на флоте, наплывом: машины выключили, огни не зажигаем. Сбоку «Алатыря» вооруженный баркас с военными моряками, которые бунтовали против пехоты, а потом с нею в ногу пошли.

Гай спокойный, шутки шутит, хотя лезем мы прямо в пасть врагу. Когда до Климовки оставалось несколько миль, командир приказал пришвартоваться. А берег гористый. Все же удалось выбрать подходящее место. Первым сошел Гай. А потом бойцы под уздечку вывели лошадей.

На берегу — ни души. Беляки, видать, нас не ждали. А если ждали, то совсем с другой стороны — с суши, от Жигулевских гор.

Гай вскочил на подведенного к нему жеребца вороной масти и скомандовал: «По коням! В карьер!»

Наши несутся и стреляют на ходу с разных сторон. Беляки спросонья повыскакивали: кто в нижнем белье, кто в чем мать родила. И с перепугу из винтовок по... своим. А нам как раз это было на руку.

На рассвете мы благополучно вернулись обратно».

После войны Гай несколько раз приезжал в Сенгилей, как он говорил, «поклониться славному городку»,

повидать своих фронтовых товарищей. В последний раз был в тридцать третьем году. Благодарные сенгилеевцы вручили командиру небольшой, но дорогой для него подарок — групповой снимок. На нем запечатлены те, кто прошел со своим командиром многие сотни верст: крутые берега Волги, где формировались боевые отряды и дружины. Крупными буквами сделана трогательная надпись:

«На память бывшим красногвардейцам, партизанам, членам их семей и бывшему командиру Гая Дмитриевичу Гай». В середине две цифры: «1918 — Сенгилей — 1933 годы».

На фотографии портреты близких Гаю людей — усатых и безусых, бородатых и безбородых,— он знал их всех не только по фамилиям, но и по именам.

Кто же из тех, кто вошел в кадр, остался в живых? Немногие. Показали на круглолицего Якова Маракина — он был командиром сенгилеевского отряда, на задумчивого Сашу Уральцева, на бородатого Павла Земскова.

Павел Трофимович Земсков, с которым я встретился, на пенсии, но бороды теперь не носит.

— Это я тогда отращивал для солидности. Сейчас хочу быть молодым.

Когда я показал Земскову старую фотографию, он заволновался, вспомнил былое.

— Для Гая,— сказал Павел Трофимович,— Сенгилей был не просто точкой на географической карте. Начдив не раз говорил, что город наш для него что дом родной.

В Сенгилее сводный отряд стал именоваться объединенным, и его командиром избрали Гая. За него голосовали не только самарцы, симбирцы, бугульминцы, казанцы, но и отступившие к Сенгилею бойцы московского, нижегородского, орловского отрядов. Последним присоединился ставропольский отряд, прижатый противником к левому берегу Волги.

— Они находились вон на том берегу,— показал Земсков.— Единственным спасением для ставропольцев был Сенгилей. Но прорваться к нему казалось почти невозможным. Белочехи бросили на нас целую флотилию. Что мог им противопоставить Гай? Старую посудину, на которой размещался госпиталь, быстроходный

катер, несколько орудий и с десяток пулеметов. Но все же мы выстояли.

Первым наперерез врагу бросился катер «Дело Советов». Один против четырех, хорошо вооруженных пароходов! Белые сосредоточили по суденышку огонь. Моряки ответили тем же. Их поддержали с берега артиллеристы и пулеметчики.

На палубе вражеского парохода «Фельдмаршал Милютин» вспыхнуло пламя. Замедлило ход и другое судно — «Вандал». В этом неравном бою потонул наш катер, изрешеченный пулями и осколками снарядов. Несколько моряков спаслись чудом. Артиллерийская дуэль продолжалась около двух часов и была нами выиграна. Белой флотилии пришлось повернуть назад к Самаре, стать на капитальный ремонт.

В этих тяжелых условиях Гай ни на минуту не забывал о ставропольцах. Когда стемнело, он послал за ними. Медленно шли по фарватеру, не зажигая огня, без всякого шума. Сняв с берега людей, вернулись обратно. Ставропольский отряд был спасен.

Командовал им Василий Игнатьевич Павловский, бывший штабс-капитан царской армии. Его военное звание было выше гаевского, да и сенгилеевский отряд по количеству штыков считался поменьше ставропольского. О командире ставропольцев точно сказано в сборнике «Незабываемое»:

«В спокойного, всегда подтянутого Павловского солдаты глубоко верили. И в самые трудные моменты люди часто говорили: «Ничего, Павловский здесь. Он выведет!»

Все же, когда на совещании решался вопрос, кому быть командиром объединенного сенгилеевско-ставропольского отряда, кому выводить его из вражеского кольца, Павловский первым взял слово:

— Лучшей кандидатуры, чем Гай, не вижу. Мы с вами в кольце. Но я верю, что такой командир, как он, не только сумеет вывести нас из окружения, но и приведет к победе.— Василий Игнатьевич повернулся всем корпусом к Гаю и громко произнес:— Хочу к тебе в помощники. Возьмешь, а?

С того дня Гай стал командиром объединенного отряда, Павловский — его заместителем...

Слушая Земскова, я машинально раскрыл свой блок-

нот и, полистав его, нашел несколько строчек из воспоминаний Гая:

«Силы противника были неизвестны: каждую минуту можно было опасаться нападения или вторичного обстрела. Гнетущая неизвестность и безмолвие левого берега заставляли сжиматься сердца самых храбрых».

Павлу Трофимовичу запомнился тот тревожный день. Многим, в том числе и Земскову, Гай казался спокойным.

— Но таким он в жизни не был,— тут же пояснил Павел Трофимович.— Все, что свойственно нам, было свойственно и ему. Хорошо сказал об этом Дмитрий Фурманов: «Спокойных нет, это одна рыцарская болтовня, будто есть совершенно спокойные в бою, под огнем, — этаких пней в роду человеческом не имеется. Можно привыкнуть казаться спокойным, можно держаться с достоинством, можно сдерживать себя и не поддаваться быстрому воздействию внешних обстоятельств — это вопрос иной. Но спокойных в бою и за минуты перед боем — нет, не бывает и не может быть!»

Так и Гай. Он умел владеть собой в любой обстановке.

Однажды рядом с «Нижегородцем» разорвался вражеский снаряд. Задребезжали стекла, вода поднялась столбом. Штабные работники бросились кто куда. Когда все рассеялось, они увидели Гая, стоявшего в прежней позе у стола, где его застал взрыв.

Гай не потерял самообладания, даже когда узнал, что пал Симбирск и отряд оказался отрезанным.

О том, что Симбирск в руках у белых, в первые часы Гай только догадывался. Внезапно прервалась связь со штабом Симбирской группы войск, которому сводный отряд был подчинен. К концу дня она возобновилась: Гая вызывал Симбирск.

Властным голосом кто-то передал: «Сенгилеевскому отряду следовать в Симбирск». Гай спросил: «Чей приказ?» — «Губисполкома».— «Мы подчиняемся только командующему Симбирской группой войск».

На этом разговор оборвался. Гай понял: город захватили белые.

Глава четвертая

ПРИВИЛЕГИЯ, КОТОРОЙ ОН ПОЛЬЗОВАЛСЯ

Записка из зала

Из Сенгилея — в город Куйбышев. Местные историки пригласили выступить перед ветеранами гражданской войны и краеведами, рассказать о своих поисках и находках.

Встреча была обоюдополезной. Я покинул бы Дом партийного просвещения вполне удовлетворенным, если бы после окончания беседы мне не передали записку, посланную в президиум из зала. Передали не сразу. «Не хотели огорчать вас,— объяснил организатор встречи,— вы так увлеченно, с большой верой говорили о Гае...»

В густо исписанном листке из блокнота сообщалось о неудавшемся левоэсеровском мятеже в Симбирске и о вызванной для этой цели из Сенгилея самарской дружине. Хотя самарцы в восстании не участвовали, но вся эта история с присылкой и расформированием дружины рисовала Гая не с лучшей стороны.

И еще в записке говорилось, что командир сводного сенгилеевского отряда проявил вопиющую недисциплинированность, не выполнив приказа политического комиссара армии В. Куйбышева, и тем самым позволил белым с ходу занять Симбирск.

После ликвидации муравьевской авантюры Гай перестал пользоваться прежним доверием. Фактически сводным отрядом, его выходом из окружения командовал не он, а коллектив комиссаров, образовавший постоянно действующее совещание при штабе.

«Прочтите об этом в книге Б. Чистова «Симбирск

в годы гражданской войны». Литератор, как и историк, должен писать правду, и только правду, а не...»

Именно для утверждения правды о Гае я многие месяцы и годы шел по его незатерявшимся следам. Не скрою, чем больше я прикасался к страницам биографии народного полководца, чем больше узнавал его, тем больше ценил и уважал. Хотя он не казался мне этаким ангелом во плоти, человеком без ошибок и недостатков.

Записка огорчала и настораживала. Хотелось тут же поговорить с тем, кто прислал ее. Но на листке не было ни подписи, ни обратного адреса.

А поговорить следовало бы: если написанное — правда, признать ее, если это — хвост клеветы, публично обрубить его.

Приславший записку ссылался не на собственную память, а на печатный труд московского историка.

Беру в библиотеке книгу Б. Чистова «Симбирск в годы гражданской войны» и кандидатскую диссертацию, написанную им на эту же тему, и с карандашом в руках штудирую.

Во вводной статье историк сообщает, что его исследование «в большей своей части строится на обобщении впервые поднимаемых архивных и отчасти мемуарных материалов».

Читаю и думаю: неужели я проглядел, не поднял то, что впервые поднял в архивах историк? Не заметил, что Гай был связан с Муравьевым?

Читателю небезынтересно знать, кто такой Муравьев, как он оказался на посту главнокомандующего Восточным фронтом?

Еще будучи молодым офицером царской армии, Михаил Муравьев мечтал о блистательной военной карьере. В старой армии, как подметил поэт, такие люди, как он, занимались службой и женщинами. Сама царица относилась к обворожительному капитану более чем благосклонно. Но это продолжалось недолго. В феврале семнадцатого года рухнул прогнивший царский трон. Муравьев переметнулся к Керенскому, сразу же пошел вверх по служебной лестнице: за «особые заслуги» был из капитанов произведен в подполковники. А когда у «временных» дела пошатнулись, вновь испеченный подполковник перешел на сторону Советской власти.

Муравьев участвовал в разгроме белоказачьего генерала Краснова под Петроградом и тут показал себя с хорошей стороны. Его послали на Южный фронт, доверили высокий пост. В Одессе он удержался недолго: за грязные дела был арестован. На следствии прикинулся невинной овечкой, поклялся, что впредь будет честно служить народу.

И Муравьеву вновь поверили. Освободили из тюрьмы, направили на Восточный фронт — в то время главный, штаб которого находился в Казани.

Когда сюда докатилась весть о событиях шестого июля (в этот день левые эсеры, потерпев поражение на V Всероссийском съезде Советов, перешли к открытой борьбе — убили немецкого посла в Москве, чтобы спровоцировать войну с Германией, стали обстреливать из пушек Кремль), Муравьев заявил, что он окончательно порывает все связи со своими единомышленниками.

Об этом тотчас же член РВС Восточного фронта Мехоношин доложил Ленину. Владимир Ильич предложил: «Запротоколируйте заявление Муравьева о его выходе из партии левых эсеров, продолжайте бдительный контроль... Борьбу с чехословаками и казаками надо вести с тройной энергией...»

Маскируясь и ловча, Муравьеву удалось усыпить бдительность РВС Восточного фронта и увильнуть из-под контроля. Ночью, тайком он покинул Казань. Покинул на штабной яхте «Межень», эскортируемой четырьмя пароходами, на которых разместилось до тысячи бойцов, и двинулся по Волге в Симбирск, избранный им центром предстоящего мятежа.

В пути Муравьев объявил себя «главнокомандующим армией, действующей против немцев», заявил, что расторгает Брестский мирный договор с Германией и начинает с ней «революционную» войну.

Для этого он решил соединиться с белочехами и войском самарской учредиловки, вместе с ними двинуться на Москву.

Хотя к тому времени левоэсеровский мятеж в столице удалось ликвидировать, все же в те июльские дни в стране было неспокойно.

Об этом со всей откровенностью Владимир Ильич писал Кларе Цеткин:

«Мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели за всю революцию. Классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол — беднота за нас, кулаки яростно против нас. Антанта купила чехословаков, бушует контрреволюционное восстание, вся буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас свергнуть».

Вступив в эти «самые трудные недели» на симбирскую землю, Муравьев захватил почту и телеграф, велел навести дула орудий на здания губкома партии и губисполкома.

Пользуясь предоставленной властью, Муравьев приказал командарму-1 прибыть в Симбирск. Тухачевский явился в назначенное время. На предложение «идти на Москву» он решительно заявил, что такой приказ выполнять не будет.

Муравьев вскочил с места, объявил Тухачевского изменником. Один из муравьевских подручных, бряцая оружием, предложил поставить командарма к стенке.

— Успеется!..— заметил Муравьев и, к удивлению сообщников, посадил Тухачевского в свою машину, повез по городу. Ему хотелось показать командарму, на какие силы опираются левоэсеровские мятежники, начинающие «революционную» войну с Германией.

Заранее отрепетированные солдаты кричали волжскому бонапарту «ура!», наиболее ретивые из них били себя в грудь, клялись ему в верности.

Но и маскарад не убедил Тухачевского: он снова повторил, что на Москву не пойдет.

Муравьев приказал взять командарма под стражу. Пожилой часовой из Казани спросил:

— За что тебя?

— За то, что я — большевик!..

— И мы тоже — большевики.

Тогда Тухачевский рассказал часовым, за что попал в немилость и что не он, а главком изменил родине. Красноармейцы переглянулись и, не сговариваясь, отпустили Тухачевского, не думая о последствиях.

Это происходило в Симбирске. А что же было в это время в Сенгилее, расположенном вдали от железной дороги?

Снова встретился с Вороновым. Ефим Константинович находился в штабе отряда, когда Гай из рук пред-

ставителя Сенгилеевского исполкома получил телеграмму главкома, начинавшуюся со слов: «Всем, всем, всем... Войскам Сибири и чехословацким войскам — Уфа, Владивосток.

Война с Германией началась. Объявляю перемирие на всем Восточном фронте. Предлагаю всем Чехословацким корпусам вернуться к Волге и идти вместе с нами против Германии. Вверенным мне войскам приказываю прекратить боевые действия и наступление на Самару».

Гай прочел и с гневом произнес: «С ума спятил главком! Много на себя берет. Только Всероссийский съезд Советов или ВЦИК могут объявить войну Германии».

Такова была первая реакция. Перечитав телеграмму, он возмутился еще больше: «Нет, это не сумасшествие, а прямая измена революции! На Германию с Муравьевым не пойду. Буду наступать на Самару. Буду драться с белочехами и учредиловкой до последнего патрона».

Представитель Сенгилеевского исполкома был потрясен. Не ожидал он от Гая такого ответа. Знал его как дисциплинированного командира, для которого приказ главкома — закон! А тут Гай, да еще в присутствии своих подчиненных, осуждает действия главнокомандующего, оскорбляет его. Не сносить Гаю своей буйной головушки...

— Нет, светлая его головушка осталась, она прочно сидела на богатырских плечах,— с улыбкой заметил Воронов.— Когда на второй день пришла другая телеграмма из Симбирска, наш командир ходил с гордо поднятой головой.

Председатель губисполкома, старый большевик Гимов сообщал, что муравьевская авантюра ликвидирована, Муравьев убит и все его телеграммы, как провокационные, не подлежат исполнению.

— «Не подлежат исполнению», — повторил Воронов.— Гай это раскусил сразу, хотя находился с нашим отрядом в глубинке, был оторван от Москвы и Казани, не знал, что Советское правительство объявило Муравьева изменником. Наш командир действовал по своему разумению, как подсказывала ему революционная совесть.

Наперекор правде

Оставалось выяснить, как в те тяжкие июльские дни вела себя самарская дружина. Действительно ли она была расформирована после ликвидации муравьевского мятежа и почему же тогда накануне его она оказалась в Симбирске?

Материалы архивов не давали ответа на этот вопрос. Все мог бы разъяснить бывший командир дружины Устинов, но Петр Федорович умер в конце тридцатых годов и похоронен в Ленинграде. Там проживает его вдова Полина Александровна. Сведущие люди говорили, что у нее сохранились документы и воспоминания мужа, правдиво освещающие эту историю.

После смерти Устинова осталась незаконченная им рукопись. В ней — глава, посвященная разбору событий, происходивших летом восемнадцатого года. Устинов писал, что самарская дружина была отправлена в Симбирск ие по инициативе Гая, а по иастойчивому требованию командующего Симбирской группой войск левого эсера Клима Иванова:

«В самом конце июня Гай получил одну, а затем вторую телеграммы от Иванова. Он требовал немедленно прислать находившуюся под моим комаидованием боевую дружину в Симбирск. Гай не отправлял. Мы готовились иаступать на Самару. Когда поступила новая, третья по счету, телеграмма «угрожающего» характера, меня вызвал к себе Гай:

— Ничего не поделаешь, Петр, придется ехать в Симбирск. Будь осторожен. Смотри, чтобы твою дружину не вовлекли в какую-нибудь историю. Если почувствуешь что-то неладное, немедленно возвращайся в Сенгилей.

В то время Гай, как и Тухачевский, как и руководители Симбирского губкома партии, не догадывался, что готовят Муравьев и его единомышленник Иванов.

«Ничего не подозревая, симбирские коммунисты готовились к встрече Муравьева как главнокомандующего фронтом. Даже репетировался парад войск».

Так сказано в «Очерках истории Ульяновской организации КПСС».

Из незавершенной рукописи П. Устинова не видно, чтобы самарская дружина после возвращения в Сенги-

лей была расформирована. Но такое могло свершиться и по другой причине. Время было тогда сложное, обстановка на фронте часто менялась, и вновь назначенный командующий Симбирской группой войск мог расформировать самарскую дружину.

Но «мог» — предположение, а не доказательство. Его я искал в военных архивах, в материалах Железной дивизии, входившей в Первую революционную армию Восточного фронта...

Приказы, сводки, донесения освещали положение, создавшееся летом восемнадцатого года в частях этой армии, которая, по определению ее политического комиссара В. В. Куйбышева, представляла собой в то время очень неопределенную величину с разбросанным фронтом, с путаными взаимоотношениями между командованием отдельных частей. Отряды Первой армии находились и за Бугульмой, и южнее Сенгилея, и у Сызрани, причем на каждом из этих направлений были «группы», «фронты», «сводные отряды», неизвестно кому подчиненные...

Во всяком случае и Первая армия пережила неизбежный младенческий период развития всех красных армий, период, богатый отдельными проявлениями отваги, удали, а подчас и героизма, но, с другой стороны, богатый и случаями беспричинной паники, стоверстных отступлений в одни сутки и т. д.

Просмотрел до сотни документов. Самарская дружина в них не упоминается. Может быть, и в самом деле ее расформировали?

Все прояснилось, когда на глаза попалось донесение, посланное политотделом Восточного фронта в РВС Республики.

Замечу, что оно было отправлено в Москву 16 июля 1918 года, то есть через несколько дней после ликвидации муравьевской авантюры.

В документе говорилось:

«Район Первой армии. Сенгилеевский фронт. Положение прочное, настроение частей бодрое. Было отдано распоряжение о разоружении самарской дружины левых эсеров в количестве семидесяти человек, но ввиду определенного заявления о недопустимости партийной розни в настоящий момент, о непреклонном желании драться с чехами и контрреволюционерами и активной

передовой работы, выполненной им на фронте, приказ о разоружении отменен».

В том же, июльском, донесении политотдела фронта тепло сказано о Гае как о смелом и любимом бойцами командире, готовом «скорее пустить пулю в лоб, чем перестать драться с чехами».

Как же командование Первой армии оценивало действия Гая в те дни? В ленинградской публичной библиотеке, где Устинов провел много дней, работая над своей рукописью, уцелел полный комплект журнала «Революция и война», выходившего в двадцатые годы. На его страницах выступали видные военачальники, анализировавшие операции гражданской войны в ее младенческий период, вскрывавшие причины временной потери Симбирска и других городов.

На эту тему выступал и М. Тухачевский:

«Пошедшая быстро на лад организация войск стала быстро разлагаться, — писал будущий маршал. — Нами были оставлены Бугульма, Мелекесс, Сенгилей и, наконец, Симбирск. Последний был взят налетом чехословаков со стороны Сызрани тогда, когда в районе Сенгилея еще действовала сенгилеевская группа т. Гая.

Благодаря личному влиянию т. Гая это была единственная часть, сохранявшая дисциплину и боеспособность. Отрезанный со всех сторон, т. Гай собрал и присоединил к своей группе рассеянные и бродившие отряды...»

Годом раньше были опубликованы воспоминания члена РВС Первой армии Оскара Калнина. В них освещались события, происходившие в частях и отрядах после ликвидации муравьевщины: доверие к командному составу Красной Армии было основательно подорвано. Бациллы подозрительности проникли в молодой, неокрепший ее организм, вызывая панику, разрушая дисциплину.

«Под крики: «Нас обошли!», «Нас предали!» — 21 июля наши части стали в панике бежать. Отступающие войска от Мелекесса и Симбирска рассыпались как горох в траве — одна часть поместилась на пароходах, другая часть бросилась в сторону Казани пешком. Только часть наших войск, находившаяся под Новодевичьем у г. Сенгилея под командованием т. Гая, не растерялась».

Ни Калинин, ни Тухачевский не винили Гая за временную потерю Симбирска. А Куйбышев? Ведь в записке из зала прямо говорилось о том, что Гай не выполнил приказ политкомиссара армии.

Гнев Самсонова

В донесении политотдела Восточного фронта, посланном 16 июля в Москву, на которое я уже выше ссылался, сообщалось, что командующему Сенгилеевским фронтом выделены в помощь «хорошие политические комиссары».

В гаевской брошюре «Борьба с чехословаками на Средней Волге» названы их фамилии: Панов, Самсонов, Лившиц. Все трое не были присланы на Волгу в порядке партийной мобилизации из промышленных центров. Они — коренные волжане, бывшие рядовые бойцы Самарского коммунистического отряда. Вместе отступали и наступали, вместе мужали и закалялись в боях.

Самым молодым среди них был студент Борис Лившиц, о котором в той же брошюре Гай писал как о «неразлучном своем соратнике и друге». Когда Лившиц говорил о пролетарской революции, о том, что она несет трудовому народу, его большие черные глаза светились радостью, а когда разоблачал ее недругов — пылали гневом. Это был человек действия. Спокойная, точно расписанная жизнь его не устраивала.

На посланные в архивы и адресные бюро запросы приходили короткие стереотипные ответы: «Сведений о Лившице нет», «Адресат неизвестен». Только в сборнике «Маршал Тухачевский», выпущенном Воениздатом, попалась на глаза его фамилия. В разделе «Дополнительные сведения о некоторых лицах, упоминающихся в книге» есть короткие биографические данные о первом комиссаре Железной дивизии:

«Лившиц Борис Соломонович (1896—1949) — член большевистской партии с 1917 г., один из организаторов и первый военком 24-й Самаро-Ульяновский стрелковой дивизии. После гражданской войны окончил Институт красной профессуры, был на дипломатической работе и в Наркомвнешторге. В годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент».

Столь же скупы сведения и о начальнике политот-

дела дивизии Николае Федоровиче Панове, которого бойцы называли партийной совестью. В мирные годы он руководил Самарской областной контрольной парткомиссией, затем работал в Москве, в ЦКК — РКИ, и с присущей ему принципиальностью разбирал конфликтные дела.

Лившиц умер в сорок девятом. Панов — в тридцать восьмом. А. Самсонов пережил обоих. Из этой славной троицы комиссар Первого Самарского полка был старше и по партийному стажу и по возрасту. Коммунист с пятого года, Самсонов за революционную деятельность приговаривался царским судом к смертной казни, замененной позже каторгой.

Освобожденный Февральской революцией, Александр Григорьевич вернулся в родную Самару. В его незаполненном кованом сундучке рядом с одеждой и книгами лежали кандалы, которые он носил в течение десяти лет.

Узнаю адрес Александра Григорьевича, телефон. Звоню.

— Самсонов у аппарата, — услышал в трубке чуть хрипловатый голос.

Представляюсь и спрашиваю:

— Верно ли, что Гай позволил обойти белым Сенгилей и с ходу захватить Симбирск?

— Как, как?! Где это вычитали?

— У Чистова.

— Надо же придумать такое!.. — гневался Самсонов. — Когда наши отряды наступали на Самару, в Симбирске ожидали удара со стороны Мелекесса: к нему почти целиком было приковано внимание штаба Симбирской группы. А тракт из Сызрани на Симбирск через Тереньгу оставался неприкрытым. Доводы Гая, что отсюда белые могут нанести главный удар, не принимались штабистами во внимание. А наш командир как в воду глядел: вышло так, что белогвардейцы по этому тракту с лета и взяли Симбирск. У вас есть под рукой карта Ульяновской области? Взгляните, где Тереньга и где Сенгилей? Они друг от друга верстах в пятидесяти, а это по тем временам расстояние немаленькое. Вы спрашиваете, существовало ли в нашем отряде постоянно действующее совещание политработников, заменившее командира? Да это же бред! Гай без совещаний

опирался на нас, комиссаров, считался с нашим мнением, но вопросы, связанные с выходом из окружения, решал сам.

— Мне писали, что он не выполнил приказ Куйбышева?

— Какой приказ? Гай был командиром дисциплинированным. Не помню такого случая. Да что говорить. Прочтите лучше воспоминания самого Валериана Владимировича — те, что в тридцать пятом году были опубликованы в журнале «Огонек». Помнится, в печать передала их Ольга Андреевна, вдова Куйбышева...

Самсонов закашлялся и, передохнув, продолжал:

— Вот хвороба немного отпустит, соберусь с силами, пойду в библиотеку, прочту Чистова и напишу в «Правду».

Увы, Александру Григорьевичу сделать этого не удалось: через месяц в куйбышевской газете «Волжская коммуна» я прочел:

А. Г. Самсонов

После тяжелой болезни в Москве скончался один из видных работников Самарской партийной организации первых лет революции, член КПСС с 1905 года, Александр Григорьевич Самсонов...

Бурная встреча с Куйбышевым

Улица Серафимовича. Огромное здание. Не сразу я решился переступить порог дома, где некогда жил Валериан Владимирович. На мгновение представилось: вот откроется дверь, и увижу рослого широкоплечего сибиряка с копной волнистых волос, одетого в гимнастерку, туго перетянутую ремнем. Его открытое, мужественное лицо знакомо мне по портретам с юношеских лет.

Член Политбюро, первый заместитель главы советского правительства, председатель Комиссии Советского Контроля при Совнаркоме СССР...

«Никакие высокие посты не могли отделить Валериана Владимировича от масс, от народа, от своих сотрудников, занятых общим революционным делом. Он всегда оставался для них близким, чутким, внимательным и неугомонным Валерианом, душой различных коллективных, товарищеских начинаний».

Подымаясь вверх на лифте, в бывшую квартиру Куйбышева, я вспомнил написанные в ссылке двадцатилетним Валерианом поэтические строки, звучащие набатом:

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.
Будем жить, страдать, смеяться,
Будем мыслить, петь, любить,
Бури вторят, ветры злятся...
Славно, братцы, в бурю жить!

Позвонил. В дверях показалась стройная женщина с благородной сединой в волосах. Это была Ольга Андреевна

...В тридцатых годах, находясь на отдыхе, Валериан Владимирович как-то вечером в кругу знакомых вспомнил несколько эпизодов из фронтовой жизни.

Все услышанное настолько захватило гостей, что они разыскали в курортном городке одну-единственную стенографистку, пригласили ее к Куйбышеву и попросили его повторить рассказанное уже не для них, а для истории.

Запись была сделана, стенограмма расшифрована, однако отредактировать ее у Валериана Владимировича не хватало времени.

Впервые рассказанное Куйбышевым было напечатано через несколько месяцев после его смерти в журнале «Огонек»:

«Из воспоминаний В. В. Куйбышева». Чуть ниже — от редакции: «Представлено «Огоньку» О. А. Куйбышевой».

Все, как говорил Самсонов.

«В 1918 году, когда чехи заняли Самару, — диктовал Валериан Владимирович стенографистке, — наши отряды отступили по направлению к Симбирску. Во главе наших отрядов стоял товарищ Гай. Я хочу рассказать

два случая, характеризующих этого смелого и энергичного командира».

Первый относился к тому периоду, когда волжский путь был перерезан белочехами в районе Самары. Противник вынужден был пропускать пароходы, идущие вверх и вниз по Волге.

Это объяснялось нежеланием белочехов возиться с огромным потоком пассажиров да и тем, что они использовали курсировавшие пароходы в разведывательных целях.

«...Фронт был около маленького городка Сенгилея, где был сосредоточен отряд Гая, — продолжал Валериан Владимирович. — Я был с этим отрядом. Однажды мы издали заметили идущий от Самары буксир, тянувший огромную баржу. Какие-то внешние признаки, я не помню сейчас какие, заставили меня заподозрить что-то неладное. Пароход был очень далеко, но его можно было различить в сильный бинокль. У нас был буксир с двумя плохонькими пушками. Мы решили выехать навстречу идущему из Самары буксиру, с тем чтобы в случае необходимости принять бой.

На буксир сели Гай, я и артиллерийская прислуга. Мы быстро двинулись навстречу «противнику».

Неожиданно с нашим пароходом стало делаться что-то непонятное. Он начал вилять и в конце концов повернулся носом к берегу.

Капитан буксира был старый седой человек мрачного вида и, казалось нам, неохотно выполнявший роль капитана «боевого» судна.

Гай, разъяренный, подлетел к этому капитану и потребовал объяснения. Капитан, весь дрожа, заявил, что, очевидно, испортился руль.

Объяснение было мало правдоподобно: почему именно сейчас вдруг испортился руль? Гай выхватил револьвер и, направив его на капитана, приказал ему немедленно двинуться навстречу идущему буксиру. Дальнейшее поведение капитана могло поколебать уверенность в его предательстве. Он на глазах у нас начал принимать все меры, чтобы повернуть буксир, но безуспешно. Подозрительность Гая, однако, еще не прошла. Он схватил за руку капитана и потащил его к корме. Я пошел за ними, не понимая, чего хочет Гай. Он бешено кричал что-то невразумительное, и было понятно только одно:

если он убедится, что руль цел, то он тут же пристрелит капитана.

Но как можно было убедиться в исправности руля?

Мы подходили к корме. Гай быстро скинул с себя сапоги и в чем был нырнул в воду за корму парохода. Через несколько секунд, весь мокрый, схватившись за брошенную ему веревку, он влез на палубу и сказал, что руль действительно свернулся.

Капитан был пощажен».

В тот вечер Валериан Владимирович рассказал о другой встрече с Гаем. Она произошла через несколько дней после того, как белогвардейцы захватили Симбирск. Если верить Б. Чистову, то именно тогда политический комиссар Первой армии, известный всей партии своей принципиальностью, должен был устроить командиру сенгилеевского отряда разнос, отдать его под суд за невыполнение приказа. Однако все произошло совсем подругому:

«Мы с Тухачевским садимся на бронепоезд и мчимся на станцию Майна, — вспоминал В. Куйбышев. — Встреча моя с Гаем была бурной и радостной. Мы обнимались, целовались, хохотали и долго не могли прийти в себя.

Оказалось, что противник, не давая решительного боя отряду Гая, обошел его с правого фланга и с сильной группой войск направился на Симбирск, считая, что с Гаем расправится после».

И все сразу стало яснее ясного: правда была в воспоминаниях Куйбышева, а не в записке из зала, продиктованной «трудами» историка, извратившего истину.

Говоря о впервые подымаемых архивных материалах, Б. Чистов сделал ссылку на документ, хранящийся в архиве Советской Армии под шифром 300/132.

Указав этот номер, подаю читательскую заявку инспектору — хранительнице фондов Климовой.

— Откуда у вас эти цифры?

— Из диссертации Чистова...

После тщательной проверки карточки внутреннего пользования было установлено, что указанный номер никакого отношения к Симбирску не имеет.

— Вас направили по ложному следу, — с сочувствием заметила Климова, — зря вы потратили столько времени на бесполезные розыски.

Нет, не зря. Владимир Маяковский сравнивал труд литератора, изучающего «потемки истории», с работой ассенизатора. Чтобы выйти из этих «потемок», приходилось бывать и тем и другим.

Прорыв из Сенгилея

При встрече «бурной и радостной» присутствовал старый коммунист Иван Дмитриевич Прытков, бывший боец сенгилеевского отряда. Разыскал я его в Москве, вскоре после того, как он ушел на пенсию.

Прытков привел фразу, сказанную Гаем на митинге в Сенгилее, ставшую позже крылатой: «Звание коммуниста налагает много обязанностей, но дает лишь одну привилегию — первым сражаться за революцию».

— Эта была единственная привилегия, которой он широко пользовался. Ши-ро-ко!.. — повторил Иван Дмитриевич. — Других привилегий Гай не признавал: ни в районе Сенгилея, ни позже, когда командовал дивизией, корпусом, целой армией. Ничего не требуя, он говорил: «Могу ходить в старом, поношенном френче, спать на грубой соломе, есть из солдатского котелка, лишь бы только дела на нашем фронте шли хорошо и страна крепла».

Те, кто служил под его началом в Сенгилее, не считали Гая левым эсером. Считали коммунистом. И представьте себе наше удивление, когда в начале девятнадцатого года в адрес Симбирского губкома партии с фронта пришла телеграмма: Гай просит принять его в партию. Нужны были два поручителя. Одну рекомендацию дал я, другую — комбриг Вольдемар Бюллер, коммунист с пятнадцатого года. Гай единодушно был принят в ряды нашей партии [1].

Иван Дмитриевич познакомился с Гаем в день, когда белые захватили Симбирск и сводный отряд утратил

---

[1] В партархиве ИМЛ при ЦК КПСС хранится выписка из постановления Минской окружной контрольной парткомиссии от 9 февраля 1925 г.:

«Считать партийный стаж т. Гая с 1903 г.»

С решением минских товарищей согласилась парткомиссия Политуправления РККА. При установлении этого партийного стажа были учтены заслуги Гая, его прежняя кипучая революционная деятельность в Закавказье.

последнюю надежду отступления по Волге. Река была перерезана в двух местах: у Самары и Симбирска. Вырваться из кольца, пробиться к своим можно было только извилистыми полевыми и лесными дорогами, обходя заслоны противника.

О том, как удалось вырваться из вражеского кольца, Прытков посоветовал поговорить еще с Уральцевым. Александр Матвеевич служил при штабе отряда и будто бы час за часом, день за днем вел записи.

Разыскать Уральцева было проще простого. Он тогда руководил Ульяновским филиалом Центрального музея В. И. Ленина, и его в городе знали и стар и млад.

С первых же минут нашего знакомства выяснилось, что Уральцев никакого дневника не вел. Не потому, что надеялся на свою память, а просто по молодости не отдавал себе отчета в значительности происходивших событий.

— Только с годами я понял, — признался Уральцев, что на моих глазах писались замечательные страницы истории. К ним, несомненно, относился и прорыв из Сенгилея.

Уральцев перевел свой взгляд на книгу с закладками. Это было новое издание «Железного потока». Движение Таманской армии, мастерски описанное Александром Серафимовичем, в какой-то мере напоминало ему событие, участником которого он был.

— Наша колонна вместе с обозами растянулась на несколько верст. Людской говор, лошадиное фырканье, скрип колес... Только не было с нами молодаек, кормящих младенцев грудью, не подвешивались к орудиям люльки, не сушились на винтовках пеленки, как у таманцев.

— Разве с отрядом не отступали беженцы?

— Нет. Но не подумайте, что Гай отказался от них, как от обузы. Он был убежден, что мы уходим из Сенгилея на короткое время. Потому было решено ни стариков, ни женщин с детьми не брать.

Отход от Волги особенно переживали самарцы. Горячие головы требовали, чтобы отряд шел на Самару. Один грузчик даже заявил, что он готов погибнуть за родной город. На это Гай, не повышая голоса, ответил: «Твоя гибель не принесет ни Самаре, ни революции ни-

какой пользы. Нужно сохранить силы, вырваться из кольца, идти на соединение с другими отрядами».

— Командир таманцев Кожух, — продолжал Уральцев, — вел своих бойцов и морским берегом и через высокие горы, Гай — по равнине. У Кожуха была целая армия, а у Гая три тысячи бойцов...

— Три тысячи? — переспросил я, зная, что в одном архивном документе называлась значительно меньшая цифра.

— Да, за это я ручаюсь!..

Ручательство не было пустым звуком: в штабе Уральцев имел дело с отчетами, цифрами. Когда покидали Сенгилей, в объединенном отряде действительно активных штыков было значительно меньше. В пути присоединились добровольцы. Одна только Екатериновская суконная фабрика дала триста человек. Присоединились цементники, водники, лесорубы, члены сельскохозяйственной коммуны. Приходили кто с чем: с берданками, охотничьими ружьями, а то и просто с вилами.

— Заметьте, — Уральцев поднялся со стула, — поток добровольцев вливался не в дни победного наступления, а в самое тяжелое время, названное июльским кризисом. А тут еще раненые в Тушне заупрямились, не захотели покидать больницу (были они не нашего отряда). Гай объяснял им, что враг жесток, никого не пощадит. Не послушали. Через несколько часов ворвались белогвардейцы в больницу и... никто не уцелел. Вы были в Тушне, видели братскую могилу?

Александр Матвеевич задумчиво прошелся по комнате, постоял у открытого окна и вернулся к столу.

— Шли мы несколько дней и ночей. Безжалостно палило солнце, потом хлынул ливень. Промокшие, голодные, усталые, мы двигались к железной дороге. Гай все время на людях: кого шуткой подбодрит, кого отругает, но сделает это не обидно. Горячий, вспыльчивый, он иногда мог, не разобравшись, «распушить» и равного ему по должности и подчиненного, но, убедившись в своей неправоте, наш командир не стыдился признаться в этом, извиниться перед тем, кому он незаслуженно нанес обиду.

Я попросил Уральцева рассказать несколько эпизодов из походной жизни.

— У Ясашной Ташлы наших разведчиков обстреля-

ли. Мы подтянули легкую батарею, открыли огонь, и противник отступил...

Уральцев сделал паузу и, улыбаясь, предупредил:

— Если будете писать об этой истории, то слово противник непременно в кавычки возьмите.

— Почему?

— Смешная история. В штабе Первой армии сенгилеевский отряд считали уничтоженным, а его командира убитым. Целую неделю связи не было. Мы ничего не знали о штабе, а штаб о нас. Оставался ли он в Инзе или после падения Симбирска переехал на новое место? Тогда мы и столкнулись с мценцами.

— С кем?

— С Мценским полком, которым командовал Толстой. Тот, что порвал с отцом, бывшим вице-губернатором Пензы. Действовал отряд между Майной и Чуфарово, прикрывая Инзу, железнодорожный узел и штаб армии. Нас, как я сказал, было тысячи три, а Толстой донес командиру, что к станции движется десятитысячная колонна с артиллерией, обозами и конным дозором впереди: неизвестно чья — наша или белых.

За первым донесением в штаб армии последовало второе, совсем паническое. Толстой докладывал, что его передовые посты отступили под натиском превосходящих сил противника. — Уральцев не выдержал, громко рассмеялся. — Они приняли наш отряд за отборную воинскую часть противника.

Отлично разбираясь в обстановке, Гай вывел бойцов к железной дороге. Узнав, что несколько часов назад здесь находились красные (это были мценцы), он передал по линии следующее обращение: «Начальнику красного отряда. Именем революции прошу вас немедленно вернуться обратно всем составом на станцию Майна. Я оставлю там дозоры, а сам пойду дальше по грунтовым дорогам. Командующий Гай».

— И они вернулись?

— Нет, куда там!.. Мценцам показалось, что Майну захватили белогвардейцы и переданное нами по телеграфу приглашение — ловушка. Кстати, это не единственный случай, когда нашу колонну принимали за вражескую. Вот другой эпизод.

Когда Гай во главе колонны подошел к селу Воецкое, местное кулачье приняло нас за белогвардейцев и

направило свою депутацию. Во главе шествовал с хлебом-солью грузный мужчина с большим крестом на груди. Подойдя к Гаю, он с надрывом, патетически изрек: «Ваше высокопревосходительство, отец наш родной, избавитель от разбойников-большевиков...» По рядам пронесся гул. «Продолжайте!» — предложил Гай. «Жизни не стало от голытьбы. Землю нашу поделили, теперь на добро покушаются. Урядника нет, и порядка нет». — «Будет тебе «порядок», — ответил Гай, — настоящий порядок!»

Мне невольно вспомнился случай в селе Криуши, о котором рассказывалось в «Правде»[1]. Корреспондент составил эту заметку со слов очевидца. Помещена она была в разделе «Жизнь фронта» и начиналась так:

«Товарищ Гая. Прошли это мы Белые Ключищи и прямо оттуда на Криуши. Охота была скорее Симбирск забрать. Сзади-то только пустяковый заслон остался. Ну, прошли это до Криуш, а нас сзади и окружили белые. Вроде, значит, западни. Полно их, говорят разведчики. Уж кто молиться стал. Беда, жутко было. А Гая не робеет. Собрал это нас, поговорил, растолковал нам, что в кольце, дескать, мы, прорываться надо...

И какую штуку выкинул! Берет это автомобиль, в него пару пулеметов с пулеметчиками, кто-то дал ему офицерскую шинель с погонами полковника, на рукав белую повязку — и шасть к белым. Машет это руками им и валит прямо в гущу... Ну, смотрим, огонь-то прекратили, за своего, видно, приняли, а он как доехал, как шарахнет из пулеметов, они кто куда от такого гостинца, а мы «ура» да в атаку и проперли их за мое почтение, а то было богу молиться стали.

И вот так завсегда у нас. Ничего сам Гая не прикажет. Все придет, соберет нас, растолкует, посоветует, ну уж а как что решили, то свято, и завсегда Гая впереди: как мы, так и он. Уж помрем, так вместе. Вот так-то мы и воюем, товарищи!»

— «Как мы, так и он». Это точно, — подхватил Уральцев. — Бойцы верили Гаю безгранично и готовы были идти за ним в огонь и в воду.

... Из Воецкого мы вышли к железнодорожной линии и сразу развернулись фронтом к Симбирску. А Гай тем

[1] «Правда», 1918, № 270.

временем на своем «самоварчике» направился на станцию. Там сказали, что адрес штаба прежний. До чего же были в Инзе удивлены, когда узнали, что отряд цел, а командир жив. Тухачевский сначала даже не поверил, что с ним говорит Гай.

— Как же он доказал?

— Передавали, при разговоре присутствовал Куйбышев. Валериан Владимирович помнил Гая по Самаре, мог его по голосу узнать.

В самом деле, если беседа велась по телефону, Куйбышев по акценту мог определить, что это Гай. А если по телеграфу?

Чтобы докопаться до истины, нередко приходится возвращаться к уже виденному и слышанному. Не всегда при первом чтении улавливаешь главное и нужное. Так было и на этот раз: просматривая стенографическую запись рассказа Валериана Владимировича о боях за Симбирск, я упустил одну немаловажную деталь.

В «Огоньке» подробно изложена обстановка, сложившаяся на Волге после потери Симбирска. Тяжелым камнем легла она на плечи еще неокрепшей Первой армии. Охваченные паникой, отряды отступали от Симбирска к Казани и Инзе. Штабу ничего не было известно о судьбе двух наиболее крупных из них—ставропольского и сенгилеевского.

Когда в Инзу пришло донесение от Толстого о многотысячной колонне противника, в штабе армии начались лихорадочные приготовления. Но через несколько часов из того же района Тухачевского и Куйбышева кто-то вызывал к прямому проводу.

«В этом еще не было ничего необыкновенного, так как чехи прочно не занимали этой станции, а лишь наведывались туда от поры до времени,— вспоминал Куйбышев.— Мы предположили, что наша разведка, заняв телеграф этой станции, хочет нам сообщить какие-то экстренные сведения. И вдруг телеграфная лента сообщает: у аппарата начальник отряда Гай. Мы с Тухачевским с недоумением переглядываемся.

— Кто у аппарата?

— У аппарата Тухачевский и Куйбышев.

— Дорогие товарищи,— отвечает станция Майна,— я скоро буду у вас.

Я прерываю разговор и прошу телеграфиста пере-

дать, что если с нами говорит действнтельно Гай, то пускай он чем-нибудь докажет, что он имеино то лицо, за которое себя выдает. Мы с Гаем вместе работалн в Самаре, участвовалн в обороне Самары от чехов, поэтому ои мог бы напомиить какие-инбудь обстоятельства, вместе пережнтые, которые могли бы убедить меия, что я имею дело с Гаем, а ие с противником, изававшимся его именем для того, чтобы усыпить иашу бдительиость. Дать какне-ннбудь данные, которые моглн бы убедить, что это Гай, он отказался...»

Почему — стеиограмма ие объясняла. Не найдется ли разгадка в статьях Куйбышева иа воеиные темы? Прочитал почти все, н лншь в одной — «Первая революционная армня» — есть упоминанне об этом:

«Радость иаша перешла в ликованне, когда нз разговора обнаружилось, что т. Гай сквозь ряды противника прорвался со всем своим трехтысячным отрядом, сохранив всю артиллерию и имущество.

Событие было для нас иастолько неожиданным, что я счел иеобходимым постаиовкой целого ряда вопросов убедиться в подлинности Гая.

Гай, по-видимому, тоже волиовавшийся, отвечал коротко н ие сразу дал мне уверовать в то, что я говорю имеино с иим».

Что же такое было сказаио Куйбышевым, что он, в конце концов, убедился, что с ним говорит комаидир сводного отряда, а ие подставное лицо?

Прежде, при жизин Куйбышева н Гая, подобные вопросы не возникали. Куда сложиее устаиовить это сейчас, спустя столько лет.

В Ульяновске я позиакомнлся с историком, старым членом партии Г. Н. Федоровым. Еще в пятидесятых годах Григорий Нлович выяснял, чья подпнсь должна стоять под «целебиой» телеграммой. И после всесторонней, тщательиой проверкн прншел к выводу — начднва Гая!

С присущей ему настойчивостью Федоров доказал, что часть мемориальиых досок в Ульяиовске прибита не там, где они должиы висеть, прнчиннв тем самым иемало хлопот «отцам города».

Не остались им незамечеиными н огрехи, допущеиные в книге Елены Куйбышевой «Валернан Владнмнрович Куйбышев».

«Однажды пришло сильно огорчившее всех в штабе известие о том, что противником занята станция Майна. Это означало, что там разбит отряд особо надежных, проверенных бойцов во главе с Гаем, молодым, энергичным, смелым человеком».

— Это недоразумение, — заявил Федоров. — Белые тогда заняли не Майну, а другой населенный пункт — Сенгилей. Наша разведка сообщала не о разгроме отряда Гая, а о появлении мнимого противника в районе станции Майна.

Раскрываю книгу. Да, ошибка явная. Но есть и что-то новое: приведен разговор по прямому проводу.

«... Вдруг Валериана зовут к телефону. Он слышит голос Гая — он не верит своим ушам. Гай просит подкрепления, просит, чтобы на станцию Майна прислали бронепоезд.

— Валериан, неужели ты меня не узнаешь? — слышится из трубки.

Валериан Владимирович требует, чтобы тот, кто говорит с ним, доказал чем-нибудь, что он действительно красный командир.

— Дорогой наш Валериан, как обидно, что ты меня не узнаешь, — доносится далекий голос. — Ну слушай, я буду называть фамилии наших командиров...»

Выходило, Гай, чтобы доказать, что это он, называл фамилии командиров, знакомых Куйбышеву. И сделал это не по телеграфу, а по телефону.

Возможно, плохая слышимость помешала Валериану Владимировичу уловить акцент, и он не сразу определил, кто находится на другом конце провода.

Опять пришлось побеспокоить «милого Вороненка» — что ему известно о разговоре Тухачевского и Куйбышева с Гаем между Инзой и Майной.

Воронов сразу остудил и озадачил меня. Такого разговора со станцией Майна тогда не было. Беседа по прямому проводу велась из Анненково.

— Из Анненково? А в книге о Куйбышеве названа Майна.

— Это ошибка. Вам, конечно, кроме меня потребуются еще свидетели. Потолкуйте с Клавдией Михайловной Павловой-Давыдовой. Запишите номер телефона.

На звонок ответил мужской голос: «У Клавдии Михайловны сердечный приступ».

Новогодний подарок

В Министерстве связи заглянули в увесистый справочник дореволюционного времени. Анненково в бывшей Симбирской губернии не значится.

А что если селение имело двойное название: Великое Анненково, как, скажем, Великие Луки. Тогда надо искать его не на букву «а», а на букву «в».

На карте-десятиверстке бывшей Симбирской губернии обозначены два селения с подходящими названиями: Степное Анненково и Лесное Анненково. Первое — километрах в шестидесяти от Майны, другое — в восемнадцати.

Но почта есть только во втором.

С какого же года в Лесном Анненково существует почтовое отделение? Решил проверить на месте. От Чуфарово, где я тогда находился, до этого населенного пункта — рукой подать.

На почте — одни новички. К тому же мало интересующиеся революционным прошлым своего села. Кто-то из почтовиков предложил позвать дядю Степу, «живую историю» — так здесь называют старожила С. А. Желтова.

— Степан Андреевич, что помещалось в этом доме в восемнадцатом году? — начинаю издалека.

— Почта. Спокон веку почта. Это — на втором этаже. А первый занимал хозяин, Федор Кукарин с дочкой Клашей. Ох и бедовая была!.. Голос, как у соловья. Свободно могла бы по певчей линии пойти, да не вышло, война помешала. Пришли красные. Клашу — грамотейку взяли в штаб Гая, бумагами командовать. Тут уж не до пения...

— Клавдия Михайловна? Не Павлова-Давыдова?

— Я говорю, мил-человек, про кукаринскую дочку. У Клаши одна фамилия, а не две. Да и звать Федоровной, а не Михайловной. Телеграф здесь действительно был в восемнадцатом году. Телеграфиста Сашку звали не по имени, а «точка-тире». Где он теперь, не знаю. В то лето с Гаем в Симбирск уехал. Он от нас всю молодежь увез. Клаши тоже след простыл. А какой у нее голос был! Слушаю теперь радио и жду: вот-вот диктор объявит: Клавдия Кукарина исполнит «Ой, тучки, тучки...»

Вот и все, что я узнал от «живой истории». Маловато...

Пока Клавдия Михайловна боролась с сердечным недугом, я работал в Центральном архиве Советской Армии. И не безрезультатно: в фонде Железной обнаружил телеграмму, посланную Гаем командующему Первой армией.

«Нахожусь в Анненково. Жду вашего распоряжения. Гай».

Через несколько десятков страниц — второй, не менее любопытный документ: записка, которую послал Гай своему помощнику, находившемуся в другом населенном пункте:

«Я связался из села Анненково со штабом Первой армии. Говорил с т. Тухачевским и т. Куйбышевым. Штаб армии существует в Инзе. Теперь нам в Казани делать нечего... Я пока здесь. Получу приказания — приеду. Подымай дух войска. Вероятно, мы возьмем Симбирск с трех сторон».

Сам Гай удостоверял, что он разговаривал с Инзой из Анненково, а не из Майны, причем — по телеграфу! Это весьма существенно.

Среди архивных бумаг попался телеграфный бланк, на котором карандашом было написано: Инза и Лесное Анненково. Из уцелевших обрывков беседы командарма с Гаем видно, что Тухачевский назначил Гая командующим всеми вооруженными силами на Симбирском направлении.

Ни в штатных расписаниях, ни в послужном списке Гая нет упоминания об этой должности. Между тем из документа явствовало, что до встречи с Тухачевским Гаю был доверен ответственный командный пост.

Я совсем уже было потерял веру в то, что удастся обнаружить полную запись разговора Тухачевского и Куйбышева с Гаем, когда под Новый год прозвучал телефонный звонок. Незнакомый женский голос спросил: «Вы были в Лесном Анненково, заходили в дом моего отчима Кукарина...»

— Клавдия Михайловна! — сразу угадал я. — Ваш звонок для меня настоящий новогодний подарок.

— Я приготовила другой, получше. Если хотите получить его в нынешнем году, приезжайте сейчас же на Донскую.

Достать такси под Новый год почти невозможно. На нескольких видах транспорта добрался наконец до дома Клавдии Михайловны Павловой-Давыдовой.

...Познакомились они в Лесном Анненково, где остановился Гай.

— Вы, барышня, учитесь?

— Окончила женскую Симбирскую гимназию.

— В городе, где родился Ульянов-Ленин? Кто из их семейства остался в Симбирске?

Об Ульяновых Клава много слышала от своей учительницы Веры Васильевны Кашкадамовой, которая хорошо знала Александра Ульянова и всю его семью.

— Где жили Ульяновы? Цел ли их дом?

— Цел. Он стоит на том же месте, на Московской, неподалеку от церкви Иоанна Крестителя. Если идти от центра — по левой стороне.

— Спасибо! Найдем! — воскликнул Гай. — Мы скоро будем в Симбирске.

На этом разговор оборвался. Командира позвали к телеграфному аппарату, а Клава оставалась внизу. Командир говорил громко, взволнованно. Ей понравился человек, повторявший телеграфисту: «Передайте: моя фамилия Гай». У него была непривычная для здешних мест манера говорить, по которой угадывался сын далеких Кавказских гор.

Через много лет Павловой-Давыдовой удалось раздобыть неопубликованные воспоминания Гая, в которых приведен его разговор с Тухачевским и Куйбышевым. Всего несколько страничек.

Не переводя дыхания, прочел их залпом и, с разрешения Клавдии Михайловны, тут же перенес их в блокнот, лишь в отдельных местах внося небольшие стилистические исправления, сохраняя манеру письма.

«На мой вызов отвечает штаб Первой армии. Докладываю:

Гай. Я командующий Сенгилеевско-Ставропольским фронтом, частью Симбирской группы войск Пугачевского[1]. Желаю знать положение дел и место нахождения Пугачевского, ибо пятый день совершенно изолирован. Продвинулся сюда с боем.

Штаб. С какой станции вы говорите?

---

[1] Новый командующий Симбирской группой войск.

Гай. С Анненково, близ станции Майна.

Штаб. Хорошо. Спрашиваем для проверки, как фамилия начальника Сенгилеевской группы, который командовал до вас?

Гай. Сенгилеевским фронтом командовали Мельников, Афанасьев. После них командую я. Фамилия моя Гай.

Штаб. У аппарата Куйбышев. Скажите фамилию вашего политического комиссара с помощью шифра, присланного вам начальником штаба Пугачевского.

Появление Куйбышева страшно меня обрадовало, и я по привычке с жаром ответил:

— Дорогой товарищ Валериан, это я, Гай. Говори свободно и не беспокойся. Лившиц со мной, а также Самсонов, Панов...

Я хотел назвать еще ряд фамилий самарских работников, но подошел Тухачевский и спросил:

— Скажите, продолжают ли занимать чехи Симбирск и сколько у вас штыков, сколько орудий?

Признаюсь, «вмешательство» Тухачевского вначале почему-то мне не понравилось. Я вспылил:

— Не знаю, наконец, с кем я говорю — с товарищем Куйбышевым или товарищем Тухачевским?

Он спокойно ответил:

— Сейчас говорит Тухачевский. Куйбышев находится тут же.

Тогда я задал ему вопрос:

— Где Пугачевский, мой непосредственный начальник?

И получил ответ:

— Никто этого не знает. Наш штаб Первой армии продолжает оставаться в Инзе. Все время беспокоились о вашей судьбе, так как после потери Симбирска не имели с вами связи и не могли ее восстановить. Не знаю, как приветствовать ваш геройский прорыв. Повидимому, наши части все время принимали вас за чехословаков. Жду ответа.

Успокоенный ответом Тухачевского, я ответил им обоим:

— Дорогие товарищи! Получил приказ Пугачевского отодвинуть фронт. Я точно исполнил, занял Сенгилей по прямой линии фронтом, конечно, к Ставрополю[1] и

[1] Теперь город Тольятти.

Самаре, но вдруг получил от частных лиц известие, что Симбирск взят чехословаками, двигающимися из Сызрани по тракту через Тереньгу. Об этом я предупреждал Симбирский штаб заблаговремеино. Учтя положеиие, я остался в Сеигилее до последиего момеита. Присоединил и весь отряд Павловского, который оперировал на левом берегу Волги. Общими силами прорвали цепь неприятеля, который окружил иас с четырех сторои, а имеиио — с левого берега, из Усолья, из Шумовки и из Тереньги... Удачиым маиевром и зигзагами мы вышли сюда, то есть в тыл самого неприятеля. Приехав сюда, я узнал, что вииз на Иизу еще вчера отошли наши войска, названия которых точио ие знаю, кажется, Первый и Шестой Мценские полки. Со станции Майна иа автомобиле приехал сюда и дал телеграмму этим частям иемедленно вернуться обратно и соединиться со миой, ибо мы твердо решили наступать на Симбирск. Теперь ваш долг заставить вернуться все части...

Мои силы следующие: 1500 штыков, 12 орудий, около 100 пулеметов. Хотелось бы узнать ваше мнение, ибо я, как вояка, подчиняюсь дисциплине. С собой я везу моих раненых...

Тухачевский прервал меня, сказав:

— Тут не может быть двух миений, и ваше мнение в то же время мое собствеииое. Немедлеино вышлите на станцию Вешкайма надежиых людей для связи, примите все меры охранеиия. Пришлю дополнительные приказания. Говорите ли вы через Карсун по правительствеиному телеграфу или телефоиу?

Я ответил: — Говорю по правительственному...

— Оставьте у телеграфа человека, который мог бы каждую мииуту вызвать вас. Обиимаю вас, героя. Привет всем вашим товарищам. Тухачевский.

На прощание я все-таки вновь спросил:

— Будут ли присланы те части, которые отошли? Всего они отошли...

Тут разговор прервался, очевидно, в штабе армии ликовали, что в лице «противиика» приобрели до 3000 закаленных и верных бойцов революции. Телеграф безиадежио тукал...

— Минуточку, это Аннеиково, около Чуфарово, — получил ответ.

— Да... Да... Великолепно, все будет сообщено.

— Ну хорошо, — облегченно ответил я и тут же прибавил несколько фраз лично Куйбышеву, приглашая нашего любимого друга к нам в гости. Но телеграфный провод умолк. Я немедленно вернулся к своим бойцам и сообщил им радостную весть о том, что мы уже связаны с нашим дорогим Валерианом».

С минуту мы сидели молча. Клавдия Михайловна погрузилась в свои думы, а я, захваченный всем только что прочитанным, — в свои.

Если это писал Гай, то он, вероятно, весь разговор восстановил по памяти, намереваясь его опубликовать. Еще раз внимательно просмотрел все написанное Гаем в газетах и журналах и ничего похожего в них не нашел.

А тут — запрос из Сенгилея. Интересуются ветераны, читал ли я в сборнике «Симбирская губерния в годы гражданской войны» документ номер 67?

В этом документе опубликована телеграфная запись разговора командарма-1. Но не с Гаем, а с его заместителем Василием Павловским. Время разговора — одно, и фразы нередко попадаются похожие. Только Мценские полки почему-то в сборнике фигурируют как Мусинские.

Однажды захожу в сектор находок музея Вооруженных Сил СССР. Не был я здесь несколько месяцев. Пожилая сотрудница музея встречает с улыбкой, глаза светятся.

— Я вам звонила... Телефон молчал. К нам поступила неопубликованная рукопись Гая...

— Покажите, пожалуйста!

И на стол легли страницы машинописного текста с небольшой препроводиловкой, адресованной автору.

«Уважаемый товарищ!

Возвращаю вам ввиду ликвидации нашего издательства Вашу рукопись «Гражданская война на Средней Волге и роль В. Куйбышева».

В статье Гая подробно излагается история выхода объединенного отряда из вражеского окружения к железнодорожной станции Майна.

«Я до сего времени, — писал он, — не могу простить себе то, что, не зная общей обстановки, я не принял более целесообразное решение — ударить с юга тремя

колоннами на Симбирск, который я мог бы взять 24 или 25 июля, и разгромить здесь и Каппеля, и всех белогвардейцев».

После самокритичного признания Гай сообщает о Лесном Анненково, приводит содержание разговора, происходившего между ним, Куйбышевым и Тухачевским. Написано почти слово в слово, как в тетради Клавдии Михайловны.

Выходит, Лесное Анненково, а не Майна. Но главное не в населенном пункте, а в содержании разговора, в исторической правде.

Глава пятая

КОМАНДАРМ ОШИБСЯ НА ОДНИ СУТКИ

У революции был свой язык

Первый документ, который продиктовал Гая Гай Клаве и который она напечатала одним пальцем, гласил:

«Согласно приказу командующего 1-й Восточной армией, вверенные мне Сенгилеевско-Ставропольские фронты сводятся в Симбирскую дивизию. Я назначен начальником сводной Симбирской дивизии с 27 июля».

Теперь, когда читателю уже известно время и место рождения Симбирской, получившей вскоре название Железной дивизии, я хочу рассказать о другом, не менее интересном документе, увиденном мною в тот предновогодний вечер.

Это своеобразный послужной список дивизии, составленный Гаем и оглашенный им на торжественном собрании в Ульяновске в одну из годовщин Красной Армии.

Безымянные авторы дополняли и расширяли этот список, который теперь, более чем через тридцать лет, выглядит примерно так:

Имя — 24-я.

Отчество — Симбирская.

Фамилия — Железная.

Национальность — Интернациональная.

Год и месяц рождения — 27 июля 1918 года.

Кем рождена — Великой Октябрьской социалистической революцией.

Происхождение — Из рабочих и крестьян.

Образование — Окончила университет гражданской войны.

Какие имеет награды — 10 Почетных Красных знамен ВЦИК, до 20 знамен от Симбирского и Самарского губисполкомов.

За что награждена — За участие в освобождении Симбирской, Самарской, Оренбургской губерний и более 100 городов от врагов Советской власти.

Кто может подтвердить правильность изложенных сведений — Пролетариат Самары, Симбирска, Оренбурга и царские генералы Дутов, Деникин и адмирал Колчак.

«Послужной список Железной дивизии,— отмечала ульяновская газета «Пролетарский путь», — вызвал восторг у всех собравшихся. Чтение этого списка т. Гаем прерывалось много раз аплодисментами. Громкий смех всего зала вызвал последний пункт...»

Свидетелей Дутова, Деникина, Колчака уже давно нет в живых. Адмирал Колчак, самозванный правитель всея Сибири, исчез в водах бурной Ангары; генерал Деникин, проклятый народом, бежал из России, поступил на службу в английскую разведку и вскоре бесславно отправился тоже на тот свет; атамана Дутова настигла пуля в Китае — убит в двадцать первом году.

Но живы другие свидетели — рабочие Ульяновска, Куйбышева, Оренбурга... Живы те, кто прошел с Железной весь ее славный путь: они подтверждают правильность сведений, изложенных в послужном списке. На их глазах из самарских, симбирских, казанских и других отрядов были сформированы Первый н Второй Симбирские полки. Но два полка — это не дивизия и даже не полная бригада.

Железная нуждалась в пополнении, н она его получила.

Владимир Ильич Ленин, внимательно следивший за событиями на Волге и Урале, требовал сосредоточить основные военные силы на востоке страны. В Москве, Петрограде, Иваново-Вознесенске, Орле, Курске шла мобилизация коммунистов на Восточный фронт.

В распоряжение молодой дивизии прибыли Витебский, Московский, Курский, Орловский и другие полки. Карачаевский эскадрон. Смоленская батарея. Ряды дивизии пополнились Интернациональным полком, польским кавалерийским дивизионом «Победа», взводом китайской пехоты.

Венгры, чехи, сербы, поляки, китайцы — все они свидетельствовали, что правда о русской революции прорвалась сквозь завесу антисоветской клеветы до сердец трудовых людей, одетых в солдатские шинели. Среди них были бойцы, слышавшие Ленина на массовом митинге в Москве. Владимир Ильич выступал перед красноармейцами Варшавского полка, уходившими в первых числах августа на Восточный фронт.

«Я думаю, что мы, — говорил В. И. Ленин, — и польские, и русские революционеры, горим теперь одним желанием сделать все, чтобы отстоять завоевания первой мощной социалистической революции, за которой неминуемо последует ряд революций в других странах.

...Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святые идеи и, борясь вместе с вчерашними врагами по фронту — германцами, австрийцами, мадьярами, на деле осуществлять интернациональное братство народов».

Вещие ленинские слова, напечатанные в «Правде» и переведенные на польский, немецкий, чешский и другие языки, разрушали национальные барьеры, постепенно доходили до тех, кому адресованы. Клава видела, как на ее родной земле претворяли в жизнь союз революционеров различных наций, и гордилась, что присутствовала при этом.

Те же чувства испытывал И. И. Мошин. Ему шел восьмой десяток, когда мы познакомились. От крепкой, хорошо сложенной фигуры веяло степным здоровьем. Только слух иногда подводил. Первая мировая война оставила отметину: в схватке с австрийским солдатом Мошин потерял левое ухо.

Ивану Ивановичу не довелось присутствовать на интернациональном митинге в Москве; он в это время был уже дома, в Сенгилее. О выступлении Ленина на митинге Варшавского полка слышал от польских красных уланов, прискакавших в Заволжье вместе со своим командиром Петром Боревичем осуществлять интернациональное братство на деле.

Прибыли не только красные уланы, но и «вчерашние враги по фронту», с кем он, Мошин, воевал в первую мировую, с кем потом братался под Бродами. Всем война одинаково осточертела. Никто не хотел больше погибать — ни за русского царя, ни за австро-венгер-

ского императора. Людям хотелось жить в мире, поскорее вернуться к семьям, к родным очагам. Мошин помнит, как рослый чех в поношенном мундире австро-венгерской армии поднялся из окопа и крикнул: «Браты! К черту эту войну!» В руках он держал кусок красной материи, нацепленной на штык.

Не прошло и часа, как русские, чехи, венгры, словаки, еще вчера бравшие друг друга на мушку, бросились друг к другу. Начались рукопожатия, обмен фуражками, котелками, продуктами. Мошин отдал венгру-ефрейтору четвертушку хлеба, а тот подарил ему перочинный ножик. Потом было много таких братаний. Но больше всего запомнился чешский солдат, что первый крикнул: «Браты!..»

— Я везде искал своего чеха, — рассказывал Иван Иванович, — и когда уезжал из-под Брод, и когда к нам на Волгу прибыл интернациональный полк. Часто думал: что побудило этих людей, которые совсем недавно дрались против русских, добровольно взять в руки оружие и защищать в чужой стране чужую власть? И когда! Когда эта власть еле стояла на ногах и неизвестно было, выдержит ли она вражеский напор?

Ходили вздорные слухи, будто за службу в Красной Армии иностранцам дают чуть ли не по три оклада. Гай при всем народе заявил, что Советская власть никого не покупает и никого не нанимает. В Красную Армию идут по зову сердца. В ней нет деления на своих, чужих, ибо все борются за общее дело.

Мошину тоже иногда казалось — и он позже за это себя журил, — что иностранцам сулили после победы большие наделы жирного чернозема, что их по-особому кормят. Нет, ни того, ни другого в Железной не было. Все — от повозочного до начдива — питались из общего котла. Что же тогда привело их на Волгу? Ради чего они рисковали жизнью?

— Правды ради,— объяснил бойцам Гай.— Правда пролетарской революции — их правда. Наши надежды — их надежды.

Братание было лишь первым шагом к единению пролетариев, одетых в солдатские шинели и говоривших на разных языках. Но у революции был свой язык, его многие понимали. Понимали, что у народной власти есть общий враг — капитализм и что русский рабочий

первым повернул против него винтовку. Потом последовал более важный шаг — к воинскому товариществу, к боевой дружбе, скрепленной общей кровью. Венгры, чехи дрались у деревни Выры, словно бои шли не за какую-нибудь заволжскую деревушку, а за родной Будапешт или родную Прагу.

Разбитая «Святая чаша»

Когда Мошин узнал, что я собираюсь посетить знакомые ему места, где отличились гаевские полки, он выразил желание присоединиться.

— Поедем вместе, — предложил Иван Иванович. — Ведь недаром восточная пословица гласит: «Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать».

Такой попутчик, как Мошин, был для меня находкой. Я рассчитывал, что все вновь увиденное вызовет в его памяти забытое и наведет на затерявшиеся следы.

По дороге между селами Тетюшское и Погреба бывший пулеметчик указал на место, где отличилась смоленская батарея, на которую каппелевцы шли «психической атакой».

— Как на чапаевцев?

— На них потом... Мы сначала выстояли.

Иван Иванович напомнил о приоритете Железной. Принято, мол, считать, что чапаевцы первыми в гражданскую войну отразили «психическую атаку». Так изображен в фильме о Чапаеве бой под Уфой летом девятнадцатого.

— А на нас годом раньше точно так шли, — продолжал Мошин. — Ну и зрелище было!

Смоленская батарея осталась без прикрытия, один на один с наседавшими беляками — не то ротой, не то батальоном, именовавшимся «Святой чашей». Подразделение с божественным названием состояло сплошь из офицеров, наступавших на батарею сомкнутым строем, с ружьями наперевес.

— Хотели нас «на бога взять», по нервам ударить. Не вышло! Они шагают под барабанную дробь, а наши ждут: «Давай поближе». Когда совсем подошли, раздалась команда: «Огонь!» «Святая чаша» треснула, но не раскололась. Их старшой подал команду: «Сомкнись!» Снова сомкнулись и пошли. Тут наши батарей-

цы так бабахнули, что уцелевшим офицерикам больше смыкаться не пришлось.

— Отличными артиллеристами были смоляне, — добавил Иван Иванович. — У меня их фотография сохранилась. Посылал заметку в редакцию смоленской газеты «Рабочий путь». Не напечатали, места не нашлось. А в книге о Гае найдется?

Я ответил: непременно найдется!

— Наши артиллеристы тогда говорили, — продолжал Иван Иванович, — «не на тех беляки напали! На турок «психическая» действовала, а на красных бойцов — нет. Даже когда смоляне остались без прикрытия, ребята держались стойко. Гай им за это благодарность объявил» [1].

Когда прибыли в Охотничью, я достал из папки статью П. Кобозева, опубликованную в «Известиях», и для лучшего восприятия прочел вслух то место, в котором рассказывалось о взятии этой станции.

«Ночь. Станция Выры осталась за нами. Прибыл броневой поезд, один из тех, что панически отступал, начиная от Бугульмы... Приказ т. Гая перейти в атаку... Обычные отговорки трусов. Тов. Гай берет с собой десять разведчиков и садится на броневой поезд. Едем. Верст через пять трусость команды броневого поезда достигает апогея — их свыше ста человек, два орудия, восемнадцать пулеметов — как можно рисковать, а вдруг их неприятель отрежет, взорвет сзади путь, а потом расстреляет орудийным огнем. Дальше ехать отказываются. Остановились среди поля, далеко не доехавши до предназначенной цели — станции Охотничьей. Тогда т. Гай слезает со своими разведчиками с поезда и со словами: «Нам с трусливой сволочью не по дороге» — идет один вперед броневого поезда к ст. Охотничьей. Небольшое колебание, и трусы устыдились, сначала потянулись как побитая собака сзади охотника, а потом начали уговаривать т. Гая, чтоб он сел снова на поезд, а не шел пешком.

Так была занята нами Охотничья без боя, лишь правильным расчетом...

---

[1] В своих воспоминаниях Гай отмечал: «В результате боя противник понес большие потери. Среди убитых было восемь полковников и капитанов, в том числе командир офицерского батальона».

Слыша приближение нашего поезда, чехословаки отрезали телефонные трубки и отступили к Симбирску».

— Узнаю Гая! — воскликнул Иван Иванович, когда я закончил читать. — Здорово все-таки ударил их по самолюбию. Недаром говорится: смелость города берет.

Мошин надел очки и пристально посмотрел на железнодорожную колею, тянувшуюся от станции Охотничья на Выры, к тому месту, где позорно струсила команда бронепоезда, присланная из Саратова.

Станция Охотничья часто фигурирует в статьях о Гае и в неопубликованных воспоминаниях его сподвижников. Один из них — бывший командир полка М. Великанов свидетельствовал:

«Вызванный однажды в штаб дивизии, помещавшийся на вокзале (станция Охотничья), я застал там такую картину: белые обстреливали станцию, и их шрапнели рвались над помещением штадива. В углу комнаты, бывшей когда-то залой II класса, на соломе лежал Тухачевский, одетый в простую солдатскую гимнастерку, в ботинках. Лицо у нашего командарма было страшно измучено. В противоположном углу, около соломы, окруженный телефонными аппаратами, в сером солдатского сукна френче сидел Гай и разговаривал по телефону с боевыми участками».

Мы побывали с Мошиным на станции, в комнате, которая называлась в воспоминаниях командира Великанова «залой второго класса». Молча постояли у входа, мысленно представив себе, как выглядело это помещение в августе восемнадцатого года: над головами командарма и начдива рвались шрапнели, но штаб действовал.

На «самоварчике»

Охотничья, Погреба, Тетюшское, Майна, Ивановка... Каждый заволжский населенный пункт воскрешал в памяти Мошина какой-нибудь интересный случай, свидетелем которого он был или слышал о нем от других. Взять хотя бы такой эпизод, который мог стоить жизни Гаю и его постоянному спутнику — Шуре Гайдучку.

Василий Чапаев, как известно, ездил на тачанке. Семен Буденный — на коне, а Гай — на своем «самовар-

чике». Так бойцы окрестили старенький «Оппель» с неисправным радиатором. Окрестили потому, что из него валил пар чище, чем из бурлящего самовара.

Четырехместную машину переделали на трехместную, одно место отвели пулеметному гнезду.

Водил «самоварчик» искусный московский шофер Гайдучек. Свою фамилию он разделял на «Гай» и «Дучек». Первую часть произносил громко, как бы подчеркивая свое близкое родство с начдивом, вторую — чуть приглушенно.

Бывало, начдив беседует с бойцами и командирами, а Шурка вокруг «самоварчика» с тряпкой крутится, блеск наводит. А выдастся короткая остановка в поле, нарвет цветов и украсит ими машину. И еще коллекционированием он занимался, как теперь бы сказали, было у него свое хобби: собирал погоны разных родов войск, фуражки с кокардами.

«Зачем этот мусор копишь?» — удивлялись бойцы. «Для художественной самодеятельности, к примеру», — нашелся Шурка. «Сколько ей этого барахла надо? От силы две-три пары офицерских погон. Столько же фуражек. А у тебя целый склад!»

— Представьте себе, — продолжал Мошин, — что то самое «барахло» выручило Гая из беды. А было это так. Начдив с утра отправился на «самоварчике» по полкам. Сначала у нас, у симбирцев, побывал. Поговорил с командным составом, пошутил с бойцами и поехал дальше в Криуши. К вечеру той же дорогой возвращался через Ивановку.

На околице — непривычная тишина: не слышно многоголосого говора, не заливаются гармошки. Остановились, прислушались.

Гай приказывает Шурке подать «гардероб». Если в селе наши, они посмеются над «маскарадом», за своих все равно признают; если чужие, можно и за белых сойти.

— Надеть ефрейторские погоны, — приказал Гай шоферу и ординарцу, — а мне — полковничьи, артиллерийские...

...Автомобиль, попыхивая и дымя, въехал в село. На улицах — ни души. Крестьяне по избам попрятались, только из открытых окон поповского особняка доносился нестройный хор. Пьяные голоса горланили:

Пей, друзья, покуда пьется,
Горе в жизни забывай,
Уж на Волге так ведется:
Пей — ума не пропивай...
Может, завтра в эту пору
Нас на бурках понесут,
И тогда уже нам водки
И понюхать не дадут.

— Не дадим! Это уж верно! — подхватил Гай и велел прибавить газу.

А тут, откуда ни возьмись, наперерез два офицера с белыми повязками на рукавах.

— Стой! Пропуск!

— Да вы что, ослепли? Не видите, кого везу? — сердито пробасил Шурка.

Прапорщики растерялись.

— Какого батальона, молодцы? — спросил Гай.

— Самарского, ударного, господин полковник.

— А-а, капитана Назарова?

— Так точно, Назарова!

Все шло как по нотам, если бы Гайдучек не допустил промашки: забыл снять с радиатора красный флажок. Это заметил один из прапорщиков, подошедший вплотную к машине.

Но Гай и тут нашелся:

— Эту тряпку, — брезгливо поморщился он,—я приказал нацепить на всякий случай — для краснопузых. Говорят, они были в селе?

— Так точно! Мы их выбили два часа назад.

— Молодец капитан Назаров! Где он?

— Отдыхает. Прикажете разбудить?

— Зачем? Пусть отдыхает себе на здоровье. Скажите, господа, впереди мосты надежные? Выдержат трехдюймовки?

— Выдержат, — включился в разговор прыщеватый прапорщик, вытирая платком лицо.

— Проверим на месте.

— Можно с вами? — неожиданно предложил свои услуги прыщеватый. — Я покажу вам дорогу.

— Сделайте милость.

— Господин полковник, позвольте и мне,— шагнул вперед офицер в пенсне.

— Охотно взял бы, да машина на троих. В следующий раз прокачу.

— Будьте осторожны, господин полковник! Можно наткнуться на вражеский патруль,— крикнул вдогонку оставшийся офицер.

Предупреждение вскоре оправдалось. Не проехали и нескольких верст, как прапорщик, сопровождавший Гая, истошно закричал:

— Красные у моста, сейчас палить начнут! Господин полковник, прикажите повернуть назад!

Но Гай и не думал поворачивать. Да и бойцы, увидев знакомый «самоварчик», не собирались палить. К удивлению прапорщика, они радостно приветствовали «полковника»:

— Гай, товарищ Гай!..

Рассказывая бойцам об этой истории, начдив жалел, что из-за маломестной машины удалось привезти в штаб лишь одного «языка».

— Будь у него не «самоварчик»,— добавил от себя Мошин,— а хотя бы такой «газик», как наш, Гай прихватил бы и второго.

Руководствуясь революционной совестью

Еще одну любопытную историю рассказал Иван Иванович, когда мы на вместительном «газике» подъезжали к станции Чуфарово, где когда-то размещался штаб. При нем старшим комендантом служил некий Сушко: личность темная, за взятки освобождал кулаков от постоя, грабил середняков, занимаясь поборами.

Когда Сушко попался, одни считали, что комендант должен держать ответ перед миром и судить его следует открыто. Другие возражали, доказывали, что открытое разбирательство в присутствии жителей села подорвет авторитет Советской власти, ее Красной Армии.

«Не подорвет, а еще больше укрепит! — утверждал Гай.— Пусть люди знают, что командиров с нечистой совестью мы не щадили и не будем щадить».

Кое-кто пытался оправдать коменданта: Сушко, дескать, брал взятки не со своих пролетариев, а с чуждого класса.

«И с чужими надо поступать, как велят советские

законы,— отрезал Гай,— а грабить непозволительно ни своих, ни чужих»[1].

Уличенный в мародерстве и взяточничестве, признавая себя виновным, Сушко обратился к начдиву с просьбой о помиловании.

— Гай простил его?

— Нет. Мародерства и подлости он не прощал никогда, а случайные ошибки — да. Поговорите с Яковом Маракиным, бывшим командиром сенгилеевского отряда. Пусть расскажет, как Гай обошелся с тринадцатью юнцами.

При отходе из Сенгилея в отряд Маракина «влились» подростки. Во время ложной тревоги ребята испугались и пустились наутек. Их, конечно, догнали, доставили бойцы из другого отряда. Из штаба поступил приказ — арестовать и судить. По законам военного времени.

Маракин — к Гаю. Тут ребята совсем приуныли, зная, что трусов и паникеров командир не щадил.

Приехал Гай. Приказал всех вывести из сарая, построить во дворе. Сошел с крыльца, молча взял низкорослого паренька на руки и, сдерживая улыбку, строго произнес:

— Тоже мне, вояка!.. Вернуть всех к папам и мамам!..

— Никак не могу, товарищ командир, — ответил Маракин, — ребята из Сенгилея.

Гаю пришлось изменить решение: освободим Сенгилей и — всех по домам.

Ребята стали просить оставить их в Красной Армии, но Гай повторял: к папам и мамам, к папам и мамам...

— Для нас,— сказал Маракин,— Гай тогда был и отцом-командиром и справедливым судьей. Тогда ведь трибунала еще не было.

Пока я путешествовал по волжской земле, в адрес

---

[1] «Ни своих, ни чужих!» В письме от 5 мая 1919 года, адресованном политотделу, Гай, в то время командующий Первой армией Восточного фронта, писал:

«Прошу обратить внимание, по-моему, на незаконные действия врио председателя Ревтрибунала, который арестовал без всякой вины священника с. Сорочинское Алоизова и отобрал у него мебель. Подобный поступок может привести к нежелательным результатам как для Советской власти, так и для армии».

Союза писателей пришло письмо из Белоруссии. Это был отклик на радиопередачу, посвященную начдиву Железной:

«В середине лета восемнадцатого года,— сообщал бывший комиссар Витебского полка Юлиан Шаша,— меня вызвал к себе начдив. Что мне тогда было известно о нем? Да почти ничего. Храбрый командир, награжден Георгиевскими крестами, служил старшим унтер-офицером в царской армии. А я был рядовым и немало настрадался от этих офицеров. Иные для маскировки записывались в Красную Армию, а потом предавали нас, как это произошло с подполковником Муравьевым. Не из того ли, думаю, теста и наш командир?

Думал и возражал сам себе. Есть среди бывших офицеров разные люди: и предатели, и преданные Советской власти. Вот наш командарм Михаил Тухачевский!.. Тоже из бывших, поручик царской армии. А не только сам добровольно встал на защиту завоеваний Октября, но и издал приказ всем бывшим офицерам, проживающим в Симбирской губернии, «немедленно встать под красные знамена!», вступить в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

Штаб Гая размещался в деревянном домике. При входе на листке бумаги, приколотом к двери, размашисто было выведено: «Штаб дивизии».

Я поднялся на крыльцо и вошел в дом. В комнате за столом сидело двое мужчин. Один занимал половину стола, на котором лежали папки, полевые карты, и что-то писал. Второй, возрастом чуть постарше, доедал сухую воблу и запивал ее чаем.

«Сюда ли я попал?» — подумал я, едва переступив порог. Все же решил представиться.

— Комиссар Первого Витебского полка Шаша. Прибыл по приказанию начальника дивизии.

Тот, кто с аппетитом уничтожал воблу, поднялся:

— Я и есть начдив Гай. Присаживайся — будем завтракать.

Поблагодарив за приглашение, я сел на краешек стула, стал рассматривать Гая. Он был приветлив, улыбка светилась на его лице, ничего от старорежимного. Только отличная военная выправка да два Георгия на груди.

— Ты, комиссар, откуда родом? Не из Белоруссии?

Я кивнул головой.

— А я из Закавказья, армянин. Заместитель мой Василий Павловский — русский, военком Борис Лившиц — еврей. А вот он,— Гай показал на сидевшего рядом с ним, ладно скроенного мужчину,— из Прибалтики, бывший латышский стрелок. Теперь — начальник штаба дивизии Эдуард Вилумсон. А красного чеха Славояра Частека, командира интерполка, ты знаешь? Он только что здесь был. А поляка Петра Боревича? А мадьяра Дьюлу Варгу? Видишь, тут, под Симбирском, целый интернационал собрался.

— Так точно, вижу! — воскликнул я и соскочил с места.

Гай мягко положил мне руку на плечо:

— Сиди, сиди. От старых привычек, братец, пора отвыкать. С начдивом можно разговаривать, как с товарищем. О тебе, комиссар, бойцы говорят по-доброму. Слышал, парень ты — ответственный и справедливый. Думаю, для дивизионного судьи подойдешь. Судить умеешь?

— Нет,— честно признался я,— не приходилось. Не по мне это дело, грамота мала.

— Не боги горшки обжигают! И бывший унтер Гай никогда дивизией не командовал и поручик Тухачевский — армией...

— Да я и протокола написать не сумею!

— Ничего,— успокоил Гай,— грамотного секретаря найдем, а твоя обязанность — вершить суд праведный.

— Кого судить будем?

— Контрреволюцию, трусость, мародерство...

— По каким законам?

— По каким законам? — помедлил начдив.— Ясно, по каким: по законам революционной совести.

Став судьей, я так и поступал. Поэтому все приговоры начинались тогда со слов «руководствуясь революционной совестью...».

Воевал Гай с мародерами большими и малыми. Как-то один боец позарился на пузатый тульский самовар и отнял его у мужика. Когда привлекли к ответственности, стал оправдываться: не для себя же, а для всего взвода, все будем чаевничать...

Гай потребовал, чтобы провинившийся немедленно вернул самовар. И неожиданно для всех заговорил о себе в третьем лице:

— Если увидите, что у Гая руки загребущие, судите его по законам революционной совести, наказывайте беспощадно! Такой Гай не нужен не только Красной Армии, не нужен и отцу родному!

— Твоя правда, сын,— сказал отец начдива, присутствовавший при разговоре.

Народный учитель, человек высоких моральных качеств, Дмитрий Карапетович Бжишкянц любил сына и гордился им. Куда бы судьба не забрасывала Гая, отец следовал за ним: был на Волге, на Урале, на Маныче. Малоразговорчивый, он одной короткой фразой подтвердил кредо сына.

Время вернуться к моему спутнику Ивану Ивановичу Мошину. И заодно рассказать еще об одном человеке, который присоединился к нам в Чуфарово, — о полковнике в отставке Василии Афанасьевиче Радыльчуке. В Железной ему не довелось служить, с Гаем встречаться — тоже. Всю гражданскую воевал на других фронтах, больше всего под командованием Григория Котовского.

Областная газета «Ульяновская правда» назвала Радыльчука летописцем боевой славы. «Хорошо, когда за большое патриотическое дело берутся не формально, не ради корысти или славы, а вот так — от полноты чувств, от внутреннего накала. И тогда многое можно осуществить. Тогда люди молодеют душой, а старый бывалый солдат превращается в усидчивого историка, в летописца славных подвигов сынов своего отечества».

Историей Железной Радыльчук стал интересоваться с тех пор, как поселился в Ульяновске, а ее начдивом — когда прочел в газете обращение к читателям: «Ульяновская правда» приглашала всех, кто служил под началом Гая или знал его, прийти в редакцию...

В назначенный день и час кабинет редактора Константина Гайдашенко заполнили люди. Многие прибыли в Ульяновск из Сенгилея, Чуфарово, Майны и других мест. Их бесхитростные рассказы настолько увлекли полковника, что он решил посетить все населенные пункты Ульяновской области, которые освобождала Железная дивизия.

Начал со станции Чуфарово — с того самого населенного пункта, где в конце июля восемнадцатого года была сформирована дивизия, чтобы, как он сказал, «произвести корректировку на местности».

— Если посмотреть на карту боевых действий,— сказал Радыльчук, — то гаевский удар был концентрическим. Его дивизия стремительно наступала на Симбирск не с одной, а сразу с нескольких сторон. Противнику трудно было определить, в каком месте будет нанесен главный удар.

Умелые действия начдива Железной и других военачальников опровергли мнение отдельных историков, будто Красная Армия на первых порах не знала другой наступательной тактики, кроме удара «в лоб». Гай бил с флангов и по центру. Подготовка к наступлению велась в строгой тайне. До начала атаки начдив противника не беспокоил.

Можно восторгаться Гаем, посадившим целый стрелковый полк на автомашины, и когда — в восемнадцатом году!

— Где же он раздобыл их?

— Командарм Тухачевский приказал все имеющиеся в армии и в тылу автомашины собрать в одном месте. Но возник вопрос: где взять горючее? Тогда ведь не было ни Сызраньнефти, ни Второго Баку, да и Баку находился в руках у интервентов. Бензина не было, керосина не хватало, в селах подслеповато мигали лучины.

И спирт не реквизируешь: винокуренные заводы еле дымили. Вспомнили о парфюмерных магазинах. Послали на склады бойцов. Они принесли одеколон, думали пустить его в оборот с керосином, но машины с места не двинулись. А вот на керосине со спиртом пошли! Весь Курский полк на грузовиках перебросили под Симбирск. Эту операцию Гай разработал до мельчайших подробностей под руководством Тухачевского. Противник такого маневра не ожидал.

— «Сметка колет, сметка бьет, сметка в плен врага берет» — гласит старая пословица,— добавил Иван Иванович.— Выходит, наши куряне — первые мотопехотинцы Красной Армии.

В Советской Армии нет теперь пеших солдат. Правда, сохранился такой род войск, как пехота, но она

уже не обычная, а моторизованная. Мотопехотинцы — это бойцы, вооруженные автоматами или пулеметами. По земле на автомобилях они несутся со скоростью ветра, а по воздуху — со скоростью звука.

Но в то время это был новый тактический прием не только для Железной, но и для всей Красной Армии. Белые генералы, привыкшие к шаблонным методам ведения войны, не представляли себе, что против них может быть брошена мотопехота. С фланга ее прикрывал кавалерийский дивизион «Победа» под командованием Петра Боревича. Тухачевский и Гай все предусмотрели. Посылая вместе с автоколонной красных уланов, они учитывали возможные варианты контрударов.

За три дня линия фронта сжалась до двадцати километров. Город был окружен с нескольких сторон, но противник все еще держался.

Гай в своих воспоминаниях не пытался оглупить неприятеля. Он отдавал себе отчет в том, что враг не только хитер и коварен, но и опытен.

Василий Афанасьевич достал из бокового кармана записную книжку:

«Белогвардейцы (надо быть справедливым) сражались образцово и стойко, наши — не хуже. На правом фланге грудь с грудью сошлись четыре симбирских полка — два белых, два красных.

Белые не выдержали. Противник отошел, оказывая местами упорное сопротивление».

Это были слова Гая.

Штурм был перенесен

В Доме офицеров показывали документальный фильм «Внуки Железной». Его смотрели представители двух поколений — ветераны гражданской и Великой Отечественной войн.

Когда на экране замелькали кадры, отражающие боевые действия отцов и дедов Железной, освобождавшей Симбирск, зал загудел.

— Вы, наверное, догадались, почему возник этот шум? — шепнул мне Радыльчук.

Я кивнул головой.

После просмотра фильма мы продолжили разговор. Шум в зале во время сеанса, как мне казалось, был

вызван некоторыми историческими неточностями, связанными с Симбирском: с экрана громогласно было сказано, что «целебную» телеграмму Владимиру Ильичу послал не Гай, а Почетное знамя ВЦИК вручал командованию Железной не Кобозев, а Всероссийский староста, прибывший в Симбирск.

Верно, Михаил Иванович Калинин приезжал в Симбирск, но не в сентябре восемнадцатого года, а в конце мая девятнадцатого, когда Железная была уже далеко за Волгой, вела бои в уральских степях. И приезжал Калинин в Симбирск вовсе не для вручения высоких наград.

«Моя цель,— говорил Всероссийский староста,— моя главная цель — непосредственно подойти к уезду и волости, к трудящемуся народу, отдаленному от центра, и узнать его нужды, подслушать голос самой жизни».

К сожалению, создатели фильма, освещая историю освобождения Симбирска, не подслушали голос жизни, голос исторической правды.

— Вы правы,— согласился Радыльчук,— но в первой части фильма авторы допустили еще одну ошибку. Правда, не собственную, а повторили ошибку командарма Тухачевского.

— Какую?

— Перед наступлением на Симбирск командующий Первой армией заверил штаб Восточного фронта, что через три дня, то есть 11 сентября, город будет освобожден. В действительности он был взят не одиннадцатого, а двенадцатого. По этому поводу газета «Известия» писала:

«Командарм Тухачевский ошибся лишь на одни сутки. Разве это не лучшая характеристика нашей новой армии?»

— Можно было взять и одиннадцатого,— продолжал Василий Афанасьевич, когда мы выходили из зала.— Ведь к вечеру того же дня наши войска находились в пригороде Симбирска — теперь это уже городская черта.

— Почему же они не вошли?

— Гай с одобрения Тухачевского решил ночью в город не входить. Правда, коренные симбирцы — они составляли основу дивизии — рвались вперед. Люди, ис-

тосковавшиеся по дому, видели перед собой город, где остались их родные и близкие, тревожились об их судьбе. А начдив, можно сказать, остановил их перед самым порогом.

О настроении бойцов доложил начдиву Петр Устинов. Гай ответил: на их месте я рассуждал бы так же, но как старший командир, отвечающий за жизнь бойцов, обязан добиваться победы малой кровью. Где гарантия, что противник не устроил в городе засаду, не расставил пулеметных гнезд? Это приведет к ненужным жертвам.

Гай избегал их, жалел бойцов. Кому-кому, а Устинову это было хорошо известно. В его неопубликованных воспоминаниях есть и другой эпизод.

Когда посылалась разведка в Самару, оккупированную белочехами, Гай приказал собрать всех. Дружина построилась, он вышел на середину:

— Кто хочет вместе с Устиновым в разведку?

Все подняли руки.

— Храб-цы мои,— продолжал Гай,— я вижу, с вами Советская власть не пропадет. Но от того, что вы все пойдете в Самару, большой пользы не будет. Разведка требует предосторожности, а соблюсти ее вы не сможете, будут жертвы... Их можно избежать, если с Устиновым отправится только несколько самых отчаянных.

...Под Симбирском Петр Федорович принял полк. Он первым без больших потерь переправился через Волгу[1]. Белые откатились на противоположный берег. Опомнившись, они под прикрытием бронепоезда перешли в контратаку, потеснив вскоре наши части.

Несколько дней длился бой за железнодорожный мост. Снаряды густо падали в реку, вздымая водяные столбы. Ночью противник поджег две нефтяные баржи, огненное зарево осветило схватки, происходившие на мосту. Его надо было удержать до подхода подкреп-

---

[1] «Лишь при переправе через Волгу,— писал впоследствии Гай,— мы понесли небольшие потери. Со стороны белых пало не менее тысячи человек. Наши санитары подбирали на поле сражения раненых белогвардейцев и отправляли их вместе со своими ранеными в дивизионные лазареты.

Такого великодушия со стороны белых не наблюдалось».

ления: с часу на час ожидалось прибытие наших войск из-под Казани.

Начдив находился среди бойцов, оборонявших город. Он действовал так, как повелось в народе: горести вместе, радости вместе, смех и печаль пополам.

Белые не только пытались овладеть мостом; они держали под артиллерийским обстрелом центральную часть города. В один из таких критических дней в штаб Железной явился представитель Симбирского губисполкома. Когда деловая беседа закончилась и гость стал прощаться, Гай попросил его задержаться на несколько минут.

До начдива дошли слухи, будто горожане не верят, что мост будет удержан.

— Есть сомневающиеся,— подтвердил губисполкомовец.— Не знаем, как успокоить их.

Начдив попросил представителя местной власти подойти поближе к письменному столу и показал на медную кнопку.

— Видите,— сказал он доверительно,— стоит мне только нажать, и мост вместе с белогвардейцами взлетит на воздух.

О медной кнопке в тот же день узнали горожане. Многие успокоились, поверив, что мост минирован и конец провода находится в кабинете Гая. В действительности это была простая кнопка от звонка к начальнику штаба.

Мост был удержан. Удержать его помогли соседние части и прибывший десант. Охваченные с флангов, белые поспешно откатились от Симбирска и больше не появлялись у его стен.

За нашу и вашу свободу

На Новом Венце — на вершине горы, возвышающейся над Волгой, воздвигнут обелиск. В братской могиле рядом с советскими бойцами покоятся венгры, чехи, поляки. Среди них — девятнадцать красноармейцев Интернационального полка, стоявших насмерть при обороне моста.

— Давно мечтаю повидать Варгу, — продолжал Василий Афанасьевич, когда мы подошли к памятнику над братской могилой, где похоронено девятнадцать

интернациональных бойцов из разных стран. Установить их фамилии и имена, к сожалению, до сих пор не удалось. Только про одного знаем — это Борейко, сын Праги, мужественный воин революции, служивший в полку Варги. Вот он мог бы назвать имена и фамилии остальных. Я долго искал Дьюлу Варгу и наконец раздобыл его адрес.

Радыльчук достал из кармана записную книжку. Генерал-лейтенант живет в Будапеште, в районе...

— Василий Афанасьевич, вы опоздали. Варга умер несколько лет назад... — Записная книжка выпала из рук полковника. — О венгерском генерале Варге теперь, к сожалению, можно говорить только в прошедшем времени.

Мое знакомство с ним сначала было заочным. Я прочел его биографию, хранящуюся в архиве.

Уроженец Будапешта, сын почтальона, ставший в мировую войну штабс-капитаном австро-венгерской армии, Варга, казалось бы, мог быть доволен своей военной карьерой. В двадцать пять лет уже командовал батальоном 27-го Гонведского полка. Правда, недолго. Осенью пятнадцатого года полк потерял этот батальон; все солдаты во главе со штабс-капитаном сдались в плен русским. Это был смелый шаг, навлекший гнев императора Франца-Иосифа: Дьюлу и его единомышленников объявили вне закона.

В Дарницком сортировочном лагере Варга стал приобщаться к политике — вступил в подпольный кружок. В нем тайно осуждались действия и русского царя и австро-венгерского императора.

Но тайное стало явным. Кружок разгромили. Из лагеря Варгу отправили в тюрьму. При Временном правительстве выпустили на свободу, но пользовался он ею недолго. Варгу арестовали как большевистского агитатора. Товарищи называли его непоколебимым. Он и в самом деле не согнулся ни перед короной, ни перед двуглавым орлом, ни перед Керенским.

А когда в России грянула пролетарская революция, Варга вступил в Красную гвардию. Был в Смольном, у Ленина. Беседа с вождем открыла ему глаза на многое.

В стране, охваченной гражданской войной, Восточный фронт был тогда главным. Вместе с питерскими рабочими Варга отправился на Волгу.

А потом — жестокие бои за Симбнрск. Уже город отвоевали у белых, уже отправлеиа Гаем Владимнру Ильичу «целебная» телеграмма, а бои за мост возобновилнсь: протнвннк, перейдя в контратаку, теснит нашн войска.

Вот тогда, под убнйственным пулеметным огнем, как позже свидетельствовал начднв Железной, бесстрашный комполка Дьюла Варга с горстью храбрецов не только отстоял переправу, но н захватил у белых несколько пулеметов и другое оружне.

ВЦИК иградннл Варгу золотыми нменными часами, начдив представнл его к боевому ордеиу.

В мирное время, накануне пятнадцатой годовщины Красной Армии, обращаясь в комнссию по награждению, Гай пнсал, что Варга показал себя иа Снмбирском направлении прекрасным тактиком и храбрым комаиднром.

«Учитывая также героизм и мужество т. Варги на других фроитах н участках борьбы за коммуинзм, его заслуги по формнрованию нптериациоиальных частей, считаю его вполие достойным иметь орден Красного Знамени хотя бы к 15-й годовщине Красной Армии.

Тов. Варга за свои подвнгн неодиократно был представлен к ордену, но почему-то до сего времени он его не получил. В настоящее время т. Варга — ннвалнд граждаиской войны (II группа), от полученной контузни совершенно оглох н, несмотря иа болезнь, усиленно работает над архнвнымн материалами, имея задачу написать историю интернацнональных частей и их роль в Октябрьской революцни н гражданской войне.

Б. командир 24-й Железной дивизии,
командарм Первой ревармии Восточного фронта.
Г. ГАЙ».

Интересиейший документ об иитересиейшем человеке! О ием ие зналн нн московские, ин будапештские нсторнкн. Получив копию запнскн Гая, я позвонил в отдел наград Президнума Верховного Совета СССР.

— Есть ли в списках награжденных Варга?

— Да, — подтвердила сотрудница. — Варга — командир Интернационального полка. Награжден орденом Красного Знамени в двадцать шестом году.

Поблагодарив за справку, я машнннально положил трубку иа рычаг, но тут же спохватился: Гай представ-

лял Варгу к ордену в связи с пятнадцатой годовщиной Красной Армии, а она родилась, как известно, в феврале восемнадцатого года. Значит, записка, не имеющая даты, послана была не в 1926, а в 1933 году, когда Дьюла не имел ордена. Очевидно, это не тот Варга. Ведь в Красной Армии служило до ста тысяч венгров, и среди них немало людей с такой распространенной в Венгрии фамилией.

Так оно и оказалось: орден получил не Дьюла, а Янош Варга, воевавший в Туркестане. Что касается Дьюлы, на него в отделе наград никаких материалов не оказалось.

Жив ли Дьюла Варга? Вопрос возник передо мной через двадцать пять лет после того, как Гай послал свою записку в наградную комиссию. В ней, говоря о боевых заслугах Варги, начдив отмечал, что этот «прекрасный тактик и храбрый командир», получив контузию, потерял слух, стал инвалидом гражданской войны. Вряд ли с такими «приобретениями» можно было рассчитывать на долголетие...

И все же я решил искать Варгу. Искать в нашей стране и в Венгрии. Только начал составлять запросы в разные места, как настойчивый звонок в дверь оторвал меня.

— Ты ничего на знаешь, закопался в бумагах, — скороговоркой произнес мой коллега, неистовый московский репортер. — В Москву вчера прибыла делегация из Югославии. Все гости — участники гражданской войны, и среди них — председатель Сербского вече Никола Грулович. Тот самый, которого ты запрашивал о Дундиче. Остановилась делегация в гостинице «Украина».

...В условленный час Груловича на месте не оказалось. Он предупредил, что находится в соседнем номере у генерала венгерской армии. Я попросил дежурную по этажу позвонить в номер генерала.

— Это бесполезно...

— Почему?

— Генерал глуховат, телефоном не пользуется.

Подойдя к указанному номеру, я по инерции постучал в дверь.

— Входите, смелей, — послышался незнакомый голос.

Отозвавшийся представился Груловичем, познакомил

меня с венгерским генералом, назвав его Дьюлой Варгой, героем боев за Симбирск.

Да, это был тот самый Варга, который командовал Интернациональным полком Железной дивизии. Стоило мне громко произнести имя начдива, как генерал оживился, поднялся с места.

— Гай? Он жив?

В Будапеште Варга пристально следил за тем, что делалось в нашей стране, на его второй родине, как называл он Советский Союз. Венгерский генерал знал о решениях XX съезда КПСС, осудившего культ личности. В душе Варги все чаще теплилась надежда снова увидеть своего командира, с которым он прошел сотни верст по дорогам войны, участвовал в боях за Симбирск, Самару, Оренбург, услышать его любимое словечко «храбцы», вспомнить далекое, но близкое и дорогое прошлое.

Пришлось Варге сказать правду: Гая давно нет в живых.

— Нет?!

Нервы бывалого солдата не выдержали. Уголки его красивых губ дрогнули, глаза повлажнели. Варга вынул клетчатый платок, смахнул набежавшую слезу. Закаленный воин революции, не раз смотревший смерти в глаза, не стыдился своих чувств.

— Сколько буду жить, столько буду помнить нашего Гая. И дети мои будут помнить, и дети моих детей...

Да, Гая нельзя забыть! Как нельзя забыть старого израненного генерала из Будапешта, как нельзя забыть все услышанное от него в тот тихий московский вечер.

Варга пригласил меня в Будапешт, обещал показать город на Дунае, познакомить с венгерскими интернационалистами, служившими под началом Гая.

В Будапешт я попал не сразу. После того как книга о Гае вышла в свет, я стал собирать материалы для новой повести — о революционном поэте Карое Лигети, погибшем в застенках Колчака. Поиски документов о Лигети привели меня в столицу Венгрии. На другой же день я отправился на квартиру Варги, но, увы, его уже не застал. В последние дни своей жизни, мобилизуя остатки своих сил, он успел написать несколько страниц воспоминаний о Симбирске и любимом начдиве.

Через годы, через расстояния, через разные страны,

где Варге довелось воевать за свободу других народов, он пронес неугасимую любовь к своему командиру.

При нашей единственной, к сожалению, встрече Варга назвал двух интернационалистов, ставших видными военачальниками, — чеха Славояра Частека и поляка Петра Боревича.

О Боревиче я располагал отрывочными, неполными сведениями. Слышал, что он служил в Белгородском запасном пехотном полку.

Эта воинская часть входила в состав так называемого Польского добровольческого корпуса, сформированного Временным правительством.

В своих взглядах на события в России полк не был единодушным. Реакционно настроенные офицеры и их подголоски пытались отвлечь солдат от участия в революционной борьбе. Буржуазные националисты вбивали в головы своим подчиненным, что поляку, находящемуся в России, чужды интересы русской революции, что ему следует стоять в стороне от нее, беречь свои силы: они потребуются для освобождения собственной родины.

Боревич придерживался иного мнения. Не выжидать, не раздумывать, а вместе с русскими рабочими участвовать в демонстрациях, в митингах, в работе городского Совета. Не удалось белополякам посеять рознь между пролетариями и трудовым населением, чьи интересы были близки и понятны польскому солдату.

— Мы с вами всегда, — говорил Боревич, прощаясь с белгородскими рабочими, — и в радостях, и в беде. Одна у нас судьба, одна, пусть трудная, но верная, дорога.

Создав отряд красных уланов, Боревич вместе со своими бойцами влился в Курский полк. С ним Боревич попал в район Симбирска в самые тяжелые для города дни.

Как действовали здесь красные уланы, видно из боевой характеристики, подписанной начдивом Железной. Гай удостоверял, что командир дивизиона «Победа» во время частых боев проявлял «храбрость и полное хладнокровие, чем служил хорошим примером для своих подчиненных, увлекая их за собой».

Так было и под Симбирском, так было и под Сызранью. Здесь в первую годовщину Октября, в торжест-

венной обстановке Петру Боревичу были вручены именные часы с выгравированной надписью: «Храброму и честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии от ВЦИК».

В скромном и отважном командире дивизиона «Победа» Гай разглядел будущего полководца конных войск. Между Волгой и Уралом дивизион был развернут в полк, и его первым командиром стал Боревич. После взятия Оренбурга его перебросили на другой фронт, назначили начальником кавалерийской дивизии, действовавшей на Западе.

Через год судьба его снова свела с Гаем, командовавшим Третьим конным корпусом, в составе которого было много уральцев и волжан.

Когда война со шляхетской Польшей закончилась, фамилия Боревича перестала упоминаться в сводках и приказах по Красной Армии.

Что же случилось с ним? Ранен? Погиб?

Стоило рассказать московским школьникам о польском интернационалисте, как ребята сразу заинтересовались его биографией. Прослышав, что он родом из Варшавы, юные гаевцы из 146-й школы связались со своими варшавскими сверстниками, обратились с письмом в газету «Трибуна люду».

Ответ из редакции пришел незамедлительно. «Трибуна люду» сообщила, что Петр Боревич, варшавский рабочий, вступил в коммунистическую партию в пятом году. После гражданской войны командовал пограничными войсками на западной советской границе. В двадцать первом году герой погиб от предательского выстрела.

Сообщение из Варшавы навело юных следопытов на мысль, что материалы о Боревиче нужно искать не в фондах Центрального музея Вооруженных Сил, где ребята бывали не раз, а в Музее пограничных войск. Там их ждала удача: ребята получили копию биографии Петра Михайловича Боревича и единственный сохранившийся его портрет.

О другом сподвижнике Гая — Славояре Частеке — было известно чуть больше, чем о Боревиче. Уроженец чешского города Пльзеня, он в мирное время сажал и охранял в округе леса. А когда грянула мировая война, поручика запаса Частека призвали в австро-венгерскую

армию. Не желая служить императору Францу-Иосифу, он сдался русским в плен. Казалось бы, для Частека война закончилась: остался цел, невредим, живет в офицерском бараке.

Можно после войны вернуться домой, к мирным занятиям, а вечера коротать в трактире, за кружкой знаменитого пльзеньского пива.

Нет, к такой идиллии Славояра уже не тянуло. Он покинул теплый барак, порвал раз и навсегда с чуждой ему офицерской кастой. Выступая весной восемнадцатого года в Москве на конгрессе бывших военнопленных, освобожденных Октябрьской революцией, Частек заявил:

— Наша задача — снова взять в руки оружие, ибо сегодня в России решается исход той борьбы, которую уже много столетий ведут трудящиеся моей родины против грабителей-эксплуататоров.

Из Москвы Частек направился в Пензу, сформировал там интернациональный отряд и двинулся с ним на фронт. За городом он узнал, что белочехи захватили губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Отряд вернулся в Пензу, принял первый бой. Здание Совета было отбито, и бойцы удерживали его до тех пор, пока не были уничтожены секретные документы, которые не должны были попасть в руки врага.

Пензу временно пришлось оставить, отступить к Волге, где в те дни русская, татарская, украинская речь пересыпалась с чешской, венгерской и немецкой. Здесь отряд влился в формирующийся Интернациональный полк, командиром которого стал Славояр Частек. Ему шел тогда двадцать третий год.

После победы, одержанной под станцией Охотничья, Варгу и Частека вызвал Гай.

— Товарищ Славояр, — сказал начдив, обращаясь к командиру полка, — через несколько дней красное знамя будет развеваться над Симбирском. Это твердо. Военным комендантом города хочу назначить Воробьева, а заместителем тебя.

— Ты все учел, соудруг Гай? — спросил Частек.

— Да!

— И то, что я чех?

— И то, что ты чех.

— А что скажут горожане? Они не видели наших ребят в боях за Охотничью. Над жителями Симбирска больше месяца издевались мои земляки белочехи. И наконец, что они подумают о тебе, Гай, когда увидят чеха в военной комендатуре?

— Пусть увидят. Твоя кандидатура, Славояр, самая подходящая.

— Разве нет лучшей?

— Может быть, есть. Но я хочу, чтобы симбирцы наглядно убедились, что и чехи неодинаковы: одни по указке Антанты громят Советы, другие — такие, как ты, как Ярослав Гашек, — с нами[1]. Твоя работа в военной комендатуре будет лучшей агитацией за единство класса, за чехов и словаков, что с нами, с революцией. Понял?

И Гай тут же продиктовал приказ о назначении Частека заместителем военного коменданта города Симбирска.

— Действуй, Славояр! — отрывисто произнес Гай и, крепко пожав руку Частеку, повернулся к Варге:

— Что слышно в Венгрии?

— Писем из дому давно не получаю. Слышал, что Будапешт уже вышел на улицы, митингует, кричит: «Хватит войны! Да здравствует революция!» Венгрия последует русскому примеру, построит советскую республику. Ты отпустишь тогда меня, Гай?

— Непременно! А если к тому времени разделаемся с беляками, то и сам поеду с тобой.

— И в Пльзень поедешь? — спросил Частек.

— Поеду, если чехи позовут. Будем, как говорили парижские коммунары, вместе бороться за нашу и вашу свободу.

Его открытая, горячая душа готова была, «если только потребуют», прийти на помощь чешскому, венгерскому, польскому и другим народам обрести свободу.

— Да, Гай нужен был всем, — вставая с кресла, по-

[1] Позднее, в листовке, обращенной к населению, начдив сообщал, что «в рядах Железной сражаются чехи, все они рабочие — коммунисты. Они понимают, что их отечество — та страна, где происходит социалистическая революция. Они уверены, что когда в их стране будет рабочая революция, мы — рабочие России — пойдем помогать и им».

вторил Варга, — и как талантливый полководец, сумевший объединить иа Волге и за Волгой сынов разиых иародов, и как подлиииый иитернационалист, верный товарищ по оружию.

Симбирцы называли Частека красным чехом, соудругом Славояром. А когда Железная вошла в Самару, Частека назиачили военным комеидантом города.

За Волгой друзья расстались: Дьюла остался в Железиой, а Славояра отозвали в распоряжение Реввоенсовета Республики — он получил иазначеиие в Нижний Новгород. Там создавался едииый центр по формировайию интериациоиальных частей Красной Армии. И возглавить этот центр партия поручила молодому коммунисту Частеку.

В Нижием Новгороде ои иаходился сравиительно мало. Нависла смертельиая угроза над Советской Веигрией, о строительстве которой мечтали, еще иаходясь иа подступах к Симбирску, и Дьюла Варга, и Гая Гай, и Славояр Частек. Его иазначили иачальником иитериациоиальиой дивизии.

Ее путь лежал через Западиую Украину, к истекающей кровью венгерской земле. Но было поздно. Просуществовав сто тридцать три дия, вторая в мире Советская Веигерская Республика, ие выдержав натиска врагов, внешиих и виутреиних, пала.

Под Киевом Частека свалил брюшиой тиф, от которого погибло ие меньше людей, чем от пуль и сиарядов. До Варги доходили слухи, что его боевой друг ие избежал этой горькой участи. Дьюла считал, что, по всей вероятиости, Частек похороиеи иа берегу Диепра, который иапомииал ему родиую Влтаву.

Фраза «вероятиее всего» ии меня, ни юиых следопытов, иитересующихся местом захороиеиия Частека, не устраивала.

Миоголетиий опыт подсказывал: если ие удастся обиаружить документы, иадо искать живых свидетелей. Кто-иибудь из них да помнит, где иаходится могила воииа-интериациоиалиста.

Откликиулся Адольф Шипек, старый чешский коммунист, один из оргаиизаторов иитериациоиальной Красной гвардии в Одессе, зиавший Частека по Пензе.

— Там он похороиеи, — с грустью сказал Шипек. — Вконец ослабевший после перенесенного тифа, он из

Киева отправился в Пензу, к своей жене Рае[1], работавшей в госпитале. Она пыталась поставить Славояра на ноги, но это было уже выше ее сил. Частека доконал сыпняк.

— Когда он умер?

— Шестого февраля двадцатого года...

— Это точно, Адольф Степанович?

Старик встал, подошел к письменному столу, достал из него папку. В ней была небольшая вырезка из пензенской газеты «Красное знамя» за двадцатый год.

«В пятницу, 6 февраля, — сообщалось в некрологе, — скончался от сыпного тифа в 177-м санитарно-эвакуационном госпитале знакомый пензенскому пролетариату с дней чехословацкого восстания в мае 1918 года и всем интернационалистам-красноармейцам начальник Н-ской отдельной интернациональной дивизии т. Славояр Антонович Частек.

Несмотря на то, что ему только что исполнилось всего лишь 25 лет, он сделал много в пользу международной революции, в особенности для Российской Советской Республики...

Во время империалистической войны т. Частек узнал всю силу гнета капитализма, и когда в России, где он был военнопленным, стала после Октябрьского переворота нарождаться Красная Армия, он приступил к организации дисциплинированных интернациональных частей... Его смертью Красная Армия, а также и Советская Республика теряют одного из вождей, а также и организаторов.

Слава честному борцу-интернационалисту!

Мир его праху!»

Шипек рассказывал, что те, кто находился рядом с госпитальной койкой Частека, слышали, как в бреду

---

[1] Просматривая «Ленинградскую правду» за шестьдесят восьмой год, я случайно обнаружил в номере от 13 июня небольшое сообщение:

«...Много лет спустя, в связи с 50-летием Советской власти Президент Чехословацкой Социалистической Республики наградил посмертно Славояра Частека орденом Красного Знамени — за особые заслуги в боях за победу Великой Октябрьской социалистической революции.

Вчера эта боевая награда была вручена вдове Частека — Раисе Алексеевне Лемзенко, 72-летней пенсионерке, проживающей в Смольнинском районе нашего города».

Славояр звал Гая в Пльзень, на баррикады, чтобы вместе бороться за новую Чехословакию.

Остаток вечера я провел с Радыльчуком (биографии интернациональных бойцов — предмет его постоянного интереса). И когда я рассказал полковнику все, что читал и слышал о Варге, Боревиче и Частеке, Василий Афанасьевич вернулся к фильму «Внуки Железной». Он, как и я, видел в этой кинокартине не только минусы, но и плюсы. К ним относились впечатляющие кадры, снятые в мае 1945 года на родине Славояра Частека, как бы перекликающиеся с давним разговором Гая о боевом товариществе, о готовности помогать друг другу в тяжкую годину.

— Будь Гай жив, — сказал Радыльчук, сдерживая свое волнение, — он непременно поспешил бы на помощь чехам и словакам в их неравной борьбе с гитлеровцами. Он не мог прийти, пришли его внуки, внуки Железной. Вы видели, как тепло, по-братски встречала их Прага! Дружеские улыбки, объятия, букеты весенних цветов на танках, а над ними — простреленное Красное знамя, пронесенное от Волги до берегов Влтавы. Может быть, это то самое знамя, которое в сентябре восемнадцатого года вручил Железной дивизии член Реввоенсовета Республики Петр Кобозев.

В старой рамке под потолком

В Ульяновске не один Радыльчук «живет» Гаем. После того как в журнале «Урал» была опубликована повесть о легендарном полководце[1], заинтересованный читатель продолжал дописывать книгу о нем, восстанавливать его доброе имя.

Более чем в десяти школах города пионерские отряды и дружины называют себя юными гаевцами: они ходят по следам Железной, записывают воспоминания ее ветеранов о их командире и его сподвижниках.

И в будни, и в праздники земляки Ильича воздают ему должное. В очерке «Есть на Волге Венец» газета «Правда» в кануне 50-летия Советского государства писала:

---

[1] См.: «Урал», 1965, № 9, 10, 11.

«...Необычайно велик поток гостей на родину Ильича. В этом году Ульяновск уже принял более полумиллиона человек. ...Повсюду приметы приближающегося великого праздника. Художники и архитекторы задумали каждую улицу, площадь сделать нарядное, украсить оригинальнее. Оформление улицы 12 сентября посвящено приветственной телеграмме В. И. Ленина бойцам Железной дивизии, освободившим от белогвардейцев Симбирск 12 сентября 1918 года. На проспекте Гая установлено огромное панно: на фоне рвущихся в бой красных полков портрет легендарного командира Железной дивизии, автора «целительной» телеграммы Ильичу...»

Один из тех, кто рвался в бой за Симбирск,— Иван Филиппович Сорокин живет и здравствует в Ульяновске. Я познакомился с ним в краеведческом музее на встрече с ветеранами. Иван Филиппович говорил, что после гражданской войны Гай бывал в Заволжье, на Екатериновской суконной фабрике, что беседовал с рабочими, фотографировался с ними. В каком году, в каком месяце — из памяти выпало: возможно, в двадцать четвертом, после смерти Ленина, а может, и позже, когда отмечали десятую годовщину рождения Железной?

Сорокин видел большой снимок, сделанный самодеятельным фабричным фотографом. За его поиски энергично взялась старший научный сотрудник Ульяновского краеведческого музея Мира Савич; она подняла все старые подшивки «Пролетарского пути» (под таким названием выходила тогда в Ульяновске газета) за двадцатые-тридцатые годы.

И как обрадовалась Савич, когда на первой странице в номере от 21 февраля двадцать восьмого года она прочла:

«Приеду двадцать второго. Буду на заводах и в гарнизоне. Гай».

Читаю газету. Савич определила, что по стилю и манере письма эта телеграмма похожа на «целебную», которую Гай послал раненому Ильичу из Симбирска.

Через несколько дней редакция поместила подробный отчет «Ульяновск встречает красного героя».

«Еще задолго до прибытия поезда по улицам Ульяновска, пустым в утренние часы, рабочая молодежь с красными знаменами группами направлялась к вокзалу.

По мере приближения к железнодорожной станции улицы все более оживлялись. Возле самой станции, в особенности на перроне, людно и шумно.

Разговор у всех вертится вокруг героической личности т. Гая. Молодежь нетерпеливо всматривается в снежную даль, откуда должен показаться поезд. Наконец он прибыл.

Тов. Гай появляется на площадке вагона, и долго несмолкаемое «ура» несется ему навстречу.

Тов. Гай заметно взволнован оказанной ему теплой встречей. Он говорит об этом, приветствуя пролетариев Ульяновска, и кратко вспоминает о славных делах боевой страды.

...После этого краткого обращения к встречающим т. Гай становится впереди колонн и идет, окруженный тесным кольцом молодежи, по направлению к губисполкому.

К колоннам, идущим с вокзала, присоединяются новые группы встречающих. Улицы становятся тесны. Молодежь, обгоняя друг друга, идет по сугробам снега.

Пройдя несколько кварталов, процессия останавливается и, прежде чем усадить т. Гая в автомобиль, комсомольцы качают его».

Были ли среди тех, кто встречал Гая, представители Екатериновской фабрики? Собирался ли гость из Москвы посетить ее в этот приезд?

Беседуя с корреспондентом «Пролетарского пути», Гай уточнил, какие предприятия он имел в виду, когда телеграфировал «буду на заводах». Он назвал Екатериновскую и Игнатовскую суконные фабрики.

«Через Реввоенсовет, — продолжал Гай, — мне стало известно о том, что Екатериновская фабрика приняла мое имя. Мне писали и просто товарищеские письма, писали и о всяких недостатках в производстве и быту.

В 1924 году в Третий конный корпус, стоявший в Минске, где был и я, приезжала делегация рабочих с Екатериновки. Красноармейцы... и я очень ценили эту товарищескую смычку с рабочими. В течение 1923—1924 и 1925 годов рабочие этой фабрики отчисляли по одному проценту своего заработка Третьему корпусу. Во время разных съездов и конференций в Москве делегаты с Екатериновской фабрики всякий раз заходили ко мне на квартиру».

«Значит, прнезжали, встречались в Москве и Минске. Снимок мог быть, — твердо решнла Савнч, — и не в одиом экземпляре, а в несколькнх. Мог храниться на фабрике, ио оиа сгорела дотла. У фотографов-любнтелей. У ветеранов, работавших иа фабрнке, если бы они не ушлн из жизни...»

Под Сенгилеем, в деревне Артюшкнно иеугомоииая Савнч разыскала бывшего рабочего Екатернновской фабрики Александра Федоровнча Страхова. Не ожидал ои, что через девять лет, после того как связал свою судьбу с Гаем, увидит в своем цехе, у своего станка своего комаидира, ставшего при жизни легендариым.

Улыбаясь, Гай иаправнлся к Страхову, протянул обе руки: «Здравствуй, Саша Страхов, мой боевой товарнщ!» И Гай вместе с прибывшим с ннм комбригом Устниовым подияли иа руки рядового Страхова н стали его качать.

После работы все ветераны собрались в клубе. Долго беседовали с Гаем и Устииовым. И, как воднтся, потом снялнсь иа память: Гай н Устииов — в центре, фабричные — вокруг.

— Жаль, что нет у меия той фотографни, — кручинился Страхов. — В одну из годовщни Красной Армни увезли ее в город, чтобы переснять. А куда взялн — в редакцню, в музей, — ие припомню.

Александр Федорович помолчал, потом вдруг стукнул себя по лбу:

— Вспомнил! — Была такая фотография и у моего погодка Нннолая Скрнпнна. Аина-то, вдова его, поди, сохранила такую ценность. Жнвет оиа в Артюшкнно [1].

В горнице у Анны Алексеевиы Скрнпнной — полстены в фотографнях. Тут — все ее предки, родствеиинки покойиого мужа.

Савнч н ее спутннкн просмотрелн все фотографин: Гая на них нет. Осталась последняя, что внснт под самым потолком. Потускневшая, в рассохшейся по-

---

[1] В Артюшкиио и в других селах и деревнях побывала также экспедиция из Куйбышевского политехиического института, совершившая поход по следам Железиой и ее иачдива.

«12 дией мы были в пути, — писали студенты А. Фуриэ, Р. Ширяев. — За эти дни мы еще больше сдружились и полюбили легендариого Гая. Прикоснувшись к чистому, живому источнику революционного прошлого Заволжья, мы вместе с тем почувствовали себя хранителями этого прошлого, ответствениыми за него».

коробленной рамке. Различить лица почти невозможно. Сняли со стены, тщательно протерли стекло и... ахнули: на переднем плане, в окружении рабочих — Гая Гай и Петр Устинов!

На этом поиск не закончился. В интервью, напечатанном в том же «Пролетарском пути», Гай вскользь упомянул, что шефы из суконной фабрики бывали в Минске, в Третьем конном корпусе.

Спросили у Страхова, не фотографировался ли Гай там с рабочими фабрики.

— А как же? — заволновался Страхов. — Снимались, да еще на конях. Гай велел, чтобы каждому шефу подвели коня, помогли ему сесть. Минский фотоснимок почему-то был в одном экземпляре. Ходил он по цехам, от рабочего к рабочему. Сотни людей держали его в руках, разглядывали. Потом поместили в отдельный альбом, а когда фабрика сгорела, погиб в огне и альбом.

«Один фотоснимок нам в конце концов удалось разыскать, — делилась со мной своей находкой М. Савич, — но где найти второй? В Ульяновске нет, в Минске — тоже. Не верится, что этот фотодокумент о дружбе заволжских текстильщиков с красными конниками потерян навсегда».

Однажды, выступая на читательской конференции в Москве, я рассказал о ненайденном фотоснимке и тревогах ульяновского краеведа. Рассчитывать на то, что среди слушателей найдется владелец разыскиваемой фотографии, было бы бессмысленно. И все же...

За поиски взялась инженер З. А. Кириллова. Несколько дней она провела в фондах музея Советских Вооруженных Сил, просмотрела сотни разных снимков и негативов. И представьте себе ее радость, а затем и радость ульяновских краеведов, когда к ним попала фотография, считавшаяся потерянной.

Подпись к фотоснимку, сделанная собственноручно Гаем, гласила: «Делегаты суконной фабрики в Минске. 1923 год».

Выходит, что «снимок на конях» был сделан на пять лет раньше, чем тот, что в старой раме, под потолком.

Фотодокументы военных и мирных лет, статья или записка, под которой стоит имя полководца, — все это ценность для истории.

Глава шестая

ПЕРВАЯ БЫЛА ПЕРВОЙ

«... а за вторую рану будет Самара»

Из Симбирска полки Гая двинулись на Самару. Вместе с частями Первой и Четвертой армий Восточного фронта им предстояло выполнить клятву, данную Владимиру Ильичу, — «а за вторую будет Самара».

За несколько дней до освобождения Симбирска Куйбышев был назначен политическим комиссаром соседней Четвертой армии.

«Верю в дальнейшие подвиги Железной во главе со славным Первым полком, — телеграфировал он Гаю. — До скорого свидания в Самаре».

Ключом к Самаре была Сызрань. Для овладения этим городом командарм М. Тухачевский создал две группы войск: Южную и Северную. В первой находились Инзенская, Пензенская, Вольская дивизии, во второй — Симбирская.

У Гая насчитывалось столько активных штыков, сколько в трех дивизиях вместе взятых.

В конце сентября Южная группа подошла к Сызрани. Однако с ходу овладеть городом не смогла.

Гай действовал иначе. Раньше чем двинуть войско на Сызрань, решил разведать слабые места в обороне противника с земли и с воздуха.

— Где же начдив раздобыл самолет?

— У противника, — пояснил Воронов, когда мы встретились снова. — Гай летал на трофейном аэроплане.

В Москве в первую годовщину Октябрьской революции Ленин вместе с демонстрантами радовался, видя над Красной площадью один-единственный аэроплан.

Такое же чувство испытали бойцы Железной, когда им удалось захватить в Симбирске летающую машину, на крыльях которой были намалеваны череп и скрещенные кости. Начдив сел в кабину самолета и полетел к Сызрани.

Вероятно, Гай был одним из первых пехотных красных командиров, который в дни рождения советской авиации летал над вражескими позициями.

— Подняться тогда в воздух,— продолжал Воронов, как бы угадывая мои мысли, — было не меньшим событием, чем в тридцатых годах полететь в стратосферу. На летчика смотрели как на полубога. Когда начдив благополучно вернулся, бойцы устроили ему торжественную встречу.

Гай доложил командарму все, что видел. Сызрань сильно укреплена: подступы к ней опоясаны окопами, траншеями, колючей проволокой в несколько рядов, окопы и траншеи выдвинуты на десять верст вперед. Оборонительные сооружения направлены на запад по двум дорогам: одна ведет к Пензе, другая — к Рузаевскому железнодорожному узлу, к центру России, к Москве.

Тухачевский поручил Гаю нанести главный удар с тыла.

— Противник ждал нас со стороны Инзы или Пензы, — продолжал Воронов, — но уж никак не с севера или с юга, где находились уставшие от непрерывных боев полки Железной. Враг был уверен, что красным не удастся за несколько дней пройти более двухсот верст, преодолев естественные препятствия. Белогвардейцы просчитались: бойцы Железной появились там, где их никто не ждал. Белые в панике бросились к лодкам, к баржам, в суматохе топя друг друга.

Судьба Сызрани, а с ней и Самары была предрешена.

У Воронова сохранился набросок малоизвестной статьи М. Тухачевского, написанной в конце девятнадцатого или в начале двадцатого года.

«Один за другим, — отмечал командарм, — Советской Республике возвращаются города. Армия делает громадные переходы. Быстрота ее движения редкостная. Можно смело сказать, что Первая армия положила основание маневру в войне нашей Красной Армии. Она первой из армий научилась делать громадные и быстрые переходы без железных дорог».

— В Красной Армии положила начало маневру наша дивизия. Ее переход был совершен в четыре дня, — комментировал Ефим Константинович.

С освобождением Сызрани весь правый берег Волги был очищен от врага. В полдень по улицам города пронесся «самоварчик». Машина остановилась у дома купца Стерлядкина, где размещался штаб дивизии.

Гай вышел на балкон и с помощью рупора сообщил сызранцам:

«Красная Армия принесла вам свободу — пользуйтесь ею, граждане-товарищи, на здоровье».

С такой же лаконичностью была составлена и телеграмма командарму: «Нахожусь в Сызрани. Гай».

«Нахожусь» было любимым словом Гая. В его телеграммах оно встречается часто: «Нахожусь в Аниенково», «Нахожусь в Сенгилее». В депеше, посланной командиру Третьего Московского полка, начдив сообщал: «Нахожусь возле вас и веду цепь...»

Это слово можно встретить и в сборинке воспоминаний о маршале Тухачевском, изданном в 1965 году. Гай в нем упоминается часто, но не всегда правильно. На 77-й странице, к примеру, Н. Корицкий изобразил... единоличное взятие Самары начдивом.

«После занятия Сызрани, когда в треугольнике Сызрань — Самара — Ставрополь шли еще бои, Гая Дмитриевич с летчиком (кажется, Кожевниковым) садится где-то на картофельном поле под самой Самарой, узнает, что белогвардейцы из иее почти все удрали, и, вооружившись ручными гранатами, отправляется в город. Самару он знал хорошо и сразу двинулся на телеграф. Перепуганные его грозным видом, телеграфистки покорно стали отбивать на нескольких аппаратах: «Всем! Всем! Всем! Я, Гай, нахожусь в Самаре. Да здравствует Советская власть!»

Положив перед собой открытую книгу, я снял с полки другой сборник, вышедший четырьмя годами раньше. В нем тот же Корицкий писал о Гае: «Пылкость и страстиость его иатуры сочетались в нем с личной храбростью солдата и рассудительностью военачальника».

Рассудительность начисто отсутствует в действиях Гая, когда он, по утверждению Н. Корицкого, якобы «единолично брал Самару». Ворваться на телеграф с гранатами, диктовать перепуганным телеграфисткам де-

пешу, не соответствующую действительности, — это аттестует его не с лучшей стороны. Так обычно действовали анархиствующие партизаны, а ведь он в то время был уже командиром крупного регулярного подразделения Красной Армии.

Мне могут возразить, сказать, что гражданская война изобиловала многими примерами, которые в наше время кажутся странными и подчас необъяснимыми. Чтобы пристыдить струсившую команду бронепоезда, Гай мог покинуть вагон и с группой бойцов по шпалам направиться в сторону Охотничьей, занятой врагом; мог пойти без оружия и без охраны на «переговоры» с взбунтовавшимися казанскими матросами; мог обогнать наступающую колонну, ворваться на своем «самоварчике» в город, чтобы освободить из тюрьмы узников, которым грозила смерть. Все это — объяснимо и оправдано историей.

Я не поверил случаю, рассказанному Н. Корицким, знал, что Железная дивизия вошла в Самару не первой, а второй. Но все же решил порыться в волжских газетах тех лет, чтобы убедиться, была ли гаевская телеграмма адресована «Всем! Всем! Всем!..»

Такой телеграммы я не нашел. Нашел другую:

«Город Самара взят Четвертой армией. Железная дивизия вошла второй.

Начдив Гай,
политкомдив Н. Панов».

Четыре месяца Гай не был в Самаре. Уходил с маленькой дружиной, вернулся с целой дивизией. И какой? Стойкой, боеспособной, поистине Железной.

Только отпраздновали победу, как из Москвы поступила телеграмма, удивившая всех:

«По приказанию наркомвоена прошу срочно по телеграфу сообщить в Москву в оперативный отдел Аралову название частей и фамилии лиц командного состава, перебежавших к противнику, с указанием места их прежней службы».

Начдив взял листок чистой бумаги и вывел на нем: «Москва, оперот, наркомвоен Аралову:

В 1-й Симбирской Железной дивизии дезертирства или перехода на сторону неприятеля не было до сего времени и не может быть».

Железная была гордостью симбирского и самарского пролетариата, гордостью и опорой командарма.

На второй или на третий день после возвращения в Самару Воронов видел Тухачевского и Гая, стоявших на набережной.

«Милому Вороненку» на всю жизнь запомнились образы этих двух замечательных людей. Тухачевский — смолянин, сын крестьянки и потомственного дворянина, всегда подтянутый, спокойный, с тонкими, благородными чертами лица; Гай — с копной черных волос, весь — огонь, весь — порыв. Оживленно жестикулируя, он показывал рукой на Волгу.

В этих разных по внешнему облику, темпераменту и характеру людях было много общего. Их роднила одна идея, одна цель — служить народу, защищать его интересы, жить для него.

Поручение Линдову

В Центральном партийном архиве среди записок, визитных карточек хранится карточка командарма Первой армии Восточного фронта. На ее оборотной стороне две строчки написаны рукой Гая: «Очень хочу лично видеть дорогого Ильича». Виделся ли он с Лениным?

В записях секретарей, где со скрупулезной точностью отмечались часы и минуты приема посетителей, фамилии Гая нет. Сам он тоже не упоминает о своих встречах с Ильичем. Но в партийной рекомендации, данной Кобозевым, говорится, что «Ленин чрезвычайно ценил Гая». Владимир Ильич мог знать о Гае по его боевым делам на Волге; слышать о нем от А. Мравяна, когда тот в 1920 году добивался возвращения комкора в освобожденную Армению; от П. Кобозева, которого Ильич уважал и ценил.

Мог рассказать Ленину о Гае и Гавриил Давыдович Лейтейзен, известный по подпольной кличке Линдов. Он был членом ВЦИК и Реввоенсовета Четвертой армии Восточного фронта.

Но какое отношение имел Гай к Четвертой? Ведь, как известно, Железная дивизия входила в Первую армию.

— Прямое, — пояснил Воронов. — Сразу же после освобождения Самары в городе обосновался РВС Чет-

вертой. Встал вопрос: кому из командиров дивизий, бравших город, быть начальником гарнизона? Линдов выдвинул кандидатуру Гая. Предложение Линдова утвердил Реввоенсовет и одобрил Кобозев [1].

— Гай долго работал с Линдовым?

— Всего несколько дней. Гавриила Давыдовича вызвали в Москву. Он докладывал Ленину, как была освобождена Самара, какие воинские части отличились в боях за Среднее Поволжье, кто их командиры. Рассказал о кавказце Гае. Владимир Ильич попросил Линдова выполнить одно поручение.

— Какое?

— Очень приятное. Линдов его выполнил в канун первой годовщины Октября. С помощью нашей самарской газеты.

Действительно, в номере от 6 ноября 1918 года было помещено письмо Линдова.

«С особым удовольствием считаю своим долгом,— писал Г. Линдов,— через посредство вашей газеты исполнить возложенное на меня Председателем Совнаркома т. В. И. Лениным поручение — передать его самый горячий коммунистический привет самарскому пролетариату...

Ознакомившись с тем, как самарский пролетариат встретил освобождение Самары от белогвардейского ига, как быстро и энергично самарские товарищи коммунисты приступили к налаживанию советской работы, т. Ленин увидел в этом еще раз подтверждение той мысли, что Советская власть пустила слишком глубоко корни в самые недра рабочего, городского и сельского классов...

Зная, как самарские товарищи рабочие интересуются состоянием здоровья тов. Ленина после преступного на него покушения, могу сообщить им, что т. Ленин чувствует себя очень хорошо и бодро, как будто ничего не было.

Пуля, застрявшая на правой стороне шеи, еще не извлечена, а так как она нисколько не мешает т. Ленину работать и так как он не любит терять напрасно

[1] В самарской газете «Красное слово» за 11 октября 1918 года сообщалось: «Приказом члена Реввоенсовета Республики П. Кобозева и постановлением Реввоенсовета Четвертой армии начальником гарнизона г. Самары назначен Гай».

времени, то он откладывает извлечение пули на 1920 г. Левая рука начинает действовать».

Восстановить бы то, что говорил Линдов Ленину о легендарном начдиве, как реагировал Владимир Ильич на рассказанное. Но это спустя столько лет казалось мне почти невозможным.

После возвращения из Москвы Гавриил Давыдович прожил всего два месяца с небольшим и погиб от предательского выстрела.

Гроб с телом пламенного комиссара доставили в Москву. Сопровождал его взвод курсантов школы младших командиров. Был среди них Иван Кирюшкин, с которым я много лет проработал в газете «Правда» и от него впервые услышал о Линдове на вечере, посвященном годовщине Красной Армии.

А когда задумал написать книгу о Гае, спросил Ивана Федоровича, кто вместе с ним сопровождал в Москву Линдова.

— Его дочь Циля. Было ей тогда лет четырнадцать-пятнадцать. Хрупкая, стройная, с длинной косой. Недавно встретил. Сорок лет не виделись.

— Где?

— В Москве.

— Как ее найти?

— Адрес Цецилии Гаврииловны — Москва, Беговая улица, дом тринадцать, — ответил Кирюшкин.

— Батюшки! Да это дом, в котором я живу.

Вечером я у Цецилии Гаврииловны.

Девочка с длинной косой в марте восемнадцатого года вступила в Коммунистическую партию. А в ноябре вместе с отцом уехала в Самару, где находилась ее мать с младшими сестрами.

Линдов, бывший постоянный представитель ленинской «Искры» в Париже, принадлежал к старейшему поколению революционных социал-демократов. После первой русской революции вернулся в Петроград, но жить ему там не пришлось.

Вместе с семьей он поселился в поселке Куоккала, на даче «Ваза», расположенной на опушке леса. Здесь в 1906—1907 годах жили Ильичи — так Линдовы называли Ленина и Надежду Константиновну Крупскую. Ильич, любивший детей, нередко играл с четырехлетней Цилей и девятилетним Морисом. Об этом рассказано

в биографии В. И. Ленина, изданной в шестидесятом году: «...Но и занятый огромной работой, он всегда находил минуты, чтобы повозиться с ребятишками Лейтейзена, поиграть с ними, заражаясь их радостью».

Цецилия Гаврииловна работала в одном из московских издательств, редактировала произведения классиков марксизма-ленинизма, составляла отдельные ленинские сборники, писала к ним предисловия.

Помнит ли Гая? Как же не помнить! В первый раз она услышала о храбром полководце от отца; он был в Кремле, информировал Ленина о положении на Волге. Рассказал ему и о Гае, о глубоких обходах и внезапных ударах Железной.

Как начальник самарского гарнизона, Гай часто приходил к Линдову. В первые дни освобождения Самары Реввоенсовет заседал в большой комнате, где за занавеской ютились дети Линдова. Номер в гостинице служил ему жильем и кабинетом.

Цецилия слышала от отца о мощных демонстрациях, возникших сразу же после освобождения Самары. Она хранит как память о тех временах большую фотографию. Главная улица заполнена торжествующими людьми, они в окнах, на балконах, на крышах.

— О ночном шествии знаете? — поинтересовалась Цецилия Гаврииловна. — Жаль, тогда у местных фотокорреспондентов не оказалось магния. Отец говорил, что это было нечто неповторимое! В ту ночь город не спал. Шествие в честь его освободителей началось с вечера и закончилось на рассвете. На городском митинге отец выступал вместе с Гаем. Их боевая дружба была, к сожалению, короткой. После Самары они больше не встречались.

Почему отменили смотр?

В первые же дни освобождения Самары по городу были расклеены воззвания, написанные в характерном для Гая стиле.

«Товарищи рабочие и крестьяне!

Всех, кому дорого завоевание русской революции, всех, кто хочет закрепить Советскую власть, всех, кто желает победы Красной Армии над буржуазными палачами, всех, знающих артиллерийское дело, мы от имени

красных артиллеристов Железной дивизии приглашаем записываться в красную артиллерию Первой Железной дивизии.

Пусть гром революционных пушек раздастся по всему миру как предвестник грядущей мировой революции!»

Отозвались артиллеристы. Откликнулись конники, пехотинцы. На сборный пункт явились обученные и необученные. Дивизия, пополненная новыми бойцами, готовилась к смотру. Для участия в нем должен был прибыть главнокомандующий Восточным фронтом И. И. Вацетис.

Но в день смотра главком не прибыл. Телеграмма, на которой стояла пометка «Вне всякой очереди», извещала: «Назначенный в воскресенье смотр дивизии Гая отменяется».

Почему отменяется? По какой причине?

Просматриваю в архиве Советской Армии один за другим почтовые бланки с наклеенными на них буковками. Сотни телеграмм, и среди них — запись разговора по прямому проводу, не имевшая ни начала, ни конца. Кто-то срочно приглашал на телеграф командарма М. Тухачевского. Его не оказалось на месте. Вызывавший продиктовал просьбу необычного содержания:

«Срочно передайте командарму, что Первый и Второй Николаевские полки Самарской дивизии отказались идти дальше по назначенному фронту, арестовали своих командиров и комиссаров, избили их и самовольно вернулись в город.

Политкомиссар Четвертой армии Куйбышев, начальник штаба Четвертой армии, начальник Самарской дивизии Захаров и командный состав означенных полков просят Железную дивизию окружить эти полки и разоружить их».

Представитель другой стороны обещал передать просьбу командарму.

Но какое отношение мог иметь этот разговор к объявленному, а затем отмененному смотру Железной дивизии?

На листке, вырванном из блокнота, хранящемся в другой архивной папке, М. Тухачевский собственноручно написал:

«Самара, начдиву Симбирской Гаю.

Два полка Самарской дивизии взбунтовались и аре-

стовали командиров и комиссаров, отказываясь наступать, и самовольно вернулись в Самару.

Приказываю вам принять самые решительные меры для восстановления революционного порядка, не останавливаясь ни перед какими мерами, вплоть до применения пулеметов и артиллерии.

Сговоритесь с Куйбышевым. Вся ответственность падает на вас и политического комиссара. О ходе дел донесите. Прибуду сам.

Командарм Тухачевский, политкомарм Калинин».

Дата отправки письма командарма и телеграммы главкома одна и та же — 15 октября 1918 года. Отрывки разговора по прямому проводу, попавшие в архив, относятся к тому же времени. Приказ Тухачевского объяснял, почему главком отменил назначенный им смотр.

Начдиву Железной было поручено навести порядок в двух взбунтовавшихся полках Самарской дивизии. Миссия не из легких: разоружить не врагов, а своих; разоружить тех, с кем вместе неделю назад освобождал Самару, с кем делил радость победы.

Если Железная по своей организованности и дисциплине служила примером для других, то в Самарской дивизии, состоявшей тогда главным образом из крестьян, сильны были «партизанские» настроения. К тому же разинцам и пугачевцам было обещано, что после Самары их отпустят по домам.

Город освободили, а приказ «по домам» не был отдан. Да и отдавать было еще рано. Впереди лежали Оренбург, Уфа, прижатые белогвардейским сапогом. Командиры и комиссары призывали бойцов: «Пойдем на Оренбург, очистим город от атамана Дутова, откроем дорогу на Туркестан». А бунтовщики отвечали: «Мы свое дело сделали. Нам домой пора: по родной земле истосковались! Надо ее к севу готовить. Хозяйство в порядок приводить. А Оренбург пусть освобождают оренбуржцы. Уфу — уфимцы. Баста!» Вот тогда-то Гай и получил приказ командарма — навести большевистский порядок в Разинском и Пугачевском полках.

Как же начдиву Железной удалось навести революционный порядок в двух полках Самарской дивизии?

Ветераны этих полков в один голос заявили, что с мятежом они своими силами быстро покончили. Но

когда я напомнил о просьбе их начдива Захарова, о приказе Тухачевского и о трудном поручении, которое он дал Гаю, они пожимали плечами:

«Гаю наша дивизия не подчинялась... Порядок мы навели сами...»

Среди газетных вырезок

Оставалась еще одна вешка на пути поисков. Действуя согласно приказу командарма, Гай должен был договориться с Куйбышевым, который в то время находился в Самаре.

Среди написанного В. Куйбышевым о гражданской войне на Средней Волге ничего о происходившем в Самаре 15 октября нет. Пришлось еще раз побеспокоить Ольгу Андреевну.

В условленный день, однако, Ольга Андреевна ничего нового не сообщила. Она лишь высказала уверенность, что поскольку Гай получил приказ командарма, он непременно согласовал свои действия с Куйбышевым.

— Я нашла два письма Гая, — продолжала она. — В них говорится не о Самарской, а о Железной дивизии, но письма интересные. Куйбышев не отправил их в Госархив, как обычно поступал с другими материалами.

Первая записка не имела никакого отношения к боевым действиям восемнадцатого года. В ней говорилось о яблоках. Кто-то из ветеранов Железной прислал Гаю из Ульяновска посылку: два небольших ящика яблок из собственного сада. Это были какого-то особенного сорта яблоки. Такие в московские магазины не завозились. Зная, что Куйбышев болен, что ему нужны витамины, Гай сообщил Валериану Владимировичу, что один ящик предназначен ему, и просил получить эту посылку в камере хранения на вокзале.

Вторая записка относилась к Железной:

«Тов. Куйбышеву.

Здравствуйте, дорогой товарищ! Надеюсь, что мое письмо найдет Вас в полном благополучии. Хочу жаловаться, передать Вам мое горе. Не знаю, по какой причине начинают разрушать любимую мою Железную дивизию. Взяли мою правую руку — т. Лившица, отняли левую — т. Седякина. Взяли начальника оперативного отдела Кафаля, и меня назначили командующим

группой и Пензенской дивизией. Угнали под Белебей Третью бригаду Воробьева.

Таким образом, некогда славная дивизия тает ежедневно. Уже получен приказ отдать Самарский полк Инзенской дивизии, а Карачаевский эскадрон — Пензенской дивизии. Прислали политкома Алексеева взамен Лившица — малограмотного. Скоро, вероятно, порушится поставленный Лившицем на должную высоту политический отдел дивизии.

Словом предвижу нехорошее. Я пока нахожусь в Бугурусланe и руковожу операцией против Белебея и Уфы.

Товарищеский привет Вам и остальным товарищам.

Жму Вашу руку. Ваш Гай».

С «правой рукой» Гая, Борисом Лившицем, читатель уже знаком. «Левой рукой» Гая был двадцатипятилетний Александр Седякин, бывший офицер царской армии. Он безоговорочно перешел на сторону революции, стал ее борцом и защитником. Коммунист с семнадцатого года, знаток военного дела, командовал Курским полком, потом бригадой и вырос в крупного военачальника.

О комбриге Воробьеве, чью бригаду «угнали под Белебей», я много хорошего слышал от ветеранов Железной. Но никому из них не запомнились ни имя, ни отчество комбрига. Судьба Воробьева осталась неизвестной: одни говорили, что он умер от сыпняка под Уральском, другие — что убит под Белебеем.

Письмо Куйбышеву Гай отправил в те дни, когда Тухачевский был вызван в Реввоенсовет Республики, а в штабе Первой армии действовали отдельные лица, выполнявшие работу формально, не всегда думавшие об интересах дела. Они-то и начали «раздевать» детище Гая.

В обращении к Куйбышеву сквозит неприкрытая горечь. И это понятно: человеку, создавшему из разрозненных партизанских и красногвардейских отрядов, без преувеличения говоря, одну из первых и лучших регулярных частей Красной Армии, знавшему чуть ли не каждого ее бойца, трудно было расстаться со своей опорой — Самарским полком, мириться с тем, что «отобрали» Карачаевский эскадрон, угнали бригаду Воробьева.

Неистовый Гай все-таки отстоял свое детище. Железная дивизия, как установлено из архивных документов, воевала под Оренбургом в полном составе.

Вся эта история — еще один штрих к портрету Гая. Но, к сожалению, она не давала ключа к событию, происходившему 15 октября.

Нужный ключ я нашел в редакции «Дружбы народов». Не на страницах журнала, а на письменном столе литературного сотрудника Юрия Герша. За время его отпуска скопилось несколько пакетов с газетными вырезками, рассылаемыми Мосгорсправкой. В одном из них оказалась большая статья Гая из «Волжской коммуны». Она была напечатана под рубрикой «Деятели революционного движения в Самаре и Самарской губернии». Ниже крупными буквами стоял заголовок: «Гая Дмитриевич Гай».

«Гай как даровитый командир, — отмечал профессор Е. Медведев, — сумел установить со своими бойцами ту живую связь, которая роднит воинов революционной армии крепче, чем кровное родство. Он любил своих солдат и командиров, и они отвечали ему тем же. Он предвидел опасности, умело комбинировал силы, маневрировал, был знающим и храбрым начальником».

После многих лет замалчивания или голословного охаивания имени Гая это было, пожалуй, одно из первых выступлений о нем в партийной печати. Захотелось пожать руку автору.

Газетная вырезка привела меня на квартиру к преподавателю Куйбышевского пединститута Ефрему Игнатьевичу Медведеву. На его письменном столе я увидел портрет Гая самарского периода.

— Вы лично знали начдива? — спросил я почтенного профессора.

— К сожалению, нет. Когда Гай освобождал Самару, я был подростком. Жил под Бугульмой, но слухи о нем доходили и до нашей деревушки. Его имя связывалось с победами на Волге и Урале. Заняться его биографией уже в зрелом возрасте меня заставил...

— Простите, кто заставил?

Медведев встретился в Москве со своим коллегой. Заговорили о давно отшумевших боях за Самару, о Гае, а тот возьми да оборви Медведева: «Гай выпячивал себя: Железная вступила в Симбирск, он, как

положено, должен был доложить об этом в штаб армии. Ан нет, минуя его, мчится на почту и телеграфирует прямо в Кремль, Ленину. Как же, ему хотелось покрасоваться...»

«Не покрасоваться, а поделиться своей радостью с раненым Лениным, пусть и он порадуется», — возразил Медведев.

«Вот пишут, — продолжал его коллега, — что с помощью Гая ликвидировали мятеж в соседней с ним Самарской дивизии. А ведь с взбунтовавшимися полками — Пугачевским и Разинским — справились начдив Самарской Захаров, полковые комиссары... Обошлись без Гая».

«Без Гая»! А телеграмма Куйбышева и Захарова командарму М. Тухачевскому? А его приказ, адресованный лично начдиву Железной «принять самые решительные меры для восстановления революционного порядка... вплоть до применения пулеметов и артиллерии»?

«А что если этот приказ был отменен или не исполнен под влиянием изменившейся обстановки, — подумал Медведев, — и пугачевцы и разинцы сами без посторонней помощи прекратили бунт, взялись за ум?»

Историк Медведев привык поклоняться одной богине — Истине. Ее надо было отыскать в архивных залежах, в старых газетных подшивках, в воспоминаниях ветеранов. И Медведев докопался до истины, восстановил и обнародовал ее.

Среди обнаруженных им архивных документов была телеграмма, подписанная членом РВС Четвертой армии В. Куйбышевым. Валериан Владимирович докладывал Реввоенсовету Республики, что «части Железной дивизии выполнили поставленную перед ними задачу — разоружили мятежников».

Гаю не пришлось применять ни пулеметов, ни артиллерии, подчеркнул профессор. Операция по ликвидации мятежа в Самаре, как и в Симбирске, была, к счастью, бескровной. Гай своим словом, своим авторитетом «разоружил» мятежников, как в свое время успокоил разбушевавшуюся братву. И, конечно, он действовал не один — опирался на коммунистов той же, Самарской, дивизии.

На другой или на третий день разинцам и пугачевцам вернули оружие, и они ушли на Уральский фронт.

Глава седьмая

ОРЕНБУРГСКИЙ УЗЕЛОК

Открытое письмо

В первых числах ноября восемнадцатого года части Железной прощались с Самарой. В обращении к жителям города, опубликованном в газете «Солдат, рабочий и крестьянин», говорилось, что бойцы и командиры уходят «дальше очищать города и села от контрреволюции и белогвардейских банд».

Гай призывал самарцев:

«Если вы действительно с нами солидарны, то докажем это нашим классовым врагам: придите на сборный пункт отправления оставшихся частей нашей Железной дивизии ровно в 12 часов дня на площадь Петра и Павла, и пусть буржуазия увидит тысячные толпы рабочего люда, проникнутого общими братскими чувствами друг к другу».

В этот день главная площадь Самары от края до края была заполнена народом. Волжане провожали Железную дивизию.

Гай недолго командовал ею. Вскоре Тухачевский получил новое назначение. 17 ноября 1918 года он послал телеграмму в три адреса: начальнику штаба Первой армии, начальникам Пензенской и Симбирской дивизий.

«Поздравляю т. Гая с назначением командармом Первой. Я назначен помощником командующего Южным фронтом. До моего приезда т. Гаю руководить операцией «Белебей», оставаясь в Бугуруслане и пока получая общие указания от меня через начштарма Корицкого... Тов. Гаю начать решительную операцию на Белебей с обходом левого фланга противника. Белебей

взять во что бы то ни стало. Оренбургское направление: частям Симбирской дивизии обеспечивать левый фланг. Для успеха и боеспособности эта операция требует быстроты и решительности, что т. Гай оценит на месте, по обстоятельствам».

«Гай оценит на месте, по обстоятельствам». Михаил Николаевич Тухачевский верил в полководческий талант своего преемника. Правда, он несколько опередил события: поздравил друга, когда приказ о назначении еще не был подписан. В ноябре и почти весь декабрь Гай командовал группой войск, в которую входила Железная дивизия. Это известно из его донесения Симбирскому губкому партии, напечатанному в местных газетах.

«По-прежнему стальные симбирские полки, — телеграфировал он, — стойко и победоносно, до пояса в снегу, двигаются вперед, и очень скоро последняя опора белогвардейцев — Оренбург, Стерлитамак и Уфа падут под их мощным ударом».

В начале девятнадцатого года симбирский телеграф принял новое сообщение из действующей армии:

«Город Оренбург окружен со всех сторон тесным кольцом. Уже начался полный разгром дутовских полков».

Под телеграммой подпись — «Командарм Гай».

В губернском комитете партии — начдив постоянно информировал симбирских товарищей о боевых делах дивизии — были вдвойне рады: за Гая, которому РВС Республики доверил командование целой армией, и за оренбуржцев и туркестанцев, для которых город на берегу Урала служил воротами в Россию.

22 января 1919 года эти ворота распахнулись: армия Гая вместе с Туркестанской армией освободила город на берегу Урала, оренбургская пробка была «откупорена», дорога в Среднюю Азию — открыта. Гай считал, что по ней через Каспийское море можно и нужно перебросить Первую армию на новый фронт — в Закавказье, освободить Баку, Эривань, Тифлис. Это была заветная мечта командарма, которую он вынашивал не один месяц и не один год.

На другой день после изгнания дутовцев из Оренбурга Гай телеграфировал В. И. Ленину, просил разрешения идти в Туркестан, а оттуда — в родное Закав-

казье. Его предложение горячо поддержал член РВС П. Кобозев.

Но на этот раз Ильич не одобрил план Гая. Ленин полагал — и правильность его доводов подтвердила история, — что наибольшую опасность для страны в тот момент представляют не контрреволюционные силы Туркестана и Закавказья, а многотысячная армия Колчака, идущая на соединение с Деникиным. Поэтому на телеграмме командарма-1 Ильич написал резолюцию: «На Челябинск!» Надо было отбросить противника назад к Омску, в колчаковскую столицу, и разгромить в его собственном логове.

Под Оренбургом Гай узнал, что убит Линдов. Он поехал в Покровско-Туркестанский полк навести там революционный порядок. Мятежники схватили комиссара и приехавших с ним нескольких коммунистов, обезоружили и тут же расстреляли.

Так погиб близкий Гаю человек, о котором Дмитрий Фурманов сказал, что это был «благороднейший из революционеров».

Об авторе «Чапаева» многие годы собирает материалы московский журналист Михаил Жохов, сам родом из Иванова. Как-то при встрече я спросил его, знал ли Фурманов Гая.

— Возможно, — ответил Жохов. — А то, что Гай наставлял бойцов Покровско-Туркестанского полка на правильный путь, действуя заодно с комиссарами 25-й дивизии, это — факт. Узнал из архивных документов. Телеграмму Гая начдиву-25 с пометкой «Для передачи восставшим...» читал?

— Не видел ... — признался я.

Через несколько дней получаю от Жохова копию неизвестного мне документа.

«Товарищи красноармейцы Покровско-Туркестанского полка! — так начиналась телеграмма командарма-1 Гая и члена РВС Калнина. — В то время как Железная дивизия, любя свою социалистическую родину, мучаясь за голодающие столицы—Москву и Петроград, шла и раздавила дутовскую банду; в то время когда наши стойкие полки взяли Стерлитамак и Оренбург, когда одерживались победа за победой, вплетая в красный венец новые лавры молодой армии РСФСР на всех ее фронтах, когда ближайшая к вам Самарская диви-

зия доблестно шла с нами рука об руку и заняла Уральск и Илецкий Городок, а Туркестанская армия под командой Зиновьева соединилась с нами, в это время мы узнали о вашем восстании против Советской России, об убийстве вами целого ряда лучших товарищей коммунистов: Волкова, Линдова, Майорова, Мяги и о захвате в плен свыше сотни других советских работников.

Мы не можем мириться с мыслью, что на правом фланге Первой армии вспыхнуло восстание — угроза нашему тылу, нашим успехам. И вот мы обращаемся к вам: немедленно освободите наших пленных товарищей, немедленно изъявите покорность, иначе мы клянемся всеми нашими победами, всеми нашими подвигами и стараниями, что мы пойдем на вас и раздавим вас так же, как раздавили чехословаков и дутовцев, раздавим и вас, если не прекратите безобразие и не изъявите покорность Советской России.

Эту телеграмму распространите между взбунтовавшимися».

Отправляя телеграмму, Гай был уверен, что убийцы Линдова будут наказаны, организаторы мятежа — отданы под суд, а обманутые красноармейцы, осознав свою вину, снова пойдут в бой и поступят так, как поступили пугачевцы и разинцы.

Читая в боевых донесениях об успешных действиях под Уральском Пугачевского и Разинского полков, приданных Первой армии, Гай радовался их победам.

Спустя 40 лет областная газета «Приуральская правда» посвятила освобождению города целую страницу.

Она открывалась телеграммой:

«Москва, Совнарком, товарищу Ленину. Реввоенсовет Республики, главкому:

Доношу, что частями армии с упорными боями занят сегодня Уральск. Противник по всему фронту Оренбург — Уральск разбит наголову и рассеян. Командарм Гай».

...Скорый поезд вез меня мимо мест, где много лет назад в суровую зимнюю стужу насмерть дралась Железная. По соседству с нею находился мятежный Покровско-Туркестанский полк. Предупреждения Гая и Калнина, энергичные меры, принятые командованием

Четвертой армии, возымели свое действие: арестованные коммунисты были освобождены, организаторы бунта отданы под трибунал, и полк дружно поднялся на врага.

Промелькнул Бузулук. Он часто фигурировал в военных сводках, а позже — в неопубликованных воспоминаниях Петра Устинова. Здесь тогда слышался гул артиллерии и звуки скрипки.

После красноармейского митинга, на котором выступал Гай, Устинов решил пропустить по площади церемониальным маршем своих бойцов. Но какой же смотр без оркестра? Еще с вечера прошлого дня музыкантам пришлось взяться за винтовки, а трубы, флейты и барабаны остались на повозках.

Гай сразу же нашел выход. Увидев стоявшего неподалеку бывшего военнопленного австрийца со скрипкой, он обратился к нему:

— Скажи, товарищ, можешь ты играть марши, играть громко?

— Я все мож для русска революция...

Скрипач встал у головного батальона; раздалась команда: «Шагом марш!» Австриец провел смычком по струнам — и усталость бойцов словно рукой сняло. С высоко поднятой головой они прошли мимо командарма. А скрипач все играл и играл. На его глазах появились слезы. Может быть, в эти минуты он еще больше осознал всю сложность и все величие той обстановки, в какую он попал.

Изредка доносилась глухая артиллерийская канонада. Бой мог возобновиться с минуты на минуту.

Бойцы прошли, а скрипач все продолжал играть. Гай подошел к австрийцу и, слегка дотронувшись до его плеча, сказал:

— Молодчина! Спасибо тебе за музыку.

И сейчас Бузулук не сходит с газетных полос. Местный завод тяжелого машиностроения известен далеко за пределами Урала: его буры пользуются большим спросом в Америке и других странах.

За Бузулуком — Сорочинская, где в девятнадцатом году размещался штаб армии. Бывший поселок стал городом с красивыми домами, широкими улицами. За ним — сады, лесные полосы в степи. Многое с тех пор изменилось вокруг. А вот климат остался прежним.

Так же, как и тогда, стояли сильные морозы, по полю носился шальной ветер, наметавший сугробы.

Стоя у окна вагона, я мысленно представил себе Гая. Не на дымящем «самоварчике», не на скакуне, а в пешем строю, по колено в снегу. Он идет с бойцами. Идет, чтобы осуществить заветную мечту, зародившуюся еще в Самарканде, — ликвидировать «оренбургскую пробку», вернуть Стране Советов Туркестан. А от него прямая дорога в Закаспий, в Баку, Тифлис — места революционной юности командарма.

В Оренбурге я прочел от корки до корки газету «Коммунар» — орган губкома РКП (б) и губисполкома за девятнадцатый год. С газетных полос донесся гул грозных лет: части Красной Армии приближаются к Уральскому хребту, освобождая от белых город за городом. А в Оренбурге, где находится комадарм Гай, недобитые дутовцы стреляют из-за угла, сеют панику. Некто по фамилии Латыш, выдавая себя за доброжелателя, предупреждал Гая о готовящемся на него и на других командиров покушении. Записка, подброшенная командарму, не сохранилась, но ответ на нее опубликован в пятнадцатом номере «Коммунара».

«Редакцией получено письмо т. Гая, которое мы помещаем», — сообщала газета. Ниже подзаголовок: «Ответ товарищу Латышу».

«Мною получено ваше письмо, в котором вы предупреждаете меня о готовящемся покушении на жизнь начальников. Вы предлагаете мне избежать этой участи бегством. Но если вы так хорошо ко мне относитесь, что решили открыть даже тайну вашей организации, то должны знать, что я революционер и добровольно пошел в Красную Армию рядовым. Если Советская власть меня отличила и поставила командовать армией, то это только подтверждает мою верность и преданность интересам трудового народа, интересам Российской Социалистической Советской Республики.

И вы должны знать, что революционеры никогда не убегают с поста, на который их поставил восставший народ. Вы должны знать, что сила коммунизма, сила Советской власти заключается в поддержке ее народными массами.

Отдельные лица погибают, а пролетариат остается, и у него будут новые руководители, и поэтому его

идея — социализм — бессмертна. Конечно, очень тяжело трудовому народу терять своих вождей, избранных им на ответственные посты, но поэтому он сумеет их всегда защитить, и я уверен, что доблестные революционные красноармейцы сплотятся вокруг своих красных командиров и не дадут им погибнуть от подлой руки убийцы из-за угла. Такого рода убийствами вы показываете только свое бессилие победить рабочих и крестьян в открытом бою. И мы уверены, что недалек тот час, когда будет развеваться по всей земле победившее Красное знамя труда. И тогда только мы оставим оружие и перейдем к мирному труду на благо всего человечества!

Командующий Первой революционной армией Гай».

В каждом слове — живой Гай, мужественный, честный, полный революционного накала и веры в народные массы.

Дневник красного командира М. Великанова

Заведующий Оренбургским архивом Прокофий Корнеевич Десятерик ознакомил меня с нигде не публиковавшимися воспоминаниями из дневника красного командира М. Великанова — того самого Великанова, который несколькими штрихами обрисовал обстановку, царившую летом восемнадцатого года на станции Охотничья, где вместе с Гаем находился будущий маршал Тухачевский.

Здесь надо хотя бы коротко рассказать об авторе «Дневника» Михаиле Дмитриевиче Великанове.

Если бы рядом с Гаем не было Эдуарда Вилумсона, Михаила Великанова, Александра Седякина и других командиров, ставших крупными военачальниками, если бы не оказалось рядом политработников Бориса Лившица, Николая Панова, Николая Шверника, Александра Самсонова — может, не было бы и Гая.

Родился Великанов в одном из селений под Рязанью. Там в восемнадцать лет учительствовал, сея «разумное, доброе, вечное». Когда началась первая мировая война, юношу призвали в армию, направили в школу прапорщиков. Закончив ее, Великанов командовал ротой, которую в числе других частей немцы заманили в болота.

Много людей там погибло. Но ротный выручил своих солдат из беды, получив за это Георгия.

Грянула революция. Великанов вступил в Красную гвардию, а потом в Красную Армию. Участвовал в подавлении белочешского мятежа, в ликвидации дутовщины, командовал отрядом, полком, бригадой, дивизией. Воевал на Восточном фронте, освобождал Араратскую долину на юге страны, за что был награжден правительством Армении. В Эривани при вручении награды Великанов вспомнил Гая. «Его бросали с одного фронта на другой. Вместо него пришел я — сын русского крестьянина и друг Гая».

В мирное время Великанов командовал военными округами. Погиб он незадолго до своего, никем не отмеченного пятидесятилетия.

В его «Дневнике» освещена обстановка, сложившаяся в Оренбурге. Она действительно была архитяжелой.

«В дни с 19 по 21 апреля казачьи части хотели взять Оренбург с налета. Наша Первая армия уже отошла из-под Уфы, штаб находился в Сорочинске, только командующий Гай оставался в Оренбурге. Оренбургские рабочие полки, еще не полностью сформированные, отбивают атаки белоказаков и закрепляются на позиции у станицы Нежинской. Убедившись, что с налета Оренбургом не овладеть, противник решает взять его в обход. 19 апреля, около 12 часов, я был неожиданно вызван в штаб армии. В городе, судя по всему, было неспокойно: туда и сюда носились конные, бежали куда-то бойцы. На лицах была видна тревога.

Иду в штаб армии и там, у Гая и у начальника штаба Шафаловича, узнаю, что конные белоказачьи части в 15 верстах от города в направлении от станицы Нежинской. Наскоро сформированные рабочие полки — все, что имелось в городе боеспособного, — готовились к отражению нападения. Сам Гай тоже приготовился во главе своего Железного эскадрона выехать на фронт.

...Уже в сумерках встречаю Гая, возвращавшегося в Оренбург. Он рассказал, что белые отбиты и отступили к Каменно-Озерной. От красноармейцев узнал, что ранен начальник 24-й дивизии Вилумсон, бывший в то время командующим группой обороны Оренбурга».

Эдуарда Вилумсона заменил Михаил Великанов: Гай возложил на него руководство обороной города.

Очень важно было установить время, когда писались воспоминания — по горячим следам или после гражданской войны, когда Великанов уже командовал военным округом и с высоты прожитых лет мог более зрело судить о действиях своего бывшего командарма.

Оказалось, в мирное время, когда он не находился в подчинении Гая, когда мог беспристрастно оценивать многое из того, что происходило прежде. Значит, в апреле Гай был командармом и находился там, где решалась судьба города,— в самом Оренбурге.

В другом документе — в приказе по Первой армии от 20 апреля 1919 года — говорилось: «Донесения принимать на ст. Сорочинское и оттуда телеграфом в Оренбург, где штаб остается до последней возможности».

«Штаб остается до последней возможности». Каким мужеством веет от этих слов! И сказаны они не в феврале, не в марте, а 20 апреля, когда судьба Оренбурга висела на волоске. Именно в апреле Гай, по свидетельству М. Великанова, во главе рабочих полков и с горсточкой кавалеристов отбил атаку белоказаков.

Оборона Оренбурга была многодневной. В ней участвовали тысячи людей. Найти бы в городе хотя бы нескольких из них.

Поправка полковника Вельмякина

Сначала в моей записной книжке не было ни одной фамилии. Помог заполнить ее руководитель Оренбургской телестудии Леонид Большаков, автор интересного очерка «Корреспондентка Л. Н. Толстого» об уральской крестьянке Александре Скутиной, человеке сложной судьбы, ставшей позже коммунисткой, бойцом Красной Армии.

— Ее фамилия вам не попадалась? — спросил Большаков в первые минуты нашего знакомства. — Не сомневаюсь, эта замечательная женщина знала Гая, да и он мог слышать о ней.

Глаза Большакова загорелись. Я невольно вспомнил строки из его же очерка о краеведе Попове: «Только у краеведа, следопыта, искателя могут быть такие глаза. Острые, горящие, живые».

— Нет, к сожалению, не встречал. Где она теперь?

— Умерла в сорок пятом.

Как часто приходится слышать эту горестную фразу, когда речь заходит о людях, знавших Гая. И все же я не терял надежды встретить среди живых его сподвижников.

Большаков предложил выступить по местному телевидению. После рассказа о Гае на телестудии буквально оборвали телефон: звонили из Сорочинска, Тоцка, Бугуруслана. Особенно настойчиво приглашали приехать в Бузулук старики, воевавшие под началом Гая; сорочинцы звали осмотреть уцелевшие здания, где некогда размещался его штаб; орчане, чей прославленный полк отличился в боях на реке Салмыш, обещали помочь в розыске нужных людей.

Приглашения меня окрылили. Значит, интерес к Гаю, к его биографии, к его боевым делам не погас в Оренбургском крае!

Но это было только начало. Юные оренбуржцы звали выступить на пионерском сборе, в студенческом общежитии; пожилые — в большинстве своем участники гражданской войны — горели желанием рассказать все, что знали или слышали от других о своем бывшем командире.

— Полковник Поддубный! — по прежней военной привычке представился бледнолицый человек, совсем не похожий на своего знаменитого однофамильца Ивана Поддубного.— Слыхал, вы о Гае пишете, и вот не удержался. Но предупреждаю — не ждите каких-то открытий. С Гаем я не был знаком.— Поддубный закашлялся.— Прочтите, кое-как вот нацарапал.— Иван Тимофеевич протянул густо исписанный листок.

Я стал читать.

«В марте 1919 года Железная дивизия освободила Орск. Ее ряды непрерывно пополнялись добровольцами. Она выросла в несколько раз [1]. Среди первых добровольцев был и я, бывший батрак, никогда не державший в руках винтовку.

В Железной из-за большого притока добровольцев

---

[1] Сохранился протокол заседания землячества Первой армии, на котором выступал Гай в 1933 году. В своей речи он привел две любопытные цифры: 6 000 и 30 000. Первая свидетельствовала о численном составе Железной в тот день, когда она покинула Самару. Вторая — о том, насколько эта дивизия выросла, пройдя с боями от Самары до Орска.

на десять бойцов насчитывалась одна винтовка. И винтовки и патроны приходилось добывать у Дутова, прямо в бою.

Гая я впервые увидел у станицы Пономаревка. Он говорил перед строем, с коня. Речь свою не закончил — сорвал голос. Но мы все поняли: надо идти громить Колчака.

Натиск нашей дивизии был настолько стремителен, что сразу же исчезла нужда в оружии и боеприпасах. Только я один подобрал пять винтовок. С оружием Колчака против Колчака мы двинулись дальше. В районе Шафраново белогвардейцы пытались задержать наше наступление. Взяв ружья на изготовку, под барабанную дробь они двинулись нам наперерез. Красноармейцы не дрогнули. Когда враг приблизился — открыли огонь. На какую-то минуту беляки уткнулись носом в землю, а потом ползком обратно в свое логово».

Не успел я попрощаться с Иваном Тимофеевичем, как вошел другой, моложавый на вид мужчина, который отрекомендовался:

— Вельмякин, полковник в отставке.

Максим Викентьевич Вельмякин знал литературу, изданную еще в двадцатых годах, слушал лекции Гая в Военной академии. Гай возглавлял кафедру истории войн и военного искусства. Этот предмет в учебных программах не считался главным, но лектор так увлекательно его излагал, раскрывая на живых примерах происходившее на фронтах, что к его выступлениям всегда относились с большим интересом.

У него был свой оригинальный метод преподавания. Однажды Гай предложил каждому слушателю провести самостоятельное занятие по истории гражданской войны, разобрать одну из наиболее интересных операций.

— Я был командиром учебного отделения, — рассказывал Максим Викентьевич,— и Гай начал с меня: «Первое занятие проведете вы».

Темой своего выступления Вельмякин избрал оборону Оренбурга, а в ней — первый удар по Колчаку.

Максим Викентьевич изучил все происходившее на оренбургском театре военных действий, тщательно выверил каждую дату.

— Я очень волновался, — продолжал полковник, одергивая китель. — Ведь выступал не только перед

слушателями, но и перед бывшим командармом, лично руководившим этой операцией. Сказал также об одной неточности в книге «Первый удар по Колчаку». Неточности в самом названии, — пояснил Вельмякин. — Ведь в апреле Колчаку был нанесен не один, а два удара. Первый был самый ощутимый.

Максим Викентьевич своими словами изложил то, что происходило в конце апреля девятнадцатого года в нескольких часах езды от места, где он, Вельмякин, теперь живет.

Белоказаки пытались в лоб взять Оренбург. Ничего не получилось. Тогда Колчак решил переправить через Салмыш свой 4-й армейский корпус.

Силы были неравные: на левом, господствующем берегу — стрелковый корпус плюс белоказаки, на правом — два неполных красных полка пехоты. Чуть позади — полковая батарея.

Когда Гаю стало известно, что колчаковцы под покровом ночи переправляются через разлившийся Салмыш, он приказал не чинить им препятствий. Но лишь началась высадка, отдал приказ уничтожить переправы, ударить по врагу с флангов, прижать его и сбросить в реку.

— Рискованная операция.

— Рискованная, но продуманная во всех деталях, — ответил Вельмякин. — Помнится, на одной из лекций Гай говорил, что риск и прорыв без расчета так же вредны, как и осторожный расчет без риска. Конечно, при неудаче командарм мог потерять всю оренбургскую группу. Удачный исход наступления колчаковцев был бы одновременно трагичен для всей Южной группы.

Когда авангард вражеского корпуса пересек Салмыш, на нашем берегу царила тишина. Но стоило только противнику начать высадку, как один за другим последовали удары с флангов. Во весь голос «заговорила» батарея Лунина, прозванная за свои смелые действия «отчаянной».

В стане противника возникла суматоха: бросая оружие, цепляясь за доски, за телеги без колес, плывшие по реке, колчаковцы спасали свои шкуры. А те, кто остался на берегу, подняли руки вверх.

После ошеломляющего удара командование колчаковского корпуса учинило допрос начдиву 5-й стрел-

ковой дивизии полковнику Найзелю. На вопрос следователя, были ли приняты меры к усилению средств переправы на случай отхода, полковник ответил: «Обратный отход не предполагался, а отход под натиском противника ничем иным, кроме катастрофы, не мог кончиться, поэтому приказ о наступлении мною был понят как решительная ставка — или прорыв фронта красных и взятие Оренбурга, или гибель дивизии».

Таково было признание врага.

В сводке полевого штаба Реввоенсовета Республики от 27 апреля 1919 года появилось сообщение об этой победе: «На Оренбургском направлении 4-й корпус Колчака 26 апреля на реке Салмыш в полном составе уничтожен и частью взят в плен».

Цифра пленных приведена в сборнике «Краткая история гражданской войны в СССР», изданном в 1960 году.

«Контрнаступление Южной группы было облегчено событиями на фронте Первой армии. Здесь за несколько дней до наступления части 20-й дивизии, оборонявшие рубежи на реке Салмыш, к северу от Оренбурга, разгромили белогвардейский корпус генерала Бакича, который должен был помочь Дутову захватить Оренбург. Только за один день 26 апреля советские войска взяли две тысячи пленных. Одновременно были достигнуты успехи и на других участках Первой армии».

На каких именно — в книге не сказано. Зато Вельмякину запомнилось, что две дивизии — Железная и 12-я колчаковская — столкнулись в районе Шарлыка на Белебеевском направлении. После боя от противника остались, что называется, рожки да ножки.

— Этот второй удар по Колчаку,—продолжал Вельмякин, — имели в виду авторы «Краткой истории», упоминая об успехах армии Гая на других участках Восточного фронта. Оба удара по Колчаку, несомненно, способствовали более крупной победе, достигнутой вскоре под Уфой. Этой операцией непосредственно руководил Михаил Васильевич Фрунзе.

Перечеркнутая двадцать первая страница

Пока я бродил по крутым берегам Салмыша, чтобы зримо представить все происходившее здесь в апреле

далекого девятнадцатого года, вездесущий Максим Викентьевич раскопал где-то справку о другой, мало освещенной в печати операции, связанной с действиями Первой армии.

— У нас почему-то принято считать, что Колчак под Оренбургом потерял лишь один корпус. Но ведь еще до разгрома Бакича башкирское войско перешло на нашу сторону. Было это в первой половине февраля.

— Я читал, что Уфу освобождала не Первая, а Пятая армия.

— Уфу — да. А башкирский корпус действовал против армии Гая. Именно с ним глава буржуазного правительства Ахмет Заки Валидов вел переговоры.

Однако, где доказательства, что они велись? В оренбургских архивах не нашел. А что если поискать в Уфе? Уж если где и уцелели архивные материалы, то только там.

От Оренбурга до столицы Башкирии — полчаса лёта. С уфимскими архивистами я уже несколько раз встречался, когда искал материалы о Ярославе Гашеке, которого они называют «башкирским зятем»: он был женат на местной печатнице Шуре Львовой. О Гае разговора не было.

В Уфу прилетел вечером. В архивах рабочий день закончился. Начал с библиотеки Уфимского филиала Академии наук СССР. В пачке заказанных книг оказалась тоненькая брошюрка с сухим, непритязательным названием «Труды Общества по изучению быта, истории и культуры Башкирии». В предисловии — несколько строк о Башкирском корпусе.

«В практике гражданской войны в России это был первый случай организованного перехода из одного стана борющихся в другой целой нации. До этого были случаи перехода отдельных воинских частей».

Да, это был редкий случай в истории гражданской войны. Знакомлюсь с документами, помещенными в брошюре. В ней напечатан разговор по прямому проводу Гая с Валидовым.

«...Я, командующий Первой советской армией Гай, поздравляю вас и всю башкирскую нацию за разумное решение признать Советскую власть... Башкирская беднота и солдаты, желающие сражаться в наших рядах, есть мои друзья и братья. Мы против них не воевали.

Я сегодня сделаю соответствующее распоряжение принять в ряды Первой армии всех товарищей башкир, желающих сражаться вместе с нами. Все солдаты, желающие присоединиться, будут пользоваться всеми правами и обязанностями красноармейцев во всех отношениях. Что касается не желающих в наши ряды, то таковые могут разойтись по домам, сдав оружие. Вам надлежит все мои слова передать вашему народу, который согласно наших принципов получит самоопределение».

Как же сложилась дальнейшая судьба «вчерашних врагов по фронту»?

В областном партийном архиве мне вручили пухлую папку с материалами. На заглавном листе машинописного текста было напечатано:

Гая Гай
Дни героических битв
за Советскую Башкирию
Воспоминания бывшего командарма
Первой Красной Армии

К статье приложена схема былых боев, составленная и вычерченная Гаем. Стрелки показывают поспешное отступление в январе и феврале колчаковской армии, бегство дутовцев к Орску, отход частей Башкирского корпуса в район Темясово, к древней башкирской столице.

Гай вспоминает, что в результате создавшегося положения на фронте, под напором рабочих и крестьян Башкирии, не желавших воевать против братьев по классу, Валидов вынужден был отдать приказ сложить оружие.

Большое разногласие вызвал пункт о дальнейшей судьбе Башкорпуса и его командования. Что с ним делать? Оставить ли корпус на фронте с оружием в руках под командованием прежних командиров, активно выступавших против Советской власти, или расформировать его, создать новые башкирские части, согласно положению о Красной Армии.

Гай настаивал на втором пункте. Валидов — на сохранении Башкирского корпуса и его командного состава.

Последующий ход событий подтвердил, что в споре с Валидовым прав был Гай. Как коммунист он не мог мерить всех на один аршин: были башкиры кулаки, башкиры белые офицеры — противники народной власти — и башкиры рабочие, башкиры крестьяне, обманутые Колчаком. Что такое Колчак, они, как говорил В. И. Ленин, узнали не из наших проповедей и учений, а из собственного опыта, из того, что они социалистов-революционеров звали, сажали, а из этого посажения на власть эсеров и меньшевиков вышла старая русская монархия, старая держиморда, которая во время «демократии» принесла неслыханное насилие стране. Но это излечение народа много стоило.

Подобное «излечение» произошло с башкирами. Об этом и рассказал Гай:

«После реорганизации башкирские пехотные и кавалерийские полки мною были направлены под Петроград, против генерала Юденича. Здесь, на новом фронте, доблестные красные башкирские части завоевали себе геройскую славу, показали свою искреннюю преданность коммунистической власти».

Среди тех, кто летом девятнадцатого года защищал колыбель революции, был и уфимец Валиахмет Вахитов.

— Под Петроградом наши ребята часто вспоминали батыря Гая, — рассказал он. — Действовал по-ленински: не допускал никакого насилия одной нации над другой, изживал недоверие и вражду между сынами разных народов, как между старшими, так и младшими. За это башкиры и татары его любили. Были и такие, что ненавидели. Статья Гая не попала в юбилейный сборник. И все из-за последней, двадцать первой страницы.

— Но ведь в рукописи только двадцать страниц. — Передо мной лежала точно пронумерованная статья.

— Не в оригинале, а в копии, — поправил Вахитов.

Это был мой промах — копию я принял за оригинал: обрадовался уфимской находке и не заметил, что под статьей нет собственноручной подписи автора.

В оригинале на первой странице стояла «резолюция»: «Прочел. Считаю необходимым опустить двадцать первую страницу. Все остальное для печати годно и полезно. 22/XI 1934 года».

Ни Вахитов, ни архивисты не смогли разобрать под-

писи человека, давшего распоряжение изъять двадцать первую страницу. Проще было ознакомиться с ее содержанием, хотя читать было трудно: чья-то рука несколько раз вдоль и поперек перечеркнула написанное.

«На территории Советской Башкирии, — писал Гай, — имеется немало братских могил с останками доблестных героев-бойцов Первой и Пятой армий. Одна из них, небольшая, принадлежит героям-смоленцам, а другая — в Узяне — замученным жителям.

Пусть в эти радостные дни, когда трудящиеся возрожденной страны празднуют пятнадцатую годовщину своего освобождения, не забудутся эти скромные братские могилы героев, павших за свободу.

Рабоче-крестьянская молодежь Советской Башкирии, равняйся по героям Красной Армии! Тверже шаг!»

Почему же эта страница была перечеркнута? Я посмотрел на Вахитова и ждал, что он скажет.

— Про Мусу Муртазина вы, наверное, слышали? Да, Муртазин был сродни шолоховскому Григорию Мелехову. Тот на Дону метался от красных к белым, рубил и своих и чужих, а этот на реке Белой в девятнадцатом году делал то же самое. Два раза к Колчаку переходил: хотел у него найти правду. Два раза к красным возвращался, пока не успокоился, пока не понял, что истинным другом народа является Советская власть. Башкирскому крестьянину удалось с помощью таких коммунистов, как Гай, избежать мелеховской горькой участи.

— Это не все, — заметил Вахитов. — Муртазин в девятнадцатом году совершил двойное преступление: обманным путем увел к Колчаку свой полк и, уходя, уничтожил приданных к нему на время артиллеристов из смоленской батареи. О них и напоминал в статье Гай. Свой бандитский поступок Муртазин объяснял так: поссорился, мол, с комбригом, которому был подчинен, не мог терпеть издевательств...

— Смоляне в этом были повинны? — спросил я у Вахитова.

— Нет. Но нашлись и такие — что греха таить, — которые своими действиями позорили Красную Армию: сеяли недоверие к башкирам, чинили над ними произвол. Гай считал, что надо покончить с беззаконием, по-

братски относиться к тем, кто окончательно порвал с Колчаком.

Еще до беседы с Вахитовым я прочел в брошюре «18 февраля 1919 года» приказ Гая начдивам и политическим комиссарам дивизий, входившим в его армию. Командарм решительно требовал «прекратить всякого рода издевательства и безобразия по отношению к перешедшим на нашу сторону башкирским воинам».

— Когда Муртазин снова пришел с повинной, ему простили, — продолжал Вахитов. — Об этом сказано у Гая. И это место в статье не вычеркнуто. Вот что он писал:

«Великодушие пролетарской революции, проведение национальной политики Советской властью и настойчивые просьбы Башревкома освободили Мусу Муртазина от заслуженной кары».

Позже на Западном фронте он искупил свою вину: был награжден двумя орденами Красного Знамени. Муртазина послали в Военную академию. После ее окончания он занимал высокие командные посты, показав себя с хорошей стороны.

— Этого нельзя отрицать, — продолжал Вахитов, — как и нельзя списывать муртазинское прошлое. О нем напоминает могила, где покоятся смоляне-артиллеристы.

Вахитов молча провел рукой по переплету папки:

— Недавно один наш молодой историк изобразил Муртазина в розовых красках. Тогда я обратился за помощью... к Гаю. Разыскал его статью и вместе с другими документами передал в обком партии, первому секретарю Нуриеву. На пленуме областного комитета впервые за много лет немало теплых слов было сказано о батыре Гае, которого в нашем народе называют «дускеше» — по-башкирски «близкий человек».

Таким сохранился Гай в памяти башкирского народа. Восстановленная двадцать первая страница сегодня звучит как наказ живым помнить о погибших.

Узелок распутывается

Из Уфы — в Оренбург. Думал с помощью редакции областной газеты «Южный Урал» и местных архивистов найти документы, правдиво освещающие оборону города, разыскать тех, кто участвовал в ней.

Оренбургский редактор, как и его коллеги из Самарканда, Ульяновска, Бухары, охотно согласился напечатать обращение к читателям, помнившим Гая по многодневным боям за Оренбург.

Первыми откликнулись железнодорожники, бывшие бойцы рабочих полков. Их свидетельства были, несомненно, ценными, однако ветераны помнили, что происходило в их роте, батальоне, в лучшем случае в полку. А вот какие приказы издавал командарм-1, какие разговоры вел по прямому проводу с РВС Южной группы в апреле-мае, они, естественно, знать не могли.

Распутать туго завязанный домыслами и легендами «оренбургский узелок» можно было только с помощью объективных военных историков, глубоко изучавших все, что происходило в те дни на Восточном фронте. Этим требованиям отвечал московский профессор А. В. Голубев — бывший начальник кафедры оперативного искусства академии генштаба и начальник военно-исторического факультета академии имени М. В. Фрунзе.

При встрече Александр Васильевич раскрыл сборник документов «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны» на той странице, где приведен разговор командующего Южной группой с командармом-1. В эту группу, как известно, входило несколько армий и в их числе Первая и соседняя с ней Пятая. Сильно потеснив последнюю и вызвав в ее рядах панику, Колчак захватил Уфу и двинулся на Самару — Оренбург. В образовавшуюся брешь шириною в сто пятьдесят километров хлынуло многотысячное войско противника. Колчак уже предвкушал победу. К нему переметнулись буржуазные партии, местные правители от Байкала до Волги. Антанта возлагала большие надежды на своего ставленника, верила ему, одевала и вооружала его войско.

Возникла реальная угроза полного окружения Оренбурга и Бузулука — ближайшего тыла Южной группы.

Как командарм Гай считал нужным спасти армию временным уходом из Оренбурга:

— По-моему, — говорил он Фрунзе, — это в своем роде также победа, иначе мы остаемся без армии. Откровенно говоря, все эти соображения месяц тому назад я доложил комфронту, но он оставил без внимания; теперь приходится дорогой ценой поправлять наши ошибки.

Голубев достал старую карту Восточного фронта. На ней можно было наглядно увидеть, что измотанная в боях, поредевшая соседняя Пятая армия откатилась к Бугуруслану, оголив тем самым левый фланг Первой армии, чьи полки продвинулись к отрогам Уральского хребта. Над железной дорогой, ведущей к Самаре, нависли белоказаки. Дутовцы с трех сторон окружили Оренбург.

— Гая нетрудно понять: либо отходить, либо оказаться в окружении. Однако положение на фронте Гай оценивал со своей позиции. Возражая ему, Фрунзе заметил, что он удивлен и поражен докладом командарма.

— А я не порицаю Гая, что он откровенно высказывал свои соображения,— продолжал Голубев,— он обязан был это сделать, несмотря на то, что его оценка событий и планов на будущее была иной, не совпадала с мнением командующего Южной группой. Гай не думал, что потом его, бесстрашного командира, могут обвинить в том, что он хотел сдать Оренбург. Фрунзе также считал положение на фронте архитяжелым, особенно Пятой армии. Прочтите, пожалуйста, еще раз вот это место, где Фрунзе отвечает Гаю:

— Вы правы в том отношении, что мы с нашей директивой запоздали; чья в этом вина, разбирать не будем, а будем искать выхода из положения. Таковой мне рисуется в неуклонном напряжении всех сил и выполнении намеченного, хотя и несколько запоздавшего плана... Ваши указания на распутицу, конечно, верны, но действие не одинаково сказывается как на нас, так и на противнике. Помощь Пятой армии оказана будет, вы можете не бояться появления ее в предсказанный вами срок у Самары, если только проведете сосредоточение ударной группы... Я настаиваю на принятии и проведении самой твердой политики и неуклонном выполнении намеченного плана и уверен, что командарм, имя которого известно не только нам, но и противнику, сумеет это сделать с успехом.

Голубев на минуту прервал чтение, взял из моих рук раскрытую книгу и красным карандашом подчеркнул последние строчки.

— Будь я писателем, — сказал он, — я непременно поставил бы эти слова эпиграфом к уральской стра-

нице. Фрунзе не преувеличивал полководческий авторитет Гая. Его имя действительно наводило страх на колчаковцев и пользовалось уважением среди бойцов и командиров всего Восточного фронта. Фрунзе напомнил об этом не в дни побед, а когда по всему фронту шло отступление. И еще обратите внимание на поручение, которое командующий Южной группой дал Гаю: «Сделайте все возможное для прекращения панического настроения как в городе, так и в войсках».

— Как понимать эти слова? Совет старшего военачальника, призыв к дисциплине?

— И первое, и второе, и еще третье. Главное — это полное доверие к Гаю. Именно ему, а не кому-нибудь другому Фрунзе поручал навести порядок в Оренбурге. Причем не только в войсках, но и среди гражданского населения. Представьте себе на минуту, если бы Фрунзе не доверял Гаю, как его тщатся представить некоторые историки и краеведы, разве он поручил бы именно ему бороться с паническими настроениями? А теперь прочтите, пожалуйста, что ответил Гай.

— Паники у нас нет и не может быть. Я был в худших условиях, чем сейчас; я только высказывал свое соображение, которое я обязан докладывать старшим заблаговременно. Все мероприятия, отмеченные вашей директивой, как вы уже знаете, приняты мною и неуклонно будут проведены; главный вопрос только о соседях, за них я неоднократно страдал и буду страдать. Перевести сейчас штаб армии в Бузулук невозможно — это возбудит панику, на несколько дней оставит меня без связи с частями, из Бузулука сейчас управлять правым флангом будет трудно, тем более если оборвется связь... Об остальных вопросах спорить с вами не буду, так как я сам склонен твердо провести все ваши мероприятия.

— Заметьте, — подхватил Голубев, — Гай соглашался осуществить мероприятия, намеченные Фрунзе, но лишь просил разрешить внести необходимые изменения в способы исполнения поставленной задачи. И Фрунзе с ним согласился.

Александр Васильевич перевел взгляд на лежавшую рядом книгу «Первый удар по Колчаку» и, раскрыв ее, обратил внимание на посвящение.

Гай посвящал свой труд светлой памяти М. В. Фрунзе, под чьим руководством он нанес первый удар по

Колчаку на Салмыше. И написал он благодарственные слова не тогда, когда Михаил Васильевич был народным комиссаром по военным делам и председателем Реввоенсовета Республики, а через год после смерти Фрунзе.

— Я знаю и другие примеры, — в голосе Голубева послышались гневные нотки. — Вы, должно быть, помните профессора Шиловского? Он дважды писал о Тухачевском и каждый раз по-разному. Когда Михаил Николаевич был в зените славы, курил ему фимиам, а позже...

Александр Васильевич встал, снова подошел к карте.

— Как видите, Гай не просто предлагал в апреле оставить Оренбург. У него были для этого веские основания: командарм тревожился за судьбу своей армии. Его откровенный, честный разговор с командующим Южной группой состоялся в первой половине апреля, а во второй, как это видно из документов, помещенных в том же сборнике, не кто иной, как Фрунзе предлагал в стратегических целях оставить Оренбургский район. Разница лишь в сроках. Гай считал это нужным сделать в начале апреля, Фрунзе — в конце.

— А в мае? Какую позицию занимал Гай, когда белые снова прорвали фронт и положение под Оренбургом ухудшилось?

— В мае? — повторил Александр Васильевич. — Поговорите об этом с бывшим начдивом Майстрахом. Он — живой участник майских событий. Что-то давненько мы не виделись, и что-то он не звонит. Может, болен?..

Май перестает быть загадочным

Бориса Владимировича Майстраха я разыскал под Москвой в военном госпитале. Когда позвонил туда, дежурная сестра ответила: «Больной чувствует себя неважно. К телефону подойти не может... А по какому вы делу?» Я объяснил. Несколько минут томительного ожидания, и снова тот же женский голос, но более обнадеживающий: «Больной сказал, что для разговора о Гае он здоров. Можете приехать». И от себя добавила: «Только не надолго».

Через час я был у Майстраха. Рассказал ему о своих

поисковых радостях и горестях, о трудно распутываемом «оренбургском узелке», о загадочном мае.

Борис Владимирович поинтересовался, известно ли мне открытое письмо М. И. Калинина к оренбуржцам. Оно было напечатано в местных газетах в двадцать первом году, когда город был награжден Советским правительством Почетным революционным знаменем.

Мой собеседник привел по памяти запомнившееся ему место из этого письма. Михаил Иванович Калинин отмечал, что Красная Армия принуждена была в то время снять часть своих войск с оренбургского участка на другой, более важный участок, «не оставив таким образом необходимой для Оренбурга силы».

— В этих условиях,— продолжал Борис Владимирович,— когда главные силы нацеливались на Уфу и почти все резервы получал Бузулук, Гаю пришлось руководить обороной Оренбурга. Впрочем, некоторые историки все сводят к защите одного только города. На самом деле его оборона велась на широком плацдарме протяженностью в несколько сот километров.

Майстрах достал чистый лист бумаги и синим карандашом начертил расположение частей Первой армии, защищавших оренбургский плацдарм — железнодорожную линию, тянувшуюся от Оренбурга к Самаре; в середине Бузулук — место сосредоточения ударной группы. Если бы противник, оседлав дорогу, вырвался к Волге, кольцо вокруг города замкнулось и Бузулукская группа осталась неприкрытой.

Потом Борис Владимирович вывел на листе длинную линию — берега Салмыша. Каждый километр был под ударом, каждый надо было оборонять. Третья линия тянулась вдоль Урала; воюющие стороны отделяла река. Дутовцы находились настолько близко, что в тихую погоду их голоса были слышны защитникам Оренбурга.

Для обороны требовались большие силы. Не хватало винтовок, патронов, не было снарядов. Двум казачьим корпусам, имевшим за своей спиной опыт владения конем и шашкой, Гай мог противопоставить лишь два эскадрона.

В первой половине мая — какой это был день, Майстрах теперь не помнит — Борис Владимирович по вызову командарма прибыл в штаб армии. С Гаем он не виделся две недели. За это время командарм заметно

похудел, лицо осунулось, под опухшими от бессонницы глазами появились мешки. Командарма тревожила судьба рабочих полков, оборонявших город и несших большие потери.

Заработал телеграфный аппарат, на проводе заместитель командующего Южной группой Новицкий. Гай со свойственной ему прямотой доложил, в каком состоянии рабочие полки, и тут же решительно спросил, когда наконец будут присланы обещанные подкрепления, боеприпасы. Если штаб Южной группы не сдержит своего слова, он, Гай, будет вынужден оставить Оренбург или отозвать части, обороняющие Салмыш, бросить их на помощь осажденному городу.

— Это был честный разговор,— подчеркнул Майстрах.

Не сохранилась ли запись его в архивных фондах? Пришлось снова отправиться на Большую Пироговскую, в архив Советской Армии.

В переписке о котелках, закупках лошадей, о состоянии красноармейских бань — несколько документов, проливающих свет на тогдашнее положение в Оренбурге.

В середине мая возникло «дело» Великанова. Отбросив противника, начальник обороны Оренбурга решил преследовать дутовцев. Задача не была выполнена, защитники города понесли потери. Тогда подняли голос бузотеры: вспомнили, что в царской армии Великанов был прапорщиком. В полку начались волнения. Великанов был схвачен, ему грозил самосуд.

Инцидент удалось быстро ликвидировать, но местные власти считали, что авторитет Великанова подорван. На пост начальника обороны города они предлагали оренбургского губвоенкома.

Новицкий был солидарен с губкомом, а Гай — нет. Он считал Великанова храбрым и честным командиром. Доказывал, что привлекать к ответственности нужно не начальника обороны Оренбурга, а тех, кто подстрекал учинить самосуд. Великанов остался на своем посту.

Однако в телеграмме, адресованной Гаю, Фрунзе почему-то назвал Великанова «бывшим начальником обороны Оренбурга». Гай с этим не согласился, послал в Реввоенсовет Южной группы ответную телеграмму: Великанова никто не снимал; он не бывший, а действующий начальник обороны...

Между тем положение Оренбурга все ухудшалось. Гай шлет депешу за депешей с просьбами о присылке резервов, и в первую очередь конницы, в осажденный с трех сторон город. Они убедительны, вески, аргументированны, эти требования.

«...Если находите необходимым удержать Оренбург во что бы то ни стало,— телеграфирует он командующему Южной группой,— то прошу о срочном усилении Оренбургской группы не менее чем бригадой пехоты, двумя кавалерийскими полками, двумя батареями, принять срочные, действенные меры для прикрытия армии».

Аналогичные требования, но еще в более категорической форме были высказаны Оренбургскими губкомом и губисполкомом в обращении к Ленину. 12 мая Владимир Ильич телеграфировал Фрунзе:

«Знаете ли вы о тяжелом положении Оренбурга? Сегодня мне передали от говоривших по прямому проводу железнодорожников отчаянную просьбу оренбуржцев прислать 2 полка пехоты и 2 кавалерии или хотя бы на первое время 1000 пехоты и несколько эскадронов. Сообщите немедленно, что предприняли и каковы ваши планы. Разумеется, не рассматривайте моей телеграммы как нарушающей военные приказания».

Требование оренбуржцев и по времени и главное по смыслу перекликается с гаевским.

Ровно через десять дней В. И. Ленин повторно запрашивал:

«На мою телеграмму от 12 мая об Оренбурге до сих пор от вас ответа нет. Что значит ваше молчание? Между тем из Оренбурга по-прежнему идут жалобы и просьбы о помощи. Прошу впредь более аккуратно отвечать на мои телеграммы. Жду ответа».

Чем объяснил свое десятидневное молчание Фрунзе?

Здесь я должен сделать небольшое отступление, рассказать о письме, полученном из Оренбурга от офицера в отставке Федора Сидоровича Сисемка. Кроме небольшой записки в конверте лежала страница «Южного Урала», озаглавленная «Боевая слава рабочего Оренбурга». Газета напечатала обе ленинские телеграммы и в урезанном виде ответ Фрунзе.

«На вашу телеграмму от 22 мая,— писал он Ленину,— сообщаю следующее: по существу Вашего требования в отношении Оренбурга все, что только позволяли сделать

средства, находившиеся в моем распоряжении, сделано. Должен доложить, что этих средств для исчерпывающей помощи Оренбургу и одновременного с этим разрешения задач на основном Уфимском направлении совершенно недостаточно. Но во всяком случае помощь для удержания самого Оренбурга впредь до решения вопроса на основном направлении была подана достаточная, как это и подтверждают сообщения последних дней...»

На этом месте редакция обрывает телеграмму. Ее концовка имеет немаловажное значение для восстановления истины. Не потому, что здесь Фрунзе извиняется перед Лениным за несвоевременный ответ и объясняет задержку тем, что в момент получения телеграммы находился на фронте, а потому, что командующий группой резко оценивает действия оренбургских организаций:

«Считаю, что поток оренбургских слезниц по бесчисленным адресам в значительной степени объясняется собственным неумением правильно использовать силы и средства, бывшие в распоряжении Оренбурга».

С его оценкой редакция, по-видимому, не согласна. Между тем Реввоенсовет Южной группы, как нетрудно понять из текста ответной телеграммы, главное внимание уделял основному, Уфимскому направлению. Туда в первую очередь посылались подкрепления, оружие, боеприпасы. Силы защитников Оренбурга оказались на исходе, и поэтому требования Гая о помощи, поддержанные губкомом, нельзя считать «слезницами».

Майстрах был свидетелем острого разговора Гая с Новицким, происходившего в середине мая, как раз в те дни, когда В. И. Ленин требовал от Фрунзе: «Сообщите немедленно, что предприняли и каковы ваши планы?» Все же хотелось разыскать подтверждение услышанному. И оно нашлось.

Разговор Гая с Новицким, при котором, по-видимому, присутствовал Майстрах, происходил 15 мая. Гай докладывал о положении в Оренбурге, об огромных потерях, вновь требовал подкреплений. Новицкий обещал их прислать, называл новые сроки, которые явно не устраивали командарма.

«Гай. Я понимаю, но все это продолжается десять дней. Вы наложили на меня ответственность за Оренбург, но наши отчаянные крики остаются почти без внимания. Ежедневно убивают по 100—200 рабочих, и каждую ми-

нуту, днем и ночью, зовут меня к аппарату из Оренбурга. Я окончательно заболел от нервозности. Придется самому сделать отчаянный шаг. Сообщаю для сведения: я сделаю последнюю попытку, оголю район Илецкого Городка, то есть ближний фланг армии и Южной группы и направлю 211-й полк в Оренбург до обещанной помощи из Центра. Какова будет судьба Сорочинска и Новосергиевской, не знаю».

Один из сподвижников Гая, читавший книгу в рукописи, настойчиво советовал не приводить полный текст этого разговора командарма с Новицким, поставить отточия, означающие пропуск отдельных слов, а иногда и целых фраз. Говорил, что высказывания Гая похожи на «оренбургские слезницы», высмеянные Фрунзе. Они, мол, характеризуют командарма не с лучшей стороны.

Я не мог так поступить. Я показываю Гая таким, каким он был в жизни. Да, он действительно считал нужным временно уйти из Оренбурга, когда Первой армии угрожало окружение, и заявлял, что город надо удержать, когда были мобилизованы для его защиты силы.

Узенькая бумажная полоска. Всего лишь несколько строк. Но каких! Телефонограмма адресована начальнику обороны Оренбурга Великанову.

«Орским полком пользуйтесь по вашему усмотрению. Об оставлении города речи не может быть. Гая».

Итак, твердая директива: «Об оставлении города речи не может быть». Все это продолжалось до 25 мая, то есть до того дня, когда все атаки противника были отбиты и Гаю по приказу командующего Восточным фронтом предоставили отпуск для лечения.

Слово «отпуск» оренбургский историк и краевед Борисов пытался истолковать как снятие с поста командарма.

Еще до поездки в Оренбург я прочел телеграмму, раскрывающую многое. Помог ее найти Павел Подляшук, автор популярной книги «Товарищ Инесса». В то время, когда я занимался Гаем, он изучал архивные материалы о видном ученом-большевике Штернберге, бывшем члене Реввоенсовета Восточного фронта.

В телеграмме командующего фронтом, посланной 19 июля 1919 года в Реввоенсовет Республики, моему коллеге бросилась в глаза фамилия Гай. Сообщалось, что «командарм-13 заболел. Требуется немедленное за-

мещение его энергичным кандидатом». Выдвигались пять кандидатур, и в их числе — Гая.

От ветеранов Первой армии я слышал, что командарм, покидая Оренбург, написал бойцам и командирам прощальное письмо. Пока этот документ не обнаружен. Зато в Ульяновске выявлен другой не менее ценный материал — выписка из протокола объединенного заседания Симбирских губкома и горкома, на котором 31 мая слушалось сообщение Гая. Его речь была посвящена героизму оренбургских рабочих.

«Когда я уезжал из Оренбурга, настроение в частях и среди рабочих было боевое. Под Оренбургом мы потеряли около пяти тысяч человек... Оренбург мы не могли сдать, мы потеряли бы очень многое. Рабочие это вполне учитывали и дрались как львы против лучших сил противника из офицерства и ударных частей белой армии».

Две архивные находки — московская и ульяновская — подтверждали, что после Оренбурга авторитет Гая не померк. Командование фронта выдвигало его на ответственный пост наряду с четырьмя другими энергичными военачальниками. Ульяновский документ еще раз свидетельствовал, как дороги были Гаю рабочие полки Оренбурга, как переживал он потери, вызванные многодневной обороной города.

И май перестал быть «загадочным».

— Я же вам говорил! — обрадовался Борис Владимирович, когда я снова посетил его в госпитале.— Очень хорошо, что в архиве сохранились документы. Да, армия Гая, в рядах которой сражались героические рабочие полки, отстояла город, удержала оренбургский плацдарм и тем самым помогла Бузулукской группе осуществить свою задачу. Недаром Реввоенсовет Республики наградил Гая орденом Красного Знамени.

— За Симбирск и Самару,— уточнил я.

— И за Оренбург, за умелое командование.

Так оно и было. В постановлении Реввоенсовета Республики от 8 августа девятнадцатого года отмечалось, что Г. Гай удостаивается высшей награды Республики «за проявленную им в бытность начальником 24-й стрелковой дивизии и командующим Первой армии особую храбрость и мужество при боевой деятельности на Восточном фронте, где под его непосредственным

начальством и при личном участии была освобождена от чехословацких и белогвардейских банд часть Волги и взят целый ряд городов».

Пусть не посетует читатель на длинные цитаты: без них не обойтись. История требует веских и неопровержимых фактов.

После того, как эти факты стали достоянием читателя, сразу же откликнулась газета «Южный Урал»:

«Долгое время Гая обвиняли в отказе от обороны Оренбурга... Это, например, пытался доказать военный историк В. Воробьев, книга которого многие годы служила важнейшим источником при изучении оренбургских событий апреля — мая 1919 года. Помогли встречи с теми, кто непосредственно участвовал в обороне города и знал Гая. Помогла поддержка таких энтузиастов, как И. Т. Поддубный, М. В. Вельмякин и многие другие. Помогло глубокое изучение военной истории по архивным материалам, в том числе вводимых в научный оборот впервые».

Отправляюсь к В. Воробьеву, автору книги «Оборона Оренбурга».

Вначале он явно был не рад нашей встрече. Но когда все неопровержимые факты были выложены на стол, заговорил по-другому.

— Я напишу новую книгу об обороне Оренбурга,— решительно заявил Воробьев.— Совсем по-другому. Приведу вновь найденные документы, использую воспоминания ветеранов Первой армии, находки юных следопытов, и люди узнают, как много сделал Гай для обороны Оренбурга.

Разговор с Воробьевым был последней нитью в распутывании оренбургского узелка.

Глава восьмая

С ВОСТОКА НА ЮГ, С ЮГА НА ЗАПАД

На новом фронте

В конце лета Гай простился с Волгой и Уралом. На востоке недобитый Колчак поспешно отступал, а на юге Деникин, захватив Харьков, Курск, рвался к Орлу. А отсюда рукой подать до Москвы.

В те дни партия звала: «Все на борьбу с Деникиным!» Сентябрьский пленум ЦК признал необходимым перевести с других фронтов на Южный ответственных работников — коммунистов и часть лучшего командного состава. К лучшим относился и Гай.

К тому времени командарм-13, которого он или кто-то другой из пяти кандидатов должен был заменить, выздоровел и вернулся в строй. Нужда в его замене отпала.

Однако Гай не добивался той должности, какую он занимал в Оренбурге. Как коммунист он считал, что должен находиться там, где революции угрожает наибольшая опасность. А она возникла на Южном фронте. Туда Гай и рвался, не думая о постах и окладах, считая все это третьестепенным делом.

В книге Г. Айрапетяна «Легендарный Гай» приведен разговор главнокомандующего всеми Вооруженными Силами Республики с Гаем, состоявшийся в том же тревожном сентябре:

«...Не закончив лечение, Гай поехал в Москву к вновь назначенному главкому С. С. Каменеву.

Увидев бледное лицо Гая, Сергей Сергеевич сказал:

— По всем приметам видно, что вы, товарищ Гай, преждевременно покинули лазарет.

— Не могу больше. Как большевик и солдат прошу вас направить меня на Южный фронт.

— Ну что ж, решение, как всегда, принято наиболее целесообразное,— улыбнулся Каменев.— Однако придется немного подождать. Дело в том, что вакансии на должность командарма пока что нет.

— Дорогой Сергей Сергеевич, пошлите меня на батальон, полк, в дивизию. Разве солдату не безразлично, на какой должности защищать революцию?

Главком горячо пожал руку Гаю.

— Ладно! Как старого боевого друга пошлю вас на дивизию. Только чур без обиды.

— Спасибо, товарищ главком.

Через несколько минут Гай покинул кабинет главкома. Отныне он начальник 42-й дивизии 13-й армии Южного фронта».

Кроме номера это воинское соединение имело еще название «шахтерская дивизия»: она была сформирована в Донбассе в основном из горняков.

Дивизия пролетарская, крепкая. Не везло ей только с начдивами: одного пришлось снять, другой попал в плен. Почему первого пришлось сместить, объяснил ветеран этой дивизии, военный писатель И. Дубинский:

«В ту пору, когда массы с трудом привыкали к авторитетам, всякий неосторожный шаг мог привести к взрыву. И вот нашего начдива, за которым лишь утром полки не колеблясь шли в бой, вечером на перроне Дебальцево бойцы, возмущенные его грубостью, подняли на штыки».

Новому начдиву А. В. Станкевичу бойцы верили, называли его «наш первый советский генерал». Приставка к воинскому званию «наш первый советский» родилась потому, что Станкевич одним из первых военных специалистов старого времени стал под знамена Красной Армии. Как человек, искренне любящий родину, он, не в пример Муравьеву, считал, что должен идти с трудовым народом, а не против него.

Из-за измены одного из штабистов Станкевич был схвачен белыми. Деникинцы пытались уговорить генерала перейти на их сторону и даже составили от его имени обращение к офицерам бывшей царской армии, поступившим на службу в Красную Армию, упрашивая его:

— Подпишите, Антон Владимирович, что вы заблуждались, а теперь, осознав свою вину, отрекаетесь от большевиков. Посоветуйте своим сослуживцам поступить так же.

Станкевич отверг это предложение. Ему напомнили о чести мундира и даже принесли в тюремную камеру полный комплект генеральского обмундирования с орденами и медалями, другими наградами, которых он был удостоен за сорок лет службы в старой армии.

— Одевайтесь, и вы свободны. Вместе войдем в Москву.

Антон Владимирович решительно отказался «входить в Москву» вместе с теми, кто предал свой народ.

«Несговорчивого» Станкевича доставили в ставку Деникина. Белый и красный генералы хорошо знали друг друга: в царской армии их называли «два Антона».

Напрасно Антон Деникин пытался склонить на свою сторону Антона Станкевича, обещая в случае согласия предоставить ему высокий пост в армии или послать за границу в качестве доверенного лица.

Ни посулы, ни угрозы не поколебали первого советского генерала. Испытав все средства воздействия, белые убили его. Подымаясь на эшафот, красный генерал оттолкнул палача и сам накинул петлю.

Все это произошло в деревне Золотарево, под Орлом, на глазах согнанной на площадь многочисленной толпы.

Когда деревня была освобождена, тело Станкевича по решению Советского правительства перевезли в Москву.

Первого красного генерала похоронили у Кремлевской стены. Он лежит рядом с видными деятелями Коммунистической партии — В. Воровским, П. Войковым, Н. Наримановым.

В мирное время Гай часто приходил на Красную площадь поклониться праху своего товарища по оружию, вспоминая те места, где он воевал и где погиб.

В 42-й Гай пробыл недолго, но след после себя оставил заметный. По нему не раз ходил ветеран этой дивизии, ныне гвардии полковник Григорий Толокольников.

— После потери Донбасса и большей части Украи-

ны,— вспоминал он,— мы вынуждены были отступить за Белгород. Что и говорить, настроение было неважное: белые брали город за городом. И вдруг в несколько дней на нашем участке все изменилось. Появился Гай. Его первый приказ начинался со слов: «Я, бывший начальник Железной дивизии, которая освободила Симбирск, Самару, Оренбург...»

Об этой легендарной дивизии и ее командире до нас, южан, долетали добрые вести. О безграничной храбрости Гая сообщали московские, местные газеты и «солдатская почта».

Свидетельство Г. Толокольникова перекликается с воспоминаниями И. Дубинского, напечатанными в газете «Правда Украины»:

«Бойцам понравился очень темпераментный и очень обходительный новый начдив. А тут подоспели и горяченькие деньки. Враг захватил Курск. Советское командование решает подсечь под основание группировку белых и создает для этого сгусток сил, ядро которого составляет 42-я дивизия.

Гай, лично воодушевляя атакующих, добивается с первых же дней крупной победы. На правом фланге его конница захватывает Корочу и рвется в тыл к Деникину. Часть сил шахтеров наступает на Белгород, левый фланг захватывает Валуйки и угрожает Купянску, передовые отряды устремились к Харькову. В стане белых переполох, но Деникин бросает на тылы тринадцатой армии конницу генерала Мамонтова.

В этой труднейшей ситуации, когда ряд советских дивизий очутились в полукольце, лишь доблесть, мастерство и личное влияние Гая смогли двинуть 42-ю дивизию на новые подвиги».

«Была возвращена не только Короча, — дополняет И. Дубинского москвичка Анастасия Вольская, служившая в этой дивизии.— Умелым маневром Гаю удалось сорвать попытки противника, замкнуть кольцо. Бои велись за Новый Оскол. Белогвардейцы несли большие потери, но и мы тоже теряли лучших бойцов».

Вольская присутствовала на митинге у братской могилы в селе Козачок. Здесь были похоронены герои-шахтеры. Короткая взволнованная речь Гая была обращена и к воинам, стоявшим у свежевырытой могилы, и к босоногой детворе, пришедшей на митинг.

— Вот эти Саньки, Маньки,— говорил Гай,— будут не только свидетелями, но и строителями нового мира. Они доведут начатое нами дело до конца.

Несколько лет назад Вольская побывала в Козачке и убедилась, что многие из тех, кого начдив назвал Маньками и Саньками, дожив до наших дней, стали учителями, агрономами, врачами. Им, как и Вольской, запомнился командир-кавказец в белой папахе, вспомнились слова, сказанные на митинге.

Новый Оскол, Белгород! Названия этих городов упоминаются в телеграммах РВС 13-й армии, посланных в адрес начдива:

«Реввоенсовет 13-й армии приветствует нового начальника дивизии и его дивизию с успехом и твердо уверен, что доблестно начатое наступление завершится полной победой над врагом при наличии такого примерного и точного исполнения боевых приказов».

«Примерное и точное исполнение приказов» — это характерная черта Гая.

Другая телеграмма получена после освобождения Нового Оскола:

«Реввоенсовет 13-й армии вновь приветствует доблестную дивизию и ее решительного начальника со взятием второго города. Очередь за Белгородом, и мы уверены, что не позже завтрашнего утра вы будете там и приготовите нам хороший прием».

Гай не успел освободить этот город: он был отозван в распоряжение Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики. Неожиданный вызов объяснялся тем, что противник ввел в действие казачьи корпуса и крупные конные группы. Их стремительное движение угрожало жизненным центрам страны.

Что могла противопоставить молодая Красная Армия огромной массе казачьей конницы? Два корпуса, отдельные части общевойсковой конницы. В самый критический момент партия бросила клич: «Пролетарий, на коня!» Тогда же был издан приказ Реввоенсовета Республики, гласивший:

«Из всех частей, фронтов, имеющих добровольцев и кавказцев-кавалеристов, командировать таковых в распоряжение т. Гая Бжишкянца в количестве 10—15 человек от отдельной части, а из запасных частей без ограничения числом.

Район формирования дивизии — Средняя Волга».
Где это место? Какой волжский город мог разместить столько кавалеристов: Самара? Симбирск? Сызрань? Ни в одном из них новая дивизия не формировалась. Где же?

На этот вопрос ответил Лев Ильич Зимон, живший в Ташкенте. В кавалерийской дивизии он занимал скромную должность квартирьера. Новая конная часть носила длинное название: 1-я Кавказская красная Дикая кавалерийская дивизия.

— Первой она называлась потому,— объяснял Зимон,— что на самом деле была первой кавалерийской частью, созданной не на фронте, а в тылу. А Кавказской — в нее записывались добровольно сыны Кавказа и Закавказья. Были уроженцы Волги и Урала.

— А откуда взялось название «дикая»?

Лев Ильич поправил пенсне.

— Как известно, Гай насаждал порядок, искоренял партизанщину и в то же время любил все, что звучало внушительно, громко! Если эскадрон — то стальной, если батарея — то ударная, если дивизия — то железная. Возможно, название «дикая» он придумал для устрашения противника. А может, для соблюдения преемственности: ведь в первую мировую войну дивизия, сформированная из горцев, в приказах именовалась «дикой». В ней служили кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши. Генерал Корнилов намеревался бросить «дикую» против революционного Петрограда, но осекся.

— Это было в августе семнадцатого года, — продолжал Зимон. — А в двадцатом году конница Гая должна была идти на Кавказ. Ее путь лежал через горные аулы и селения. И начдив, как мне думается, заглядывая вперед, рассчитывал на помощь горцев, на то, что они присоединятся к нему, а потому перед словом «дикая» поставил слово «красная».

Сто квартир для товарища Гая

По решению Реввоенсовета Республики дивизия должна была формироваться в Симбирске. Туда и отправился наш квартирьер. Вопрос с жильем оказался трудным; город был заполнен военными. Тщетно пытался Зимон найти хотя бы несколько квартир для команд-

ного состава. Тогда он придумал ход: учитывая, какой популярностью пользуется начдив у симбирян, Зимон, заходя в каждый дом, объявлял: «Нужна квартира для Гая».

Фамилия начдива служила надежным ключом, открывающим сердца горожан. Молодой квартирьер ликовал. За три дня ему удалось подыскать сто квартир для командного состава!

Но возникли новые трудности: где разместить несколько тысяч конников? В Симбирске все казармы были заняты. Тогда Гай, с согласия Реввоенсовета, перенес свой штаб в город Саранск, нынешнюю столицу Мордовии.

Зимон вспомнил об одной очень важной партийной директиве. С нею Гай ознакомил Льва Ильича накануне отъезда на Волгу. Это был циркуляр ЦК РКП(б), посланный всем партийным организациям.

«Будешь в губкоме партии или в губисполкоме, непременно напомни товарищам об этом письме, — напутствовал Гай. — Скажи, что оно составлено по предложению Ленина. Ильич придает красной коннице большое значение».

Тщетно я пытался подробнее узнать содержание циркуляра, но Лев Ильич читал его один раз. Ему запомнилось, что в нем назывались две фамилии: Гая и Деникина.

Где искать этот документ? В Центральном партийном архиве? Там обнаружить не удалось. Обратился к литературе, посвященной истории советской конницы. В книге маршала С. Буденного «Пройденный путь» помещен циркуляр ЦК РКП(б) от 20 сентября 1919 года о строительстве красной конницы. Фамилии Гая в нем нет.

Может быть, не это, а другое письмо имел в виду Лев Ильич? В Симбирске он был в конце октября. Тогда город готовился отпраздновать вторую годовщину пролетарской революции. Вернее всего, директива ЦК была послана на места не в сентябре, а в октябре.

Дивизия Гая действовала на Маныче. Не сохранились ли в партархиве Ростовского обкома материалы о Кавказской дивизии?

... Рядом с ответом из Ростова, не принесшим ничего нового, на столе лежала записка. Ее оставила моя дочь:

«Срочно позвони Ф. Гарину. Он узнал о Гае что-то очень важное».

Фабиан Гарин писал тогда роман о маршале Блюхере, искал материалы о нем. Но Блюхер и Гай воевали на разных фронтах и, казалось, в годы гражданской войны не встречались.

— Да, они тогда не встречались, — подтвердил Гарин. — Но в Челябинске...

— Челябинск ведь Гай не освобождал...

— Это неважно. В Челябинском областном партархиве обнаружено циркулярное письмо ЦК партии, посланное 13 октября всем местным партийным организациям. Упоминается в нем Гай. Вот что говорилось в этом письме:

«Дорогие товарищи!

Всем ясно, что для успешной борьбы с конными частями Деникина нам необходимо создание своих красных кавалерийских частей, которые если и будут первое время несколько уступать врагам по своей численности, то по качеству и по своей готовности и способности защищать Советскую Россию должны быть неизмеримо выше их.

Деникин и с ним вся свора белогвардейцев спешат использовать как можно скорее и больше свое преимущество в количестве конных частей и бешено рвутся к Туле и Москве.

Деникин может рассчитывать вновь сосредоточить в одном месте значительные массы своей кавалерии и прорваться в наш тыл, разрушая и уничтожая все на своем пути.

Такому положению должен быть положен конец созданием своей мощной красной кавалерии.

Центральный Комитет РКП(б) предлагает всем партийным организациям, не теряя ни минуты, выделить из своей среды всех добровольцев-кавалеристов, в особенности же кавалеристов-кавказцев, и побудить к тому же профессиональные союзы, политотделы и другие учреждения Республики.

Всех выделенных таким порядком добровольцев-кавалеристов спешно направлять в Москву в Политуправление Республики, в распоряжение т. Гая.

Поименные списки выделенных и уже направляемых в Москву добровольцев-кавалеристов телеграфно со-

общить в ЦК с обозначением, от каких именно организаций они направляются.

Секретарь ЦК Елена Стасова».

Я знал, что Елене Дмитриевне уже за девяносто, она плохо видит, но все же в газетах, хотя и изредка, появлялись ее статьи. Обратился к друзьям Стасовой; они сообщили, что Елена Дмитриевна в больнице. Обещали навестить ее и все выяснить.

Через несколько дней я получил записку.

«Уважаемый Александр Михайлович! Мне прочитали страничку вашей рукописи, где приводится текст циркулярного письма ЦК РКП(б) от 13 октября 1919 года. Должна сказать, что это письмо — первая ласточка в ряду партийных директив по организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, открывающая весну нашей красной конницы. Трудное было тогда время, а если учесть положение на Дону и Кубани, политические брожения казачества, легко понять, каково приходилось практическим организаторам кавалерийских частей. Заслуга в этом деле т. Гая огромна.

Елена Стасова, 25 декабря 1964 года».

Соратница В. И. Ленина, бывший секретарь ЦК партии, подтверждала, что заслуги Гая в организации красной конницы огромны. Она назвала партийную директиву, обнаруженную в Челябинском архиве, «первой ласточкой, открывающей весну красной конницы».

Между тем неугомонный Гарин не оставлял без внимания ни одной заметки или книги, где упоминалось имя Гая.

Однажды он позвонил из исторической публичной библиотеки:

— Читал книгу профессора Воронина? Запиши.

— Какую?

— Название: «Достопримечательности Мордовии».

Я удивился: достопримечательности Мордовии и Гай?

Объемистый том. В нем 384 страницы. Девять — посвящены Гаю:

«...все, кто хоть раз видел этого героя, отзываются о нем как о командире беспредельной храбрости, как о человеке чутком и обаятельном, а кое-кто за душевность и привлекательность внешнего вида командарма и теперь называет его «красавцем Гаем».

Будучи подростками, и мы, саранские школьники, не раз слышали рассказы о том, как наши земляки — участники освобождения Симбирска (ныне Ульяновск) от белогвардейцев, в 1918 году воевали под предводительством этого героя. Вероятно, и теперь жив еще кое-кто из саранцев, рузаевцев и ардатовцев — участников этих боев».

Воронину удалось установить, что штаб дивизии Гая находился в одной из саранских казарм. У ее входа висел фанерный щит с мчащимся всадником с шашкой наизготовку. А над его головой крупными буквами было выведено: «Штаб 1-й Кавказской Красной Дикой кавалерийской дивизии».

Сюда со всех фронтов прибывали добровольцы. Почтальон ежедневно приносил сотни писем и телеграмм. Писали и те, кто когда-то служил под началом Гая, и те, кто слышал о нем от других. Случайно уцелела часть писем. Вот одно из них:

«Мы, старые бойцы 1-й Симбирской Железной дивизии, желаем служить у своего прежнего дорогого начальника товарища Гая. Владимир Мольский и Владимир Гнисика».

Дивизия была сформирована и экипирована в рекордный для того времени срок. Прошло немногим больше двух месяцев после того, как была отправлена на места директива ЦК РКП(б), а начдив уже телеграфировал из Саранска Главнокомандующему Вооруженными Силами Республики С. С. Каменеву:

«Уезжая на фронт с неудержимым желанием померяться силами с противником и освободить Кавказ, 1-я красная Кавказская дивизия шлет дорогому главкому товарищеский привет и горячую благодарность за оказанное содействие в деле скорейшего формирования Дикой дивизии и просит верить в ее силы и в то, что все самые трудные ваши задачи будут исполнены в точности».

В Ташкенте я познакомился еще с преподавателем философии Валентином Сорокиным, связистом Александром Земляковым, служившими в Кавказской дивизии. Правда, Земляков знал Гая еще раньше — по Восточному фронту, откуда он был переброшен на юг.

По прибытии к месту назначения комполка приказал Землякову вместе с другим бойцом (Александр

Алексеевич тогда ведал полковой связью) отправиться в штаб дивизии за телефонным имуществом. Но, не дойдя до штаба, начсвязи оказался в лазарете.

Еще не оправившись от болезни, он решил вернуться в свою часть. Поезда не ходили, дороги развезло. Отмахали с товарищем несколько верст — ноги распухли.

«Сидим мы на обочине и горюем, — вспоминал Александр Алексеевич. — Кругом степь да степь. Тишина. И вдруг слышим тысячекопытный топот. Идет кавалерия: все в черкесках, в башлыках. Наши или не наши? Оказалось, наши, а среди них мой земляк Владимир Анисимов. Посадил меня на коня — да к Гаю. «Служил в коннице?» Я с трудом ответил. Начдив не расслышал. Все объяснил Володя.

Я ожидал, Гая Дмитриевич откажется от меня: пехотинец, к тому же ослабевший, для кавалерии одна обуза. Что и говорить, были у него все основания отмахнуться. Но он так не поступил.

— Не падай духом, пехота, — ласково сказал Гай. — Когда отлежишься в нашем околотке, из тебя, может, неплохой конник выйдет.

Однажды на смотре начдив узнал меня и покачал головой: «Рано, дескать, выписался». Несколько раз пытался я потом подойти к Гаю, поблагодарить, но безуспешно: его всегда окружали конники.

В том же районе записался в Кавказскую дивизию бывший гимназист из Петрограда Валентин Сорокин, ныне преподаватель философии в одном из высших учебных заведений Ташкента. Пришел он к Гаю с одним седлом.

— Какой из тебя кавалерист без коня? — удивился начдив.

— Не тревожьтесь, товарищ командир. Коня я добуду.

— Украдешь?

— Зачем? В бою.

Первое боевое крещение красные кавалеристы получили, когда столкнулись со Сводно-Горской дивизией. Ей был нанесен такой же удар, какой в свое время Колчаку на Салмыше. В плен было взято две тысячи солдат и офицеров, захвачена батарея, полковые знамена. Преследуя противника, гаевцы понеслись к берегам Дона

и Маныча. Сюда после ударов, полученных под Орлом и Воронежем, стягивал свое войско Деникин. Он надеялся под прикрытием водных рубежей перестроить белую армию, накопить резервы и с помощью Антанты взять реванш.

После Волги фронтовая дорога снова свела Гая с Тухачевским, командовавшим Кавказским фронтом. По своей численности войска Тухачевского не уступали деникинским. В одном лишь враг превосходил — в коннице: у Деникина было на 25 тысяч клинков больше, чем у Тухачевского. Эту нехватку в значительной мере должна была восполнить Первая Кавказская дивизия, в рядах которой находился Сорокин. В первом же бою, раздобыв коня, Валентин показал себя с лучшей стороны.

Гай назначил смельчака командиром взвода, а позже отправил на учебу в одну из военных школ.

Прощаясь со мной, преподаватель философии как бы невзначай спросил:

— Известно ли вам, что Гай командовал не только кавалеристами, но и моряками — всей Доно-Азовской флотилией?

Я с удивлением посмотрел на Сорокина:

— А откуда это известно?

До сих пор я знал Гая как пехотного и кавалерийского командира. То, что под его началом находились морские силы Северного Кавказа, слышал впервые. Это было похоже на выдумку.

Прошу Сорокина назвать тех, кто мог бы подтвердить им сказанное.

— Мог бы военком нашей дивизии Голенко, в мирное время — председатель Верховного Суда СССР. Мог бы и начальник политотдела Яков Давтян. После войны — крупный советский дипломат, полпред в Иране, Греции, Польше. Но их уже нет. Должно быть, жив однофамилец героя шолоховской «Поднятой целины» Давыдов. В Дикой дивизии он командовал полком, а на Западном — бригадой. Гай называл его лихим комбригом. В Великую Отечественную Давыдов повел на немца дивизию. Говорят, что после победы он, трижды раненный, вернулся на Северный Кавказ, служил там краевым военкомом. Давыдов был ближе к Гаю, чем я. Он больше занимался историей дивизии.

Постарайтесь разыскать его. Если сам не вспомнит, то подскажет, к кому обратиться, где искать.

Из Москвы послал запросы в Краснодар и Ставрополь. Собирался перелистать личные дела Первой Кавказской дивизии и, пожалуй, так бы и поступил, если бы не попал во Дворец пионеров на встречу двух поколений. Когда я вошел в зал, вечер уже начался. Церемониалом командовал подтянутый, но уже немолодой генерал. Внесли знамя Третьего кавалерийского корпуса.

— Это знамя, — заявил генерал, — белорусские рабочие вручили моему родному корпусу, которым командовал герой гражданской войны Гай. Мне посчастливилось воевать под этим знаменем, быть комбригом.

Мы вышли на улицу, сели на скамью. Петру Михайловичу вспомнился зимний вечер, станица Иловлинская, где стояла его часть. Здесь же на дневку расположилась гаевская дивизия.

— Все хаты были заняты. Я приказал разместить конников вместе с моими бойцами, а Гаю предложил поселиться со мной. Он умел быстро сближаться с людьми и, представьте себе, в первый же вечер уговорил меня перейти из пехоты в кавалерию. На другой день было получено согласие начдива нашей стрелковой дивизии, и я пересел на коня.

С Кавказской дивизией Давыдов участвовал во взятии Великокняжеской, переправлялся через Маныч, двигался в лютую пургу через сальские степи.

В дороге начдиву Кавказской доставили сверхсрочную телеграмму:

«Обстановка требует действий в тесной связи друг с другом и общими силами бить нашего врага, а посему прошу вас по получении сего прибыть с вверенными вам частями в Средне-Егорлыкское, где связаться с Первой конармией. О принятых вами решениях благоволите уведомить меня. Командарм Первой конной Буденный, член Реввоенсовета Ворошилов».

Деникинцы стремились обойти Первую конную, нанести ей удар с фланга. Гай, своевременно связавшись с Буденным, разрушил планы противника: совместно с дивизией Блинова и 11-й кавдивизией Кавказская заставила противника отойти на исходные позиции.

Под Егорлыкской, которую Деникин хотел превра-

тить в крепость, произошло одно из самых крупных конных сражений. В тот день был густой туман. Когда он рассеялся, началась кровавая сеча. У врага было численное превосходство: на одного красного конника приходилось по пять-шесть белоказаков.

Бой шел с переменным успехом. Но вот со стороны белых двинулась новая мощная волна, и наши полки дрогнули. Хутор Грязнухинский — ворота в Егорлыкскую — пришлось оставить.

— Трудно сказать, чем закончился бы этот бой, — продолжал Давыдов, — если бы неожиданно не появился Гай со своим штабным эскадроном. По степи понеслось: «Гай с нами!», «Гай рубит!». Через несколько минут снова загудело: «Начдив ранен. Бей гадов!» Истекая кровью, он продолжал руководить боем. К вечеру наша дивизия вместе с блиновцами и бойцами одиннадцатой ворвалась в станицу Егорлыкскую.

— Кто тогда командовал одиннадцатой?

— Степной.

Я не случайно спросил о начальнике этой дивизии. В книге, изданной Высшим военным редакционным советом в двадцать втором году и озаглавленной «Сборник воспоминаний непосредственных участников гражданской войны», напечатана небольшая статья «Наши командиры». В ней рассказывается о Гае, Буденном, Тимошенко, о трех эпизодах из жизни этих прославленных полководцев.

«Завязался жаркий кавалерийский бой, шедший с переменным успехом... Уже под конец начдив Кавказской т. Гай бросился со штабным эскадроном в атаку на два пулемета противника, мешавших нашим частям, и во время рубки получил подряд две пулевых раны в правую руку. Гай, оставшись в седле, ввиду наступавших сумерек выводит дивизию из боя, отводит на те же хутора в непосредственной близости от противника, остается на всю ночь с конницей, несмотря на терзающую рану, и лишь утром после рассвета едет в станицу Лежанка, в штаб 11-й кавдивизии.

Прибыв к нам, начинает спокойно рассказывать все течение боя, пересыпая крепкими словечками, с бледным, но веселым лицом. Гай производит впечатление совершенно здорового человека. Снимают для перевязки бинты: вид раны довольно неприятный — рваное

мясо, кусочки костей; он смотрит на рану, улыбается и переводит взгляд на нас. И вот в этом-то взгляде и видна вся нравственная сила красного командира» [1].

Написал статью Степной. Инициалов нет. Не указана и должность автора. Давыдов пояснил, что начдив-11 имел двойную фамилию: Степной-Спижарный. Его дивизия вместе с Кавказской и блиновской, оттеснив мощную конную группу белого генерала Павлова, помогла Первой конной накопить силы и перейти в решающее наступление.

Воздавая должное Гаю, Маршал Советского Союза С. Буденный позже вспоминал:

«В суровые годы гражданской войны яркой звездой загорелось имя славного сына армянского народа, выдающегося советского военачальника Гая Дмитриевича Гая... В боях и сражениях Г. Д. Гай не только показал себя как талантливый командир и умелый организатор, но и проявил личное мужество, храбрость, дерзкую отвагу, за что его высоко ценили и горячо любили бойцы».

Быль или небылица?

И Сорокин и Давыдов утверждали, что в феврале после взятия Егорлыкской Гая освободили от должности начальника дивизии. Акт передачи он подписал левой рукой, хотя левшой не был. Правая была невезучей, дважды раненной, и все на Кавказском фронте.

Гай получил новое задание — сформировать Второй Кавказский корпус. Назначая его, Тухачевский высказал уверенность, что корпус будет крепок, как скала.

«Я хочу, — писал далее командующий фронтом, — чтобы ваш корпус был первым в советской кавалерии, вполне дисциплинированным и регулярным, для чего придется положить немало труда и энергии».

Гай передал дивизию Павлу Дыбенко.

«Сорокин, возможно, перепутал. Десантная операция

---

[1] «О нравственной силе Гая говорится в докладе военного комиссара Первой Кавказской Дикой дивизии РВС Десятой армии: «Тов. Гай пользуется большой популярностью среди кавказцев и умеет эту популярность приобретать отчасти личной храбростью, отчасти знанием психологии масс... С редкой настойчивостью и энергией он в короткий срок сформировал хорошую дивизию».

поручалась не Гаю, а Дыбенко. Ему и все карты в руки: природный моряк, бывший народный комиссар по морским делам в первом правительстве РСФСР. Когда его назначали на этот пост, друзья балтийцы предлагали присвоить «морскому министру» высокое воинское звание. Павел Ефимович наотрез от него отказался: «Я начинал борьбу в чине подневольного матроса. Вы произвели меня в чин свободного гражданина Советской Республики, который для меня является одним из самых высших чинов. Позвольте в этом чине продолжать борьбу».

И он продолжал ее и на Украине, и на Северном Кавказе, сменив бушлат на гимнастерку, продолжал, командуя пехотными и кавалерийскими соединениями.

— Нет, не Дыбенко, а Гаю поручал комфронтом морскую операцию, — заметил Давыдов, когда я рассказал о слышанном от Сорокина и высказал ему свои сомнения. — Если на этот раз старинковская память не обманет, то это легко подтвердить документально. Несколько лет назад я читал сердитую гаевскую записку, переданную Тухачевскому по прямому проводу.

— Простите, где читали?

— На Большой Пироговской, в архиве Советской Армии. Хотел переписать, думал, пригодится для мемуаров, да не смог: устал. Целый день провел в читальном зале, наглотался архивной пыли, начитался до ряби в глазах. От непривычной работы рука онемела. Взял на заметку лишь исходные данные: номера фонда, описи, дела, порядковый номер документа.

По ориентирам, записанным генералом Давыдовым, я легко нашел в архиве нужный документ.

«*Гай.* Здравствуйте, товарищ, желаю говорить с т. Тухачевским, если его нет в штабе, то передам запиской, прошу вручить ему.

Дежурный. Его сейчас нет, прошу дать записку.

Гай. Здравствуйте, товарищ комфронта! Приказание ваше от 16 февраля получено мною, разрешите по этому поводу высказаться. Дело в том, что с ведением десанта, а также с операциями морскими, флотскими я совершенно не знаком как кавалерист, совершенно не знаком с местностью Крымского полуострова, на котором придется действовать. Штаб вверенного мне корпуса сформирован из кавалеристов, и лиц, знакомых с

флотом, не имеется. Все учреждения штаба корпуса укомплектованы исключительно кавказцами, и перевод их из Кавказа на Крымский полуостров был бы нежелателен, они с большим рвением будут работать на пользу Советской власти на местности, уроженцами которой они являются, где они выросли и провели всю жизнь. Кроме этого, я сам кавказец, хорошо знаком со всем Кавказом, его народностями, обычаями, языком и прочее и с большей пользой для Советской власти, России, возьмусь за взятие Грузии, Армении и Азербайджана.

В чисто стратегическом отношении должен доложить, что одной дивизией при отсутствии достаточно сильного флота взять Керчь и побережье представляет большое затруднение, так как, насколько мне известно, все побережье и населенные пункты сильно укреплены при довольно сильной артиллерии. В Керченском же заливе имеется флотилия.

Ввиду всего изложенного убедительно прошу, если имеется возможность, возложить эту операцию на т. Дыбенко, который в настоящее время находится здесь, меня же оставить для действий на Кавказе. Тов. Дыбенко как бывший моряк хорошо знаком с флотом, а также с местностью Крымского полуострова, на котором ему пришлось оперировать в прошлом году и где он имел успех. Командарм и Реввоенсовет [1] также с моими доводами согласны и ничего не имеют против назначения т. Дыбенко.

Передаю по этому поводу записку т. Павлова: «Я лично от себя (конечно) частным образом считаю политическую десантную операцию невыполнимой и заранее обреченной на неудачу. В частности, просил т. Гая не брать с Кавказа и оставить его в распоряжении Десятой армии. Полагаю, что события на Кавказском фронте еще далеко не закончены и недалеко то время, когда т. Гай может быть использован полностью. С товарищеским приветом. *Павлов*».

Ожидаю ваш ответ сегодня, и если разрешите, буду дожидаться вашего приезда. Уважающий вас Гай. Я кончил.

---

[1] Речь идет об РВС Десятой армии, в которую входил корпус Гая.

Дежурный. Эту записку я передам комфронта и при его ответе вам сообщу, или, может быть, он пожелает с вами переговорить и подойти к аппарату.

Гай. Хорошо. Спасибо. До свидания».

Снимаю с архивного документа две копии: одну для себя, другую — для Давыдова. Генерал доволен. Рад, что память осталась ему верна.

— Я согласен с Гаем: Дыбенко был бы более подходящей кандидатурой для этой цели. На доводы комкора, что он кавалерист, что привык действовать на суше, а не на воде, Тухачевский напомнил Гаю, что на Волге тот не без успеха вел «пароходную войну». Гай ответил, что это было только один раз и что бойцы с берега вели огонь по кораблям.

Только в одном комфронтом был внутренне согласен с Гаем — в его стремлении поскорее ступить на землю Закавказья, освободить родные места, находившиеся под пятой буржуазных националистов. Но, как человек, отвечающий за целый фронт и видевший дальше других, Тухачевский ставил перед комкором главную задачу — очистить Крымский полуостров от Врангеля. Прежде надо добить белогвардейцев, изгнанных с Дона и Кубани, не дать им отсидеться в Крыму, иначе они могут ударить в спину. Что касается, кому поручать операции — Дыбенко или Гаю, то Михаил Николаевич, хотя и уважал их обоих, но Гая знал больше. Больше и опирался на него.

Гай перевел свой штаб в Темрюк и со свойственной ему энергией начал готовиться к десантной операции: проверил состояние кораблей подчиненной ему флотилии, их огневую мощь, побывал на побережье, выбрал наиболее удобные места для высадки пехоты.

Он уже ссылался на то, что не знаком с Крымским полуостровом, что принадлежит к другому роду войск, а «весь горел желанием поскорее изгнать барона Врангеля из Крыма, покончить с остатками белогвардейцев».

Эту фразу я прочел в неизвестном письме Гая. Григорий Сазонтов, научный сотрудник Ульяновского областного партархива, обнаружил в его россыпях небольшую записку. Комкор писал руководителям Симбирского губкома партии:

«Дорогие товарищи! Шлю вам с далекого Таманского полуострова сердечный коммунистический привет

от себя, а также от всего корпуса, где много симбирских товарищей храбро сражаются.

К несчастью, мой партийный билет утерян. Убедительно прошу, если только возможно, передать новый билет моему соратнику т. Титаеву [1], так как память о Симбирске и товарищах симбирцах очень дорога для меня. Взнос уплачен мною до 1 января 1920 года. А за весь 1920 год прошу получить от т. Титаева. Простите, правая рука у меня не действует, раздроблена кость, пишу мало.

Целую всех товарищей. Скоро покончим с остатками белогвардейцев, находящихся на Крымском полуострове, и тогда всех вас приглашу в Ялту на отдых.

Ваш Гай».

Встреча в Ялте не состоялась. Сроки высадки десанта на Крымский полуостров были перенесены: партия признала главным фронтом Западный. 25 апреля армии Пилсудского в союзе с Петлюрой начали наступление на Украину.

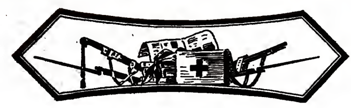
Из Темрюка, где находился в то время штаб конкорпуса, Гай послал Тухачевскому, назначенному командующим Западным фронтом, шифровку. В ней говорилось о твердом желании принять участие в боях с польской шляхтой.

«Дорогой Гай! — ответил Тухачевский. — Переброска штаба корпуса на Западный фронт решена положительно. Поскорее собирайся. Будем вместе бить польскую шляхту».

Кавказский корпус остался на месте. Руководство подготовкой десанта было возложено на начдива Николая Куйбышева, младшего брата Валериана Владимировича. На новый фронт Гай уехал лишь со своим штабом. Вместе с комкором отправился в Белоруссию и Петр Михайлович Давыдов.

---

[1] **Ординарец Гая И. Титаев находился с ним на всех фронтах. В мирное время работал председателем колхоза в Ульяновской области.**

Глава девятая

РУКОПИСЬ, ОБНАРУЖЕННАЯ В МИНСКЕ

Полуистлевшая заметка

Иду дальше теперь — по вешке, поставленной пожилой женщиной из Оренбурга, не пожелавшей назвать себя.

...Зимним вечером она сидела в кресле с вязанием в руках и изредка посматривала на голубой экран. Когда диктор произнес фамилию полководца, женщина вся обратилась в слух.

Гая Гай! Было это давно. В погожий летний день он шел по главной улице белорусской столицы, стройный, красивый. На белоснежном кителе три ромба. По этим знакам нетрудно было догадаться: незнакомец — крупный военачальник.

О том, что это именно Гай, она узнала через несколько дней, когда увидела в одной из местных газет его снимок. Бережно вырезала статью с портретом и наклеила в альбом. В каком году Гая Гай прибыл в Минск? Запамятовала: возможно, в тридцать втором, возможно, в тридцать третьем.

В один из переездов (муж был кадровым командиром, и его довольно часто переводили с одного места в другое) домашние вещи попали под дождь. Вода проникла в альбом: портрет поблек, часть букв и даже целые фразы оказались смытыми. Говоря языком архивистов, текст во многих местах «угас». Сохранилось семь слов, и то не полностью: «...профес... Гай... приб... Мин... орд... Ленина... Белорус...»

В таком виде ко мне попала от безымянной корреспондентки старая вырезка. И к ней приписка: «Может быть, вам пригодится этот полуистлевший газетный клочок».

Когда же Гай был в Минске? В тридцатых годах в белорусской столице выходило до десятка газет на разных языках. Среди них — молодежная «Красная смена». Имя полководца встречается часто. Оно стоит под обращением к комсомольцам Белоруссии, посвященном революционным традициям, под очерком о юном разведчике Васе.

Парень попал в конницу по путевке комсомола, когда красные конники находились на подступах к городу Вильно. Комкору понравился этот веселый и находчивый юноша: решил отправить его в Вильно на разведку, чтобы выяснить, какие там имеются укрепления, какие силы у белополяков.

Прежде чем дать Васе столь ответственное поручение, Гай поинтересовался, владеет ли парень польским языком.

«Не хуже белорусского», — ответил Вася. «А как маскироваться будешь?» — «Переоденусь в гражданское, перейду линию фронта, скажу, что сбежал от большевиков. Мне, конечно, поверят, попаду в Вильно, все разузнаю и сбегу».

Комкор рассмеялся. Васины ответы были наивными. Гай объяснил, как надо действовать в тылу противника, предложил хорошенько подумать, а потом прийти к нему.

Вася ушел. Вскоре явился ординарец Хачи и доложил комкору, что к нему настойчиво добивается какой-то «старый хрыч». С другими командирами разговаривать отказывается — требует «главного начальника». Гай приказал впустить.

Вошел сгорбленный белобровый старец в окулярах с крючковатой палкой в руке.

— Что угодно, гражданин?

Старик выпрямился:

— Зашел за письмом, товарищ комкор!

Видавший виды ординарец Хачи, ошарашенный такой переменой, воскликнул: — Ловко ты меня надул!

...Штабная машина увезла Васю к линии фронта. Через два дня юный разведчик должен был явиться к тому же месту. Но в условленный час он не вернулся, шофер приехал один. В штабе строили догадки: что случилось?

Вечером на командный пункт корпуса позвонили. Командир полка сообщил, что захвачена большая груп-

па белополяков и один из пленных просит разрешения поговорить лично с комкором. Это был Вася.

Перебравшись через линию фронта, он пришел в Вильно и сразу же направился по указанному адресу. Товарищ Х. накормил его, снабдил нужными сведениями, а также документами на имя польского солдата Казимира Станиславского и проводил в обратный путь.

Выйдя на шоссе, Вася пристроился к польскому санитарному обозу. Подводы направились в местечко, где шел бой. С обозом Вася попал в расположение батальона противника в момент, когда белополяки были окружены. Вместе с ними он сдался... своим. Произошло это в четыре часа дня. А по приказу комкора Вася должен был доставить сведения о противнике к двенадцати.

— Малость опоздал, товарищ комкор, но не по своей вине...

В последний раз Гай видел юного героя в Вильно. Шел уличный бой. Через мост, ведущий к центру города, двигалась колонна пленных. Их сопровождало несколько бойцов. Впереди, опираясь на винтовку, шел прихрамывая Вася — во время жаркой схватки он потерял вороного и шашку. С убитым конем упал в окоп к белополякам, повредил ногу, но не растерялся, даже пленных захватил.

Гай приказал выделить юноше другого коня. Сдав пленных и получив хорошего скакуна, Вася понесся туда, где не утихало сражение. Это был его последний бой.

Через несколько часов комкор увидел своего любимца: он лежал с простреленной головой. Возле Васи стоял его конь.

Так погиб русоголовый паренек, восхищавший своей храбростью и находчивостью Гая.

На другой день бойцы похоронили Васю в городском тенистом саду. На могиле комкор своими руками установил деревянную дощечку и на ней вывел слова:

«Тише, граждане! Здесь покоится тело восемнадцатилетнего юноши, белорусского комсомольца Васи, павшего за свободу и счастье всех трудящихся».

После того как очерк о нем появился в коллективном сборнике «Этапы большого пути», получив вторую жизнь, молодым героем заинтересовались юные следо-

пыты Москвы, Вильнюса, Минска и других городов. Они составили небольшой вопросник: «Почему Гай назвал только имя комсомольца, не указав его фамилии?», «Кто были его родители?», «Сохранился ли Васин портрет?», «Живы ли друзья его боевой юности?». Ребята поставили всех на ноги: были опрошены старики и старухи, живущие вблизи городских парков и садов Вильнюса, разосланы десятки открыток ветеранам конкорпуса. Ответы приходили разные. Одни прислали чертежи предполагаемых мест захоронения, другие советовали как вести поиск, третьи высказывали сомнение, существовал ли вообще Вася.

В дружном кружке юных историков и краеведов 20-й вильнюсской школы завелся червячок сомнения. Заколебалась и его руководительница Е. З. Бунимович. В ее руках, кроме «Этапов большого пути» и разноречивых ответов, ничего не было.

— Как быть? Не хочется верить, что Вася — вымышленный, не подлинный герой. Многие месяцы ищем, а результатов никаких. Стоит ли продолжать поиск?

При повторном чтении очерка «Комсомолец Вася» я заметил, что пропустил одну, на первый взгляд незначительную, но очень важную деталь — однострочную сноску, набранную нонпарелью: «Молодая гвардия», 1935, № 4.

Журнал в те годы редактировала известная советская писательница А. А. Караваева. К ней я и направился.

Анне Александровне — за семьдесят. Как и прежде, в утренние часы она за рабочим столом. Встретился с ней вечером. С Гаем она познакомилась в тридцать пятом году. Редакция журнала задумала напечатать серию очерков о молодых героях гражданской войны. Рассказать о них должны были не профессиональные писатели или журналисты, а советские полководцы, знавшие их лично.

С этой целью Анна Александровна позвонила в Военную академию и попросила позвать к телефону профессора Г. Д. Гая.

— Нам очень хотелось, чтобы первый очерк для журнала написал он, — вспоминала Караваева. — Гай ответил: «Хорошо». Тогда я совсем осмелела и вместо того, чтобы попросить его принять нас, сказала, что было

бы хорошо, если б Гая Дмитриевич зашел в редакцию. Он ответил: «Это можно».

Проходит несколько дней, и вдруг открывается дверь. Я сразу узнала Гая и... растерялась. «Что случилось, Анна Александровна? Чем вы так встревожены?» Я объяснила. Он рассмеялся таким веселым, открытым смехом доброго, сильного, романтического человека. Потом мы сели за стол.

— О ком, Гая Дмитриевич, вы хотели бы написать?

— О белорусском пареньке, комсомольце Васе. Настоящем герое, посмертно награжденном орденом.

Попросила написать поскорее. Гай согласился. И свое слово, как вы знаете, сдержал.

— Почему Гай не назвал фамилии героя?

— А вы обратили внимание, откуда он родом?

— Из Столбцов...

— Тогда они были оккупированы шляхетской Польшей. Если бы в журнале назвали фамилию юного героя, это могло бы повредить его семье. А вот его портрет, который Гай берег более четырнадцати лет, а потом передал нам...

Раскрываю четвертый номер журнала «Молодая гвардия». На первых его страницах один за другим портреты Владимира Маяковского, Николая Островского, Николая Полетаева... Под каждой фотографией имя и фамилия. И лишь под одним, занимающим целую страницу, стоит только имя. Это — Васин портрет.

В редакционной вводке говорилось:

«В этом номере «Молодой гвардии»... печатается повесть героя гражданской войны Гая Гай «Комсомолец Вася». Это не вымысел, а правдивое описание исторического факта, подвига восемнадцатилетнего юноши-белоруса. На снимке, сохранившемся у автора, портрет героя повести — комсомольца Васи».

Очерк понравился читателям, и редакция «Молодой гвардии» попросила Гая написать еще несколько зарисовок о молодых героях и героинях. В шестом номере журнала за тот же тридцать пятый год появился очерк «Молодые герои» с девятью подзаголовками. Один из них озаглавлен «Подвиги Коршуна».

Это — о смелом разведчике по прозвищу Коршун, совершавшем внезапные налеты на врага. Под Сорочин-

ском он пленил один нескольких белоказаков; в селе Погромном помешал дутовцам увезти пять тысяч пудов общественного зерна; под Орском пробрался в логово врага и «увел» два пулемета.

«Комсомолец Коршун, — свидетельствовал Гай, — лицо не выдуманное. Это доброволец Крестьянского полка Симбирской Железной дивизии, которой командовал я на Восточном фронте. Он был с Украины, настоящее его имя — Яков, фамилия Яковенко.

Несмотря на свою молодость (в 1919 году ему было восемнадцать лет), он имел уже много военных заслуг и на Чехословацком фронте совершил ряд блестящих подвигов.

Революционным военным советом Первой Красной Армии он был награжден золотыми часами за храбрость, а в 1919 году я его представил к ордену Красного Знамени, который Яша так и не успел получить.

Когда в Оренбурге мне сообщили, что Коршун в бою под Орском опасно ранен и находится в больнице, я немедленно послал к нему штабного врача Дворкина с поручением со слов Коршуна составить его биографию и описание военных заслуг для представления его к ордену Красного Знамени.

Вот что рассказывал о себе боец Яков Яковенко:

«Коршуном меня прозвали товарищи, с которыми я воевал полтора года на Украине добровольцем в отряде. В этом отряде ходил я брать и Херсон и Одессу, а прозвали меня так за то, что я всегда бросался вперед и любил громить петлюровцев, нападая на них из засады.

Я все время был конным разведчиком. В Крестьянский полк вступил добровольцем в Унече, брал с полком Симбирск, Ставрополь, дрался под Бузулуком и Оренбургом. Особенно много было интересного во время нашего наступления на Оренбургском фронте.

Смешно мне казалось только то, что некоторые товарищи боялись пуль и прятались, а я этого не испытывал: ни пули, ни снаряды меня не пугали. Все меня называли за это еще Колдуном, а покойный наш командир полка Барановский (он похоронен в Сорочинском саду) очень любил меня за то, что я смелый и всегда играю на гармонике впереди цепи...

Вот подлечусь немного и айда на фронт, в свой род-

ной Крестьянский полк... Я еще буду бить Колчака, хочу только просить т. Гая, чтобы дал мне новую шашку, а то без нее как-то неловко. Он меня, чай, помнит, золотые часы мне подарил. Да еще сняться бы у местного фотографа. Никогда еще в жизни не снимался. Хорошо бы матери показать».

На этом записи доктора Дворкина обрываются. Было известно, что Яковенко умер в больнице от заражения крови. Его похоронили с новой шашкой, которую ему незадолго подарил Гай.

В очерке говорилось, что Яковенко погиб в первой половине девятнадцатого года. Оренбургский журналист Виктор Пролеткин узнал от сорочинского краеведа А. Буцко, что жива дочь Якова — Екатерина Яровенко. У нее сохранилась отцовская фотография (как здесь не вспомнить о желании бойца сняться в военной форме, чтобы послать матери фотокарточку). После тяжелого ранения он был отчислен из армии. Прожил недолго. В двадцать первом году его унес сыпной тиф.

Итак, со слов дочери разведчика выходило, что он умер не от ран и что фамилия его не Яковенко, а Яровенко. Возможно, в рядах Первой армии кроме бойца Яковенко был еще и Яровенко?

Для установления истины имеет значение даже запятая. А тут целая буква.

Пришлось заглянуть в сборник, посвященный годовщине Первой армии. В нем на 23-й странице помещена заметка о добровольце Крестьянского полка Железной дивизии Яровенко.

«Неоднократно выходил цел-невредим из рук белых благодаря удивительной находчивости и храбрости, за что пользовался среди товарищей репутацией колдуна, которого «пуля не берет». Ранен под селом Зыковым при взятии двух пулеметов... Во время похода Гайдамак шел впереди наступающих цепей, играя на гармонике и веселя всю роту незатейливыми шутками». Крестьянский полк, Гайдамак, Колдун, Коршун — все совпадает. Детали, присутствующие в очерке, приведены и в журнале. О его существовании не знали Буцко и Пролеткин, а сельская фельдшерица Екатерина Яровенко тем более.

Вскоре из редакции «Южного Урала» пришел пакет с очерком В. Пролеткина «Отцовской дорогой» — рас-

сказ о том, как Катя Яровенко попала в Железную дивизию, стала ее бойцом. В Отечественную войну ее наградили медалью «За отвагу».

Так от Оренбурга протянулась нить к селу Первое Красное, к дочери отважного разведчика, фамилия которого не Яковенко, а Яровенко.

Третий очерк Гай назвал «Комсомолки, погибшие в боях» — о трех девушках, убитых на Волге. Одна из них, медсестра Лиза Данилова несколько раз как разведчица проникала в тыл противника:

«Помню, после неудачного боя под Самарой наши партизаны отступили из д. Усолье, в которую вошли с другого конца чехи. Сестра Лиза увидела отступавших партизан и побежала им навстречу. Ее глаза блестели от гнева. «Ах, вот как! — закричала она. — Вы боитесь чехов? Отступаете, трусы! Черт с вами, я пойду одна!» Она выхватила у одного из партизан винтовку и пошла на чехов.

Пристыженные партизаны немедленно повернули и под огнем снарядов и пуль пошли за сестрой Даниловой, навстречу врагу. Через час деревни Усолье и Климовка были взяты обратно», — свидетельствовал Гая Гай.

Закаленные, умудренные опытом бойцы удивлялись мужеству и хладнокровию Лизы. Один старый коммунист, рабочий Самарского трубного завода, наставлял:

— Смотри, сестра, береги себя и зря не лезь под пулю. Ведь мы на тебя, как на мать родную...

«Но она не послушалась. При взятии Верхнеуральска 24-й Железной дивизией, наступая вместе с передовой частью... сестра Лиза была убита казаками Дутова».

Среди погибших комсомолок Гай упомянул еще о двух замечательных девушках — Ане Сародиной, которую бойцы называли «товарищ Сережа», так как она была похожа больше на мальчишку, и о медицинской сестре Озеревской.

«С сестрой Озеревской я встретился в Инзенском лазарете, когда она уже выздоравливала после своего тяжелого ранения, — вспоминал Гай. — Взглянув на ее маленькое личико, я подумал: откуда брались у нее силы носить тяжелораненых красногвардейцев и какое нужно было иметь мужество, чтобы перевязывать их

раны в обстановке боя... Ее большие темно-серые глаза с бесконечной добротой и грустью смотрели на нас, раненых. Сколько в них было жалости и нежности! Сестру Озеревскую очень любили наши красногвардейцы. Они никогда не говорили в ее присутствии грубостей и под ее влиянием сами становились мягче.

Сестра Озеревская погибла во время боя у станции Майна, под Симбирском, когда она подошла к раненому красногвардейцу, чтобы сделать ему перевязку. Не успела она открыть свою сумку, как белогвардейская пуля уложила навеки нашу маленькую сестру Озеревскую».

Я был на станции Майна, где перестало биться сердце маленькой медсестры, был в городе Верхнеуральске, где белоказаки, по сообщению Гая, убили Лизу Данилову, встречался с местными старожилами, хотел записать о них какие-нибудь подробности, но ничего не узнал.

В Красной Армии женщин и девушек служило не так уж много. В Железной дивизии их можно было по пальцам пересчитать. Одна из них — Лия Дашевская — живет в Киеве: член партии с 1912 года, бывшая медицинская сестра, а потом политический комиссар санитарной части. В Оренбургском музее мне показали фронтовую фотокарточку. Девушка с орденом на груди и с револьвером на боку. Рядом с ней ее брат и однополчанин Петр Дашевский. На снимке трогательная дарственная надпись:

«Любимому брату Петрухе в память нашей совместной работы и борьбы в Железной дивизии. Мы с тобой прожили безотрадное детство. Зато наша молодость прекрасна. Счастливый ветер Октябрьской революции занес нас с Железной в оренбургские степи. Не находишь ли ты, что жгучая пурга оренбургских степей нам с тобой милей материнских ласк. Лийка — Петьке».

Дашевская пришла в дивизию уже после того, как погибли Данилова, Сародина и Озеревская. О них, естественно, она ничего нового не могла сообщить. Адреса остальных фронтовичек, служивших в Железной дивизии, ей также не были известны.

Из политотдела Железной, которая теперь называется Самаро-Ульяновской Бердичевской Железной трижды Краснознаменной орденов Суворова и Богдана

Хмельницкого дивизией, я получил небольшой список ее ветеранов, проживающих в Москве. Среди них — одна-единственная женщина, москвичка Елизавета Алексеевна Концепольская.

С нее и начал. По указанному адресу меня встретила пожилая, худенькая женщина.

— Озеревскую вы знали?

— Слышала о ней, но знакома не была.

— А товарища Сережу?

— Аннушку Сародину? Ее все товарищем Сережей звали... Это была огонь-девушка!

— И Лизу Данилову знали?

Концепольская улыбается:

— А как же! Очень хорошо знаю...

— Расскажите, пожалуйста, о ней.

— Да я и есть Лиза Данилова...

Я опешил. Передо мною сидела живая Лиза, та самая, что более сорока лет назад бросила смелый вызов растерявшимся и колеблющимся: «Черт с вами, я пойду одна!» — и, выхватив у струсившего бойца винтовку, повела за собой тех, кто дрогнул.

Глядя на нее, я подумал: откуда у этой хрупкой женщины с маленькими ручками хватало сил выносить с поля боя тяжелораненых, когда приходилось превращаться из сестры милосердия в сестру-бойца.

Обижена ли она на Гая за то, что он ее «похоронил»? Нисколечко. На войне бывало и не такое!

После боя Данилову унесли в полевой лазарет. Там выходили, поставили на ноги. Не зная об этом, полковой писарь механически занес Лизу в список погибших. А когда она вернулась в строй, Гай воевал уже на Южном фронте. С тех пор они больше не виделись.

Выйдя замуж, Лиза сменила девичью фамилию — стала Концепольской Елизаветой Алексеевной.

Участвовала не только в гражданской, но и в Великой Отечественной. Вместе с орденами и медалями, полученными на фронте борьбы с гитлеровцами, Елизавета Алексеевна хранит как самую дорогую реликвию, как память о своем дорогом командире — справку, подписанную Гаем.

Я несколько отклонился от письма читательницы из Оренбурга. И не жалею об этом. Полуистлевшая заметка заставила порыться в старых газетных и жур-

иальных подшивках, «найти» в них очерки Гая, «воскресить» Лизу Данилову, внести необходимые коррективы в биографию юного разведчика Якова Яровенко, установить, что белорусский комсомолец Вася, чей портрет был помещен в «Молодой гвардии», не вымышленный, а настоящий герой, и, главное, возбудить у юных следопытов интерес к тем, кого любил Гай.

Незнакомка из Оренбурга сообщала, что видела его накануне празднования годовщины освобождения Белоруссии от белополяков. Какой годовщины — в письме не было сказано. По изувеченной газетной заметке, по еле различимым буквам и отдельным словам угадывалось, что информация о приезде Гая в Минск могла появиться в одной из местных газет в дни, когда Белоруссии вручалась высшая награда — орден Ленина.

Торжества происходили в первой половине июля 1935 года, а Гай был арестован в ночь с 3 на 4 число. Следовательно, сообщение о его приезде в Минск могло быть напечатано не после, а до.

В «Красной смене» его не было. В белорусской рабочей газете, выходившей в те годы (она так и называлась «Рабочий»), за первое, второе, третье и четвертое июля — тоже. Наконец в номере за пятое число я увидел ту самую тронутую временем информацию, которая была получена из Оренбурга:

«Тов. Гая Гай в Минске.

2 июля из Москвы приехал в Минск профессор Военно-Воздушной академии им. Жуковского, бывший командир Третьего корпуса Красной Армии, имя которого связано с освобождением БССР от белополяков, т. Г. Д. Гай.

Тов. Гай приглашен на всенародный праздник — день освобождения Белоруссии от белополяков и вручения ордена Ленина нашей республике».

Все сомнения отпали: Гай прибыл в Минск 2 июля 1935 года на всенародное торжество. По всей вероятности, об этом печатались материалы в предпраздничных июньских номерах. Да и в газете «Рабочий» от 10 июня есть большая статья о героических действиях Третьего конного корпуса. К ней сноска: «Из книги Гая Гай «В боях за Советскую Белоруссию», выходящей скоро из печати».

Книга Гая о боях за Советскую Белоруссию! Казалось, за годы поисков удалось составить библиографию — все, что написал Гай и что написано о нем. Между тем минская газета сообщала о совершенно незнакомой мне работе.

Во Всесоюзной книжной палате, где регистрируется все печатаемое в любом уголке Советского Союза, начиная от маленькой афишки и кончая толстым фолиантом, книга о боях за Советскую Белоруссию ни в одной из карточек не значилась. Были все основания поставить точку, если бы...

«Маленькая мама»

Как-то в Приуралье меня пригласили в одну воинскую часть рассказать об Олеко Дундиче. Беседа затянулась. Посыпались записки. В одной — обычный вопрос: «Над чем работаете, о ком пишете?» Я ответил — о Гае.

— О Гае Гай? — повторил рослый сержант-сверхсрочник. — Я знаю его вдову. У нас в Рязани живет...

— Наталья Яковлевна?

— Она самая. Учительница.

— Давно ее видели?

— До службы в армии. Скоро три года.

Три года — срок немалый. Многое могло измениться. На мой запрос, посланный в Рязанский областной отдел народного образования, ответила сама Наталья Яковлевна. Она писала, что в первое же воскресенье приедет в Москву, остановится у сестры Гая — Александры Дмитриевны. Адрес был указан, час встречи — нет.

Я пришел раньше, пытался разговориться с сестрой героя, но Александра Дмитриевна о брате говорила в общих чертах: в семье он почти не жил — все на фронтах да в походах.

— Наташа больше знает, хоть на фронте с братом и она не была. А вот и она...

Наталья Яковлевна и внешне походила на учительницу: открытое лицо, пытливый взгляд, неторопливая речь. Строгая, подтянутая.

Познакомились они летом двадцать шестого года, когда Наталья Яковлевна была просто Наташей, Наташей Клоковой. Вместе с пионерами, которые не то в

шутку, не то всерьез называли свою вожатую «маленькой мамой», она приехала в Крым.

В то безоблачное июльское утро Наташа, как обычно, до завтрака отправилась к морю. Быстро разделась и поплыла. Наслаждалась морем и пела: безмятежно было у нее на душе. Вдруг за скалой она увидела байдарку с двумя незнакомыми мужчинами: один — пожилой, с бородкой, другой — помоложе, с виду кавказец. Девушка, испугавшись, круто повернула обратно. От неловкого движения свело ногу. Наташа растерялась, захлебнулась, стала тонуть.

Очнулась на берегу. Над ней склонился статный незнакомец с байдарки. Улыбаясь, спросил: «Почему испугалась? Разве мы похожи на разбойников? Мы отдыхающие». И тут же строго добавил: «Зачем, девочка, далеко уплываешь одна?»

Наташа ответила, что она не девочка, что ей уже полных восемнадцать. Поблагодарив своего спасителя, она побежала в лагерь, откуда доносились звонкие ребячьи голоса.

В конце недели в «Артеке» зажгли костер. К пионерам пришли гости из соседнего санатория. С ними красивый кавказец. Под мышкой у него был музыкальный инструмент, непохожий на все известные. Потом зажгли костер: пели ребята, пели взрослые. Кавказец играл на таре, исполняя песни своей родины.

«Какой веселый!» — подумала Наташа, но подойти первой к гостю не решилась. Да и он сделал вид, что не узнает ее.

Через два года она приехала в Москву, поступила в университет. Как и прежде, выезжала с пионерами на отдых, но уже не в Крым, а в Подмосковье. Незадолго до каникул заведующий кафедрой военного дела предупредил студентов, что вечером в Ленинской аудитории будет выступать герой гражданской войны Гай.

О нем Наташа читала в «Комсомолке», но ей и в голову не приходило, что это тот самый человек, который спас ей жизнь.

Когда собрание закончилось, Гай подошел к Наташе и при всех стал расспрашивать ее об учебе. Поинтересовался также, где и с кем проводит лето.

— Как всегда, с ребятами, — ответила она. — Меня назначили начальником пионерского лагеря.

— А можно ли мне, товарищ начальник, приехать к вам на выходной день?

— Пожалуйста, Гая Дмитриевич.

Гай приехал с шестилетней Тамарой.

— Это моя дочь, — сказал он. — С женой мы разошлись. Она в Риге, вышла там замуж, а дочь прислала мне. Я целый день в академии. Дома с ребенком дедушка, но шалунья его не слушает. Я всегда уважал отца и побаивался его, даже будучи командармом. А Томка — нет. Ребята называли тебя в Крыму «маленькой мамой». Будь и для Тамары мамой.

К осени Наташа стала не только Тамариной мамой, но и женой Гая Дмитриевича. Закончив университет, она работала в научно-исследовательском институте, а Гай руководил в Военно-Воздушной академии кафедрой истории войн и военного искусства, писал брошюры и книги.

Трехкомнатную квартиру на Усачевке кто-то в шутку назвал филиалом отеля «Москва». Гостиниц тогда в столице было мало, устроиться приезжему трудно, и радушный хозяин обычно оставлял у себя старых фронтовых товарищей. Он делился с ними всем: одеждой, книгами, медикаментами.

О гостеприимстве Гая я слышал от многих, в том числе и от бывшего командира красногвардейского отряда Я. М. Маракина. В начале тридцатых годов он приехал в Москву к Всесоюзному старосте с жалобой.

М. И. Калинин принял его, внимательно выслушал, а когда волжанин стал прощаться, спросил: «Где вы остановились?» — «У Гая, у моего бывшего командира» — «Гая Дмитриевичу привет передайте. Без таких народных полководцев, как Фрунзе, Блюхер, Гай, Чапаев, Красная Армия не сумела бы справиться с врагами».

Гай был разносторонним человеком: обладал способностями лингвиста, знал много языков, любил музыку, литературу. Его нередко видели в концертных залах, в московском клубе писателей. Но больше всего он увлекался военной историей и наукой и даже составил «Русско-армянский военный словарь».

Наталья Яковлевна была его первым читателем — она знала все написанное Гаем.

— И книгу «В боях за Советскую Белоруссию»?

— Помнится, она была набрана и сверстана, но не вышла.

Встретив как-то очеркиста Олега Моисеева, пишущего на белорусские темы, я рассказал ему о минской рукописи, о своей встрече с Натальей Яковлевной. Моисеев собирался в столицу Белоруссии, но предупредил, что надежд мало: в минских издательствах рукописи не уцелели, все архивы были сожжены в июле сорок первого года.

Сожжены!.. А может быть?.. Ведь бывали случаи, когда «сожженные» рукописи потом восстанавливались, как было, к примеру, с некоторыми толстовскими. Лев Николаевич Толстой велел своему секретарю предать огню написанные им листы, а тот, прежде чем выполнить волю писателя, каждую страницу сфотографировал.

Прошел год. Я уже забыл об этом разговоре. И вдруг утром первого апреля меня вызывает Минск.

— Она уцелела! — слышу в трубке прерывистый голос Моисеева.

— Кто?

— Верстка книги Гая.

— Вы сами видели?

— Нет. Рукопись хранится в архиве Института истории Компартии Белоруссии.

Я уже привык ко всяким неожиданностям, но, честно говоря, не поверил услышанному. Не первоапрельская ли шутка?

Наталья Яковлевна считала, что набор рассыпан. Но ведь типографские оттиски обычно делаются в нескольких экземплярах. Допустим, в типографии или издательстве один экземпляр уцелел. Его мог сохранить наборщик или печатник — сохранить до лучших времен. Мог это сделать и кто-нибудь из архивных работников.

С этими мыслями я шел по людной площади Минска — одной из красивейших площадей — к зданию Института истории партии.

Большие городские часы показывали начало девятого. В здании института, кроме пожилого, довольно хмурого дежурного, ни души. Смерив меня с ног до головы, он сухо спросил: «Что, гражданин, порядков не знаете? Архив работает с девяти». — «Я с поезда, не местный». — «Порядки везде одинаковые».

Чтобы как-то расположить к себе строгого стража,

я рассказал, зачем приехал, почему явился в архив в столь ранний час. Думал, что «открою» ему Гая, а старик только усмехнулся.

— Да какой же белорус не знает его? Родился он в нашей стороне, да и фамилия у него лесная: «Гай» по-белорусски «роща».

Я молча согласился, хотя знал, что Гай не из Белоруссии. Родился он в Тавризе 7 февраля 1887 года. Разговор с дежурным напомнил о письмах, полученных из разных мест Украины. И там, как и в Белоруссии, считают Гая своим: по-украински «гай» — это тоже «роща». Иные даже указывают населенный пункт, где якобы родился полководец.

Не буду рассказывать о том, как я волновался, когда получал из рук хранительницы фондов верстку книги, как вчитывался в каждую строчку, в каждую фразу. Вначале не верилось, что это и есть та самая книга, о выходе которой более четверти века назад сообщала минская городская газета.

На обложке крупными буквами набраны имя и фамилия автора. Ниже название по-белорусски: «У баях за Савецкую Беларусь».

Первая глава посвящена тревожным дням, когда временная передышка закончилась и молодая Советская Республика вновь вынуждена была мобилизовать свои силы на борьбу с белополяками. Эту войну партия рассматривала не как частную задачу Западного фронта, а как центральную задачу всей Рабоче-Крестьянской России.

Красной Армии впервые предстояло встретиться с армией капиталистического государства, опекаемого Францией и Англией и хорошо подготовленного к боевым действиям. После трехлетней изнурительной войны наша армия приняла вызов, брошенный зарвавшимися шляхтичами.

По пути в Белоруссию в Смоленске Гай встретился с командующим Западным фронтом М. Тухачевским и начальником политического отдела фронта А. Мясниковым.

«Эти товарищи на Восточном фронте,— писал он,— были моими непосредственными начальниками, и после блестящих побед над белочехами и Колчаком у нас установились весьма дружеские отношения.

Тов. Мясников, который тогда возглавлял Политическое управление Западного фронта, обильно снабдил нас литературой (на белорусском и польском языках) и дал хороших политработников-белорусов.

В Смоленске я получил приказание командующего Западным фронтом:

«Срочно сформировать в районе Десны Третий конный корпус и быть готовым в начале июля прорвать Польский фронт».

Для формирования корпуса в районе Десны, согласно приказу командующего, стягивались части Десятой и Пятнадцатой кавалерийских дивизий, но без тылов и необходимых органов. Признаюсь, приказ вначале меня не очень обрадовал. Дело в том, что на Кавказском фронте в составе Второго конного корпуса было 4 дивизии (около 8000 сабель), а здесь, на Польском фронте, против более сильного, вооруженного и хитрого противника мне дали две малочисленные кавалерийские дивизии (около 4 тысяч сабель) и без тылов.

Тов. Мясников при прощании утешал меня словами:

«Боевой друг, вопрос решается не количеством, а качеством. На Кавказе ты сформировал и командовал Вторым Кавказским корпусом, а здесь ты должен сформировать и командовать Третьим конным корпусом, которому суждено сыграть авангардную роль в освобождении трудящихся Советской Белоруссии. Твой корпус должен называться именем Белорусской Советской Республики, и на тебя возлагается большая и ответственная задача... Убежден, что оправдаешь надежды рабочих и крестьян Белоруссии».

Из Смоленска Гай со штабом отправился в район Полоцка, где были сосредоточены две дивизии — Десятая и Пятнадцатая. Пятнадцатая прибыла с юга и состояла из кубанцев и донцев, Десятая — с Урала. В этой дивизии, которой командовал герой гражданской войны Николай Томин, был 56-й кавалерийский полк. Комкор называл его «мой коммунистический» (в этом полку была самая высокая партийная прослойка — до 80 процентов коммунистов). Официально эта часть именовалась так: 56-й Путиловский Стальной кавалерийский полк.

В письме, посланном в Ленинград в Государствен-

ный архив Октябрьской революции, я сослался на третий том «Истории гражданской войны в СССР», в котором отмечалось, что Путиловский полк был в основном сформирован из рабочих Петрограда, а в следующем, в четвертом томе слова «в основном» сняты, а сказано прямо: «сформирован из петроградских рабочих».

Я очень рассчитывал на ленинградцев, которые кроме ценных документов наверное, располагали еще адресами ветеранов. Прошел месяц. Никто не откликнулся. Между тем в одной из московских радиопередач я неожиданно услышал, что Путиловский полк был сформирован не в Петрограде, а на Среднем Урале, в городе Кушва.

Кому же верить: историкам или радиожурналистам? Да и в верстке книги Гай лишь вскользь упоминал о путиловцах. Картина памятного события, происходившего утром 4 июля 1920 года, выглядела так.

Перед началом наступления в полках и эскадронах, скрытых в рошах и рощицах полоцкого плацдарма, был зачитан приказ РВС Западного фронта бойцам и командирам:

«Прежде чем броситься на врагов, проникнитесь смелостью и решимостью. Только наполнив грудь отвагой, можно победить. Да не будет в вашей среде трусов и шкурников в бою: побеждает только храбрый. Перед наступлением наполните сердца свои гневом и беспощадностью! Мстите за сожженный Борисов, поруганный Киев, разграбленный Полоцк! Мстите за издевательства польской шляхты над революционным русским народом».

Потом выступил Гай. Он обратился к бойцам с вопросом:

— Могу ли я от вашего имени обещать Советской стране, товарищу Ленину, что Третий корпус с честью выполнит возложенную на него трудную задачу? Могу ли я телеграфировать Центральному Комитету Компартии Белоруссии, что бойцы корпуса возьмут Свенцяны, Вильно, Гродно?

Бойцы дружно ответили: «Даешь Свенцяны! Даешь Вильно! Даешь Гродно!»

Красные конники двинулись навстречу врагу.

«Широко развернувшись, конные полки двух диви-

зий с обнаженными, сверкающими на солнце шашками вихрем неслись на запад. Было величественно красиво и страшно это могучее движение конной лавы».

Преодолевая лесисто-болотистую местность и озера, сметая на пути врага, конница овладела Свенцянским узлом. Позади остались линии немецких окопов, представлявшие собой лабиринт из проволоки, бетона и железа, которые не могла взять царская армия в течение двух лет.

«Великая китайская стена, — отмечал Гай, — ничто в сравнении с германскими окопами, на строительство которых так бесполезно были растрачены миллионы рублей трудового народа».

Потеря Свенцян, а затем и Вильно дезорганизовала тылы противника, вызвала в его стане панику, заставив Пилсудского изменить направление своего отхода.

Ключи от Вильно

Верстку книги, обнаруженную в Минске, я прочел несколько раз и при каждом чтении находил что-то новое. Взять хотя бы эпизод с раздачей земли белорусским беднякам в деревне Сестрицы.

Многие годы обширными полями и угодьями владел здесь польский помещик, бывший полковник кавалерии, ушедший в отставку из царской армии.

— Мы с вами соратники,— сказал он, заискивая перед Гаем.

— Только по роду оружия, и не больше,— отрезал комкор. — Я — бакинский рабочий, вы — польский помещик. Вы служили в лейб-гвардии его величества царя, а я служу в красной коннице его величества рабочего класса. Так что, хотите или нет, вам придется отдать землю тем, кто ее обрабатывает, кто удобряет ее своим потом.

Полковник стушевался. Подобные реформы Гай называл «советизацией на скаку».

Еще об одной любопытной встрече рассказал он — о знакомстве с другим полковником, представителем высшего командования литовской армии, которому Гай передал ключи от освобожденного Вильно. «На прощание литовский полковник торжественно поднял ру-

ку и воскликнул: «Да здравствует Красная Армия! Дай бог ей победы!»

На полях против этой фразы минский редактор поставил вопросительный знак. Возможно, он усомнился, что человек из враждебного лагеря мог заявить подобное.

До того как в Минске были обнаружены оттиски книги Гая, я прочел в «Правде», что в день освобождения на улицах Вильно братались литовские солдаты с красными конниками. Гай же писал о полковнике. Может быть, издателей тревожило, как бы после выхода книги в свет литовские буржуазные власти не объявили полковника «агентом Москвы»?

Позвонил в Вильнюс, в редакцию «Тиесы», ее тогдашнему редактору Генриху Зиманасу. Узнав, что я работаю над повестью о Гае, над литовской страницей его жизни, в которой много неясных мест, он посоветовал:

— Их станет меньше, если вы напишете для нашей газеты очерк о Гае. Быть может, отыщется след полковника. Ведь в старой литовской армии не так уж много их было.

Через неделю поезд доставил меня из Минска в Вильнюс. День был солнечный, воскресный. На вокзале, раскрывая шестиполосный номер газеты и не зная ни слова по-литовски, я по портрету Гая обнаружил в «Тиесе» собственную статью. Фамилия комкора на литовском языке звучит Гаюс.

Через несколько дней в «Тиесе» состоялась встреча с читателями. Никто из присутствующих Гая в Литве не видел, а большинство и не могло видеть: они родились после июля двадцатого года. О том, что Гай во главе своих полков дрался на берегах Вилии, руководил переправой через нее, а потом — уличными боями, они впервые узнали из опубликованной в газете телеграммы начальника штаба Третьего конкорпуса Эдуарда Вилумсона.

«Сегодня в 12 часов дня передовые части конкорпуса ворвались в город Вильно,— докладывал начштаба командующему армией. — После восьмичасового кровопролитного уличного боя под личным руководством командира корпуса т. Гая город Вильно взят. Противник отступил по гродненскому шоссе».

Впрочем, кое-кто читал не только эту телеграмму, но и мемуары И. Пилсудского «1920-й год», где маршал с горечью вспоминал, как сказалась потеря Вильно на моральном состоянии его войска.

«Влияние этого события стало отражаться на стратегическом расположении той и другой стороны. С этого момента и уж до самой Варшавы в первом пункте польских приказов каждый раз повторяется как бы роковое определение: «Ввиду обхода нашего левого северного фланга противником остальные войска отступают к западу... Следовательио, все стратегические предположения и планы лопнули в одну минуту из-за случайного боя под Вильно».

Ни в телеграмме, ни в мемуарах не встречается имя литовского полковника, не скрывавшего своих симпатий к Красной Армии. Кто он? Как сложилась его судьба? На встрече в «Тиесе» были высказаны советы, в каком направлении вести поиски; названы фамилии всех бывших полковников и геиералов литовской армии: тех, кого уже нет в живых, и тех, кто находится за границей.

Казимир Тамашаускаус — молодой человек лет двадцати пяти — представлял в редакции Государственный архив Литовской ССР. Жизнерадостный, любящий свою профессию, он давно понял, какое большое значение имеет для исследователя слово «архив». Казимир пообещал разыскать документы, связаиные с пребыванием Гая в Литве.

В партийном архиве сохранилась неполная подшивка «Бюллетеня Виленского военно-революционного комитета и политотдела Н-ской армии». В иомере от 25 июля под рубрикой «Телеграммы» напечатана корреспонденция о комкоре и его корпусе.

«В происходящих иа Западном фронте боях выдающуюся роль играет конный корпус Гая. Через иесколько дней после своего прибытия иа фронт конный корпус Гая первым перешел в иаступление против белополяков, прорвался через их расположение, зашел в тыл и начал деморализовать белые войска, опрокидывая их, разбивая, рассеивая и гоня перед собой по всему пути своего стремительного марша-маневра».

Вот что являла собой в то время гаевская конница.

«...Без преувеличения можно сказать, что гаевские

конные полки составляют одну из лучших частей Красной Армии. Хорошая экипировка, прекрасные лошади, великолепное обучение, бодрый, смелый и воинственный вид кавалеристов — такова общая картина конницы Гая. Прибавьте к этому ту любовь и уважение, которыми пользуется командир корпуса у своих подчиненных, и вы получите представление о слитной и крепкой, как монолит, коннице Гая».

Я сразу же позвонил Тамашаускаусу и прочитал ему эту заметку.

— Интересно! — воскликнул он.— Кто автор статьи?

— Александр Мясников, начальник политотдела Западного фронта.

— А я нашел приказ Гаюса, адресованный жителям Вильно.

— Полковник литовской армии в нем упоминается?

Казимир не успел ответить: нас прервала междугородная станция. А когда Тамашаускаус снова позвонил в гостиницу, меня увезли в больницу.

В приемный день Казимир явился в палату в приподнятом настроении. В одной руке он держал небольшой букет цветов, в другой — конверт со штампом Госархива.

— Разрешите, я прочту несколько строк из приказа командира Третьего конкорпуса,— предложил Казимир. Ему, по-видимому, хотелось, чтобы об этом, пока только ему известном, документе знали и мои соседи по палате, коренные жители Вильнюса.

— «Оставляя Вильно,— Казимир читал каждое слово раздельно,— гражданам города за теплую встречу Красной Армии и товарищеское отношение приношу искреннюю благодарность».

— И тебе, парень, наша благодарность за найденное и прочитанное,— заметил лежавший рядом старый коммунист Панфилов, в прошлом сельский кузнец по профессии, знавший литовский язык. Он читал «Тиесу» и был в курсе розыска.

Пока я находился в больнице, Казимир упорно подымал архивные пласты: просмотрел фонды за 1920 год, перечитал все уцелевшие комплекты газет. В «Лиетуве» его привлекла небольшая поправка. Официоз литовского буржуазного правительства публично каялся: в отчете среди высших чинов, прибывших в

Вильно, после того как Гай передал город местным властям, не был упомянут представитель английской миссии. Чтобы удовлетворить его тщеславие, редакция дала эту поправку.

В этой заметке фигурировали фамилии двух полковников литовской армии: Ладиги и Клещинскаса, которым по приказу Советского правительства Гай передал ключи от древней литовской столицы.

Кто же из них вел с Гаем дружескую беседу? Ладига? Нет. Полковник-лейтенант Ладига в девятнадцатом году громил Советы в Литве, был недругом новой России и, естественно, никаких здравиц в честь Красной Армии произносить не мог.

А Клещинскас? Он закончил в России военную академию, проходил службу в лейб-гвардии Волынском полку, который впоследствии прославился в Февральскую и Октябрьскую революции. В первую мировую войну он попал в немецкий плен. После возвращения в Литву командовал дивизией. У него была блестящая военная карьера. Через год Клещинскасу присвоили звание генерал-лейтенанта и назначили начальником Генштаба литовской армии.

Я попросил Казимира помочь мне разыскать кого-нибудь из бывших офицеров литовской армии. Им могло быть известно, что сталось с Клещинскасом.

Через несколько дней ученый архивариус явился ко мне опечаленный.

— Поиски придется прекратить.

— Почему?

— Генерала Клещинскаса расстреляли...

— Когда?

— В двадцать седьмом году.

— За что?

— За связь с Советским Союзом.

В палате воцарилась тишина. Это была никем не объявленная «минута молчания». Первым заговорил семидесятилетний литовец, человек острого ума и доброго сердца.

— Если хотите знать мое мнение, то генерал-лейтенант Клещинскас — это настоящий герой. Такой, как, к примеру, русский генерал Антон Станкевич. Оба они порвали со своим прошлым, с белогвардейцами. Станкевич похоронен на Красной площади. Надо найти мо-

гилу Клещинскаса и установить на ней памятник, разыскать родных.

О вдове генерала известно немногое — звали ее Марией Сергеевной. После гибели мужа она с маленькой дочкой уехала в Советский Союз. Поселилась не то в Пензе, не то в Сызрани. Позже выяснилось — в Кузнецке. Написав Марии Сергеевне, с нетерпением стал ждать ответа. Он был доставлен без задержки. Вдова генерала сообщала:

«Прошло около сорока лет после того, как погиб мой муж,— и вот ваш запрос.

Константин Карлович был настоящим патриотом: он любил Литву и любил Советскую Россию, ее Красную Армию, вернувшую в двадцатом году литовскому народу его древнюю столицу. Я горжусь, что моему мужу Гай передал ключи от освобожденного города и что, приняв их, Константин Карлович от всей души пожелал красной коннице победы.

Через семь лет после этой встречи муж был арестован и брошен в крепость. О, это был ужасный для меня удар. За одну ночь я поседела; голова тряслась, как у старухи, хотя мне тогда было тридцать пять лет. Каждый день я подходила к каменным стенам крепости, за которыми томился генерал, передавала ему посылки, письма... Не знаю, доходили ли они до него. После ареста мы не виделись. На суд меня не пустили. Последнего свидания не было.

Позже из газет я узнала, что палачи перед расстрелом пытались завязать Константину Карловичу глаза. Он отверг это, заявив: «Я солдат и повязка мне не нужна. Я погибаю за правое дело. Стреляйте без промаха...»

Посылаю вам последний портрет генерала Клещинскаса. Вот все, что у меня осталось...»

Буду рад, если эти записи вдовы генерала послужат толчком для писателя, который заинтересуется жизнью Константина Клещинскаса и поведает о нем широкому читателю. Мне же, идущему по дорогам Гая, надо торопиться...

Глава десятая

В НЕСКОЛЬКИХ ШАГАХ ОТ ПОБЕДЫ

Уральские путиловцы

Не всегда приходится открывать никем не открытое, находить никем не найденное. В большой пачке газет, которые скопились за месяц моего отсутствия в Москве, лежал уже успевший пожелтеть номер «Известий» со статьей «След героя».

Нет, это не о Гае. Правда, его фамилия упоминалась вместе с одиннадцатью выдающимися советскими полководцами.

Рассказ велся о Бабкине, бывшем командире Путиловского полка. Сообщалось, что Бабкин проживает в Ржеве.

Из городского комитета партии на мой запрос ответили: «Емельян Прокопович Бабкин умер в прошлом году».

Однако в статье было одно обнадеживающее место. Автор ее заявлял: «Последние два года я занимался сбором материалов об истории формирования и боевом пути Путиловского Стального кавалерийского полка. В ходе этой работы я предпринял настойчивые попытки отыскать оставшихся в живых однополчан. Сначала нашелся один, потом еще один... К началу этого года набралось пятнадцать человек, а теперь нас насчитывается уже двадцать восемь».

Среди них — сам автор статьи А. Орлов, бывший боец Путиловского Стального полка.

Вскоре нас соединила редакция областной газеты «Гродненская правда». Из местного музея Орлову переслали номер газеты с моей статьей «Три гродне-

ских дня и три гродненских ночи», и по ней он разыскал меня.

Судьба разбросала уральских конников по разным городам и весям, и, чтобы всех навестить, с каждым побеседовать, понадобились бы не один месяц и год.

...Орлов приехал из Ленинграда утром и ушел от меня поздно вечером. Он помнил, как конники Гая, овладев Гродно, вели упорные бои с противником, пытавшимся вновь вернуть город, как наводился наплавной мост через Неман и как радушно гродненцы встречали своих освободителей.

Вместе с бойцами находился Гай: он имел обыкновение в ответственные минуты появляться в частях и лично руководить боем на решающих участках. Так было, когда форсировали Нарев и когда бились под фортами крепости Ломжа. Комкор гордился Путиловским полком.

Вместе со своим однополчанином В. Беспаленко Орлов доказал, что некоторые историки упрощенно толковали название «Путиловский»: поскольку полк так именовался, значит, состоял из путиловских рабочих.

— А на самом деле?

— На самом деле,— повторил Орлов,— наш полк был создан на Урале. Уральцы и составляли его основу.— Ветеран вынул из портфеля, туго набитого документами и справками, «Ленинградскую правду» за 10 октября 1963 года и протянул мне.

В редакционном вступлении к статье «Легендарный полк» утверждалось, что более сорока лет тому назад эта героическая воинская часть, о делах которой упоминается в двух томах «Истории гражданской войны в СССР», была сформирована в уральском городе Кушве.

Путиловский — наименование символическое. В боях под Екатеринбургом геройски погибла батарея Путиловского дивизиона. С ним было связано уральское ядро полка, в котором служили коренные уроженцы Урала, Сибири, далекой Венгрии, Прибалтики и небольшое подразделение кадровых кавалеристов из красного Питера.

— Вы сами из каких мест? — спросил я Орлова.

— Питерский. И мои товарищи по экскадрону —

тоже, а полк был уральский. Это факт. Есть неопровержимые архивные документы.

Орлов обещал основательно поработать в местных архивах и газетных хранилищах н время от временн сообщать новое.

Раз в месяц, а иногда и чаще прнходили нз Ленинграда заказные бандеролн.

«Как охотннк своей добычей или как спортсмен-рыболов своим уловом, так и я спешу по праву искателя поделиться своимн находками.

Не могу отказать себе в удовольствин и не поделиться с Вами тем, что я нашел вчера. К моей великой радостн я наконец-то обнаружил стихотворные строки о веселом Гае, прннадлежащие Демьяну Бедному. Его восьмнстншье я по памятн привел в очерке о нашем комиссаре Трофиме Евсееве, погибшем на берегу реки Вилия. Однако в редакцию не отправнл. Решил сам себя проверить. Долго пытался вспомнить, где я это стихотворение читал. В «Красном РОСТе»? В подшивках я его не нашел. Может быть, стихн печатались отдельными лнстовками? Многие листовки в архивах не сохранились.

Лншь в «Бедноте» от 24 июля того же двадцатого года я обнаружил запомнившнеся строчки. Между тем, что я прнвел в очерке и что напечатано в центральной газете, большого разночтения нет. Чуть-чуть нначе выглядят отдельные строки, но в целом и главном онн такие же, какими сохранились в моей памяти.

Рвется в бой часть другая,
Конница веселого Гая.
Гарцуют бойцы, коней пришпоривают.
Успехи буденновцев их раззадоривают.
Геройский пример — храбрецам не помеха,
Скоро будет панам не до смеха:
Как ударят шашки по панскому мясу,
Потянут паны — «до лясу, до лясу».

Ниже — комментарий: встречался лн Гай с Демьяном Бедным? Вероятно. Иначе откуда такая точная и меткая характернстнка: «веселый Гай»? Строчка «успехн буденновцев их раззадорнвают» наводнт на мысль, что поэт мог слышать от Гая какне-то «ревнивые» слова прн упомннаннн Демьяном конннцы Буденного. Вероятно, поэт побывал в корпусе Гая, беседовал с ним.

Для него он не «грозный», не «суровый», а «веселый». Такой, каким и был в жизни.

Помню, в городе Вильно нашему эскадрону,— сообщал А. Орлов,— поручили нести почетный караул при передаче города литовскому командованию, а также охранять штаб корпуса. В штабе я стоял часовым у дверей, ведущих в кабинет комкора. В нем Гай принимал высших литовских офицеров и прибывших вместе с ними военных представителей Англии, Франции, Америки, аккредитованных при литовском буржуазном правительстве. С высокопоставленными иностранцами Гаю никогда не приходилось иметь дело. Но держался он с ними с достоинством: улыбался, шутил, вел себя как настоящий дипломат».

Накануне конники захватили в плен летчика и штабного офицера, доставивших в Вильно оперативный приказ белопольского командования — любой ценой удержать Вильно. Получил этот приказ... Гай. Прочитал и в присутствии бойцов, захвативших самолет, громко расхохотался. А потом сделал серьезный вид и, обращаясь к Вилумсону, сказал: «Вот что, начштаба. Пошли-ка радиограмму маршалу Пилсудскому о том, что его приказ получен и будет... не выполнен».

Комкор спросил бойцов: «Как это вы сумели самолет взять?» «В конном строю, товарищ комкор, атаковали».— «Вот это лихо! Аэроплан взяли, как говорите, в конном строю?»

На Варшаву!

Короткая, сжатая до предела информация, освещающая боевой путь командира конкорпуса, появилась в один день в нескольких московских газетах. В «Правде» заметка называлась «Красный герой».

Витебск. 18 июля. Отличился при взятии Вильно начальник конного корпуса т. Гай-Бжишкянц, бывший унтер-офицер старой армии. Ему тридцать два года. С 1914 года т. Гай участвует в пяти больших боях и во многих стычках и разведках.

Со своей ротой, впоследствии дружиной, он взял атакой три укрепленные позиции у Эрзерума и в Шарахманской долине.

Во время гражданской войны т. Гай в Туркестане

сражается за Советскую власть. С 1 июля 1918 года участвует в борьбе против чехословаков. Под его командованием взяты города Буинск, Симбирск, Сызрань, Ставрополь, Сенгилей, Бузулук, Бугуруслан, Белебей, Стерлитамак. Назначенный в конце 1918 года командармом, он берет через месяц Оренбург и Уральск и 1 марта 1919 года вступает в Орск. В середине 1919 года он отправляется на Южный фронт, где вскоре его блестящие операции у Корочи и Белгорода были особо отмечены.

После этого Гай формирует на Кавказе кавказские дивизии и отличается во всех боях Десятой армии. У Великокняжеской он громит Сводно-Горскую дивизию и два полка противника. В бою у Егорлыкской он тяжело ранен.

Несмотря на ранение, в конце февраля 1920 года он формирует новый конный корпус. Вслед за тем организует на Таманском полуострове для десанта специальную флотилию.

Сейчас Гай на Западном фронте. Его десятидневный переход от Двины до Вильно явился молниеносным ударом по польской армии и решил судьбу всей операции в Белоруссии».

Коротко, но как исторически точно рассказано о Гае!

Вернув литовцам их столицу, красные конники двинулись на Гродно, через пески и болота, леса, сбивая на своем пути заслоны противника.

Непрерывные бои давали себя знать: утомились не только люди, но и кони; отстали от кавалерии на много верст пехота и артиллерия.

Неподалеку от Гродно Гай решил на ночь приостановить движение, дать бойцам немного отдохнуть. Впереди лежал город с мощной крепостью, с водными и другими преградами, хорошо знакомый бывшему комбригу П. М. Давыдову еще по первой мировой войне, когда он был рядовым. Тут не было нужного простора для успешных действий конницы.

Пришлось вплавь форсировать глубоководный Неман, драться в пешем строю на его берегу, рубить шашками шести-, а местами и десятирядную проволочную паутину.

И все же атака на Гродно была настолько стреми-

тельной, что командарм Первой польской армии, генерал Шпетицкий, не добрившись, намыленный, бежал из парикмахерской.

А когда шок прошел и противник опомнился, он перешел в контратаку. Три дня и три ночи продолжались бои в Гродно.

Давыдов помнит, как с рассвета польские части, поддержанные бронепоездами и танками, двинулись на конницу. Советские воины не дрогнули: они рубили шашками, кололи штыками, забрасывали противника гранатами.

Противнику пришлось покинуть Гродно. На поле боя остались огромные трофеи и среди них — три новеньких танка.

Гай приказал направить их против белополяков. Но где найти водителей? Для конников танк был в диковинку — они впервые в Гродно увидели эту грозную машину. Доверить ее кому-нибудь из пленных было рискованно: оседлает машину и... только его и видели.

О больших трофеях, захваченных при взятии Гродно, «Правда» поместила на видном месте информацию. Под ней подпись — «Комкор Гай». Заметка начиналась со слова «доношу».

В газете почему-то не было сказано, кому был направлен рапорт. В архиве Советской Армии хранится подлинник телеграммы командира корпуса с пометкой: «Военная. Срочная», посланной в четыре адреса: В. И. Ленину, ВЦИК, командующему Западным фронтом и редакции «Правды».

«Доношу, что доблестные части Третьего конного корпуса после продолжительных упорных боев выбили поляков из сильно укрепленных фортов предместья города Гродно и 19 июля в 16 часов ворвались в город Гродно. Первая армия противника понесла громадную потерю. В бою нами захвачены: 3 исправных танка, 6 легких, 2 тяжелых крепостных орудия, 150 пулеметов, подвижной состав, много военного имущества. В бою изрублено до 500 человек поляков, потоплено в реке Неман 1000 человек, взято в плен 1500 человек и один полк кавалерии с лошадьми, отбито 500 пленных красноармейцев.

Красные полки Третьего корпуса шлют дорогим то-

варищам в Центре привет. Они уверены в скором взятии Варшавы».

В рядах тех, кто шел на Варшаву, находился большевик-ленинец И. И. Скворцов-Степанов, командированный Политуправлением армии на Западный фронт в качестве агитатора. По горячим следам Иван Иванович написал брошюру «С Красной Армией на панскую Польшу. Впечатления и наблюдения».

Это произведение, отпечатанное на грубой серой бумаге, изданное небольшим тиражом, может быть по праву названо книгой-свидетелем. Делясь с читателем своими наблюдениями и впечатлениями, автор правдиво отразил атмосферу тех дней:

«...Красная Армия разбросалась на большое пространство, а Гай со своей конницей по обыкновению забирает вперед и вперед. Нелегко дается это стремительное наступление, одно из редкостных во всемирной истории войн. Конница утомилась, всадники засыпают, сидя в седле. Часто ведут лошадей на поводу и садятся в седло только перед атакой. Но при всем том не хотят выпускать поляков из-под удара, не хотят задерживаться, рвутся все вперед и вперед. Такое же удивительное настроение и в пехоте.

Нет другой армии в мире, которая могла бы совершать поход в подобных условиях! Она идет сама, она сама не хочет остановиться. Нет другой такой армии в мире, потому что это Красная Армия — армия сознательных, свободных людей, защищающих собственную Республику Труда и идущих на освобождение польских крестьян и рабочих».

Она сама шла, шла, не останавливаясь, шла на Варшаву!

«На Варшаву!» — под таким названием в Москве в 1928 году вышел большой военно-исторический труд. Его написал Гай. Написал об успехах и промахах.

Экземпляр этой книги, ставшей уже библиографической редкостью, сохранился у Давыдова.

— Могу дать почитать, — предложил генерал. — На несколько дней. Берегу ее как зеницу ока: ведь это — подарок от автора, с дружеской надписью. Послушайте.

Давыдов надел очки, взял в руки книгу «На Варшаву!» и прочел вслух несколько строчек из предисловия:

— «История 3-го конного корпуса имеет целью дать молодому поколению примеры героизма и отваги красного кавалериста: доблестные бойцы 3-го конного корпуса не только во время наступления на Варшаву, но и во время отступления, несмотря на царившие хаос, панику и дезорганизацию тыла, проявляли величайший героизм и самопожертвование».

— И большую гуманность,— добавил Давыдов.— И не только к мирному населению, но и к пленным. На своем веку поляки видели армии разных государств, и никто с ними так не обращался, как Красная Армия, как наш Гай.

Рядом с гаевской «На Варшаву!» на полке лежала тоненькая книжечка Юлиана Мархлевского, бывшего главы Временного первого Рабоче-Крестьянского правительства Польши, выпущенная на двух языках — на польском и русском.

Мархлевский отмечал, что поначалу жители польских сел и местечек в паническом страхе ожидали появления красных.

«А потом, убедившись, что эти «большевики», размалеванные, как олицетворенные демоны, ведут себя человечнее, чем всякая другая армия,— а польское население видело ведь и царскую армию, и немецкую, и польскую,— убедившись в этом, население теряло страх и вступало с солдатами революции в самые дружеские отношения».

Солдатами революции, с которыми польские рабочие и крестьяне вступали в самые дружеские отношения, автор назвал М. Тухачевского, С. Буденного и Г. Гая.

Не завоеватели, а освободители

В состав Временного правительства Польши входил и Феликс Дзержинский. Знал ли он Гая, виделся ли с ним на фронте?

Из Москвы в Белосток, где находилась резиденция Временного правительства, Феликс Эдмундович направлялся через белорусские, литовские, польские города и селения. Многие из них освобождала конница Гая. Где-нибудь между Неманом и Вислой общительный Дзержинский мог беседовать с бойцами, с коман-

дирами, и прежде всего с Гаем. Но где доказательства?

Феликс Эдмундович вел дневники, выступал в газетах. Обратился к его печатным трудам. Однако ни в его письмах, ни в статьях фамилию комкора не встретил.

Если нет прямых свидетельств, приходится искать хоть какую-нибудь зацепку-ниточку. Заглянул в мемуары Софьи Дзержинской, жены и друга Феликса Эдмундовича. В книге назван Гай. Это уже ниточка. Ухватился за нее. Но, увы! Она оказалась короче воробьиного шага. Софья Дзержинская лишь упомянула комкора. Упомянула в связи с тем, что в его конкорпусе служил видный польский революционер.

Побывал я и на родине Феликса Эдмундовича — в городе Дзержиново, где создан его музей. Но и оттуда вернулся с пустыми руками.

И это понятно: Дзержинский торопился в Белосток, а конница Гая неслась на Варшаву. Немудрено было и разминуться.

В этом выводе я бы и утвердился, если бы в Сочи, на Привокзальной площади, не задержался у газетной витрины с успевшим пожелтеть номером «Советской Кубани». На последней странице — очерк «Революцией закаленный». Посвящен бывшему комэску В. Н. Осипову.

«Под руководством Гая,— отмечала газета,— и шел потом по дорогам гражданской войны Осипов. Военное командование высоко оценило организаторские способности и личную храбрость Владимира Николаевича. Лично Гай вручил тогда ему именное оружие за отлично проведенную операцию при взятии города Вильно».

Осипов со своим эскадроном под покровом ночи перешел линию фронта, укрылся в лесу, потом наделал столько шума в Вильно, что противнику показалось, будто в город ворвался не эскадрон, а целая кавалерийская дивизия.

Еще один ветеран — гаевец! Связываюсь по телефону с редакцией газеты. Получаю адрес Владимира Николаевича и кое-какие сведения о нем, не вошедшие в очерк. Активный участник рейда на Варшаву, несколько раз был ранен, контужен. Теперь ему за семьдесят.

— Давно видели Осипова? — уточняю у сотрудника «Советской Кубани».

— Месяца три. Запишите его адрес.

Отправляю в Краснодар заказное «авиа». Прошу Осипова прислать свои воспоминания о Гае, о рейде на Варшаву.

Спустя десять дней письмо возвращается... нераспечатанным. На конверте наклейка: «Адресат не проживает». Это еще терпимо. Хуже, если не живет. Могло быть, что человек переменил адрес, переехал в новый дом? В Краснодаре, как и во всей стране, ведется жилищное строительство. Убедительно прошу краснодарских почтовиков расшифровать «не проживает». И получаю ответ от самого Осипова.

Отлегло. Значит, жив!

Первые две страницы письма посвящены дням формирования корпуса и началу его рейда. Все известное и рассказанное.

Третья страница начинается с упрека в мой адрес: «Непонятно, почему вы, описывая наш рейд на Варшаву, ни словом не обмолвились о встрече Гая с Феликсом Дзержинским. Она происходила на моих глазах в здании, где помещался штаб корпуса, в присутствии его начальника Эдуарда Вилумсона. Неожиданно в комнату вошел человек, портрет которого я видел в газете. Комкор поднялся из-за стола и оказался в объятиях Железного Феликса.

Поздравляя комкора с высшей правительственной наградой — с орденом Красного Знамени[1], Дзержинский сказал, что польский народ никогда не забудет Гая.

И еще он похвалил нас, конников, за то, что мы в Польше ведем себя не как завоеватели, а как освободители и тем самым искореняем у поляков недоверие к русскому человеку, сохранившееся от гнета русских помещиков и капиталистов».

[1] В приказе РВС Республики по личному составу армии от 15 июля 1920 года говорилось:

«Награждается вторично орденом Красного Знамени за новые боевые заслуги — командир Третьего конного корпуса т. Гай за то, что лихим и дерзким прорывом в тыл противника, далеко оторвавшись от нашей пехоты, захватил Свенцяны и Новосвенцяны и тем обеспечил нашей пехоте прорыв старой германской укрепленной полосы».

Если жители польских населенных пунктов поначалу, как отмечал Ю. Мархлевский, «в паническом страхе ожидали появления красных», то и среди некоторых конников, нечего греха таить, находились и такие, которые, не желая «возиться» с пленными, предлагали безжалостно уничтожать их: пусть, мол, знают...

— Пусть знают,— повторил Гай,— пусть знают, что мы к честным польским пролетариям, осознавшим свою вину, не питаем вражды: они такие же трудящиеся, как и мы.

Гай решительно пресекал насилие над пленными, проявлял заботу о раненых.

Об одной любопытной истории я узнал от жителей городка Свенцяны, теперь Швенченюса. Они показали мне здание больницы, где во время войны размещался лазарет, рассказали о разговоре командира корпуса с ранеными польскими офицерами, потрясшем и раненых и видавший виды медицинский персонал.

Отступая, белополяки «забыли» эвакуировать раненых, оставили их без продуктов. Поздно вечером в больничном дворе появился Гай. Он обошел палаты, беседовал с ранеными. Их было до двухсот солдат, и ни одного офицера. Врач объяснил, что перед отступлением всех офицеров вывезли.

Попрощавшись с ранеными, Гай направился к выходу. В конце коридора его внимание привлекла табличка: «Бельевая». Дверь в нее была заперта. Гай приказал открыть. Ему ответили: «Ключи у бельевщицы, а ее на месте нет». Последовало распоряжение — «взломать дверь».

И ключи сразу нашлись. Дверь раскрылась: в бельевой спрятались три польских офицера. Увидев советского командира, они обмерли.

— Неужели вы нас расстреляете? — спросил поручик 18-го уланского полка, свободно говоривший по-русски.

Гай рассмеялся:

— Ошибаетесь, господин офицер. Красная Армия ни раненых, ни безоружных не трогает. Мы пришли навестить вас, узнать, в чем нуждаетесь.

Комкор приказал ординарцам выдать каждому по пачке сигарет. Когда раненые стали его благодарить, он жестом остановил их:

— То, что я вам принес, принадлежало вашему штабу. Часть захваченных продуктов мы решили раздать раненым. Когда поправитесь и силы вернутся к вам, вступайте в польскую Красную Армию.

Гай объяснил, что новая армия, создаваемая по решению Временного Рабоче-Крестьянского правительства Польши, формируется из числа бывших солдат и офицеров, которые добровольно пожелают служить своему народу. Потом добавил, обращаясь к поручику:

— И вас непременно примут, если захотите. Как ваша фамилия, из каких вы мест?

— Домбровский. Из Вильно. Там у меня мать и сестра...

— Напишите матери письмо, я передам, когда мы будем в Вильно, скажу, что вас видел. Если напишете, переправьте в штаб корпуса, мы тут рядом, в школе.

Поблагодарив Гая, поручик Домбровский в свою очередь спросил:

— Вы штабной командир?

— Я командир Третьего конного корпуса Красной Армии. Моя фамилия Гай.

— Как?! Это... вы? А нам говорили...

Этот диалог в польском лазарете приведен в воспоминаниях Гая.

«Простившись, я ушел в штаб. В ту же ночь принесли мне из лазарета три письма, адресованных в Вильно, Гродно и Белосток. Через неделю письмо Домбровского я передал его матери, которой была оказана также небольшая денежная помощь. Письма же, адресованные другими офицерами в Гродно и Белосток, я не сумел передать по назначению, так как их адресаты сочли нужным перед нашим приходом бежать в Варшаву».

Польский офицер Домбровский вскоре выздоровел и, догнав корпус Гая под Млавой, вступил добровольно в Интернациональный полк. Он храбро сражался в рядах красной конницы и геройски погиб в боях за новую Польшу.

Глава одиннадцатая

РАЗБИТЫЕ, НО НЕ ПОБЕЖДЕННЫЕ

Неуслышанные сигналы

Чем стремительнее неслись красные конники вперед на запад, тем неудержимее откатывались к Варшаве белополяки. Они не в состоянии были закрепиться на оборонительных рубежах Немана, Буга и Нарева. «Под впечатлением этой надвигающейся грозовой тучи шаталось государство, колебались характеры, таяли сердца солдат».

Маршал И. Пилсудский, которому принадлежат эти слова, не сгущал красок: грозовые тучи нависли над шляхетской Польшей, трещало по швам государство, стремившееся стать буфером антикоммунизма, оградить Германию от революционной России.

Конники Гая вышли на Вислу у Влоцлавска и Плоцка, отрезав основную магистраль, связывавшую Польшу с Западом.

Среди тех, кто форсировал Вислу в районе Плоцка, был уроженец Верхнеуральска, командир эскадрона, ныне генерал-лейтенант в отставке Григорий Алексеевич Халюзин. В Отечественную войну он командовал гвардейским стрелковым корпусом. Во всех деталях запомнилась ему операция под Плоцком, когда были прорваны укрепления, сооруженные французскими инструкторами, когда конница Гая вместе с пехотой форсировала Вислу.

Плоцк лежит на двух берегах. Для переправы нужны были плавсредства, их у нас не оказалось. На помощь пришло местное население. В ход было пущено все: рыбачьи лодки и бревна, заборы и ворота. Польские крестьяне видели в Красной Армии не армию-завоевательницу, а армию-освободительницу.

Плоцк был бы взят — бои уже велись в центре города, но пришел приказ отойти за Вислу.

Противник сосредоточил группу войск в районе Мозыря и ударил по тылам наших армий. Для Западного фронта, особенно для его авангарда — конного корпуса, наступил критический момент. Белополяки пытались запереть наши армии в узком коридоре между Наревом и немецкой границей. Конница Гая, а вместе с ней почти вся пехота Четвертой и Пятнадцатой армий оказались в кольце.

...В ночь с 25 на 26 августа радиостанция штаба фронта приняла обрывки телеграммы. Едва радист успел записать: «С тяжелыми боями и громадными трудностями 25 августа подошел к Кольно...» — как в эфире послышались сильные шумы. Связь оборвалась.

В оперативном отделе штаба Тухачевского строили догадки: Кольно расположен далеко от Вислы; несколько дней назад от ее берегов по приказу комфронтом отошли советские армии. Кто же это пробивается? Штабное командование не сразу догадалось, что неравные схватки вела конница Гая, прокладывавшая дорогу пехоте. Теснимые белополяками, пехотинцы устремились к германской границе.

«...Несмотря на все старания, нельзя было привести части пехоты в порядок, — отмечал Гай. — Они совершенно потеряли понятие о дисциплине, частью ехали на подводах, частью двигались кучками, частью цепочкой; кричали не переставая «ура!» там, где не нужно было; останавливались там, где нужно наступать; шли без всякой команды, главным образом надеясь на корпус. Многие пехотные командиры были убиты в предыдущих боях, а оставшиеся не могли привести части в порядок ввиду царившей паники, явившейся следствием бессонницы, усталости, голода... а главное — благодаря многочисленному обозу, запрудившему всю дорогу».

Прорывая впереди себя одно кольцо за другим, конники пропускали пехоту, действуя по законам боевого товарищества: сам погибай — товарища выручай.

В третьем томе «Гражданской войны 1918—1921 гг.» дана нелестная оценка командарму Четвертой армии, который в момент отхода не находился при ней — «укатил» в тыл. Там же сказано, что «руководство отходом выпало на долю командира 3-го конного корпуса т. Гая».

Впервые полный текст радиограммы, обрывки которой были доставлены в оперативный отдел штаба Западного фронта, был опубликован в книге «На Варшаву!». Только спустя восемь лет фронтовой радист узнал, что пойманные им в эфире обрывки слов «о тяжелых боях» исходили от комкора Гая:

«Командармам 4-й и 15-й и командующему Западным фронтом.

С тяжелыми боями и громадными трудностями 25 августа подошел к Кольно. Вся пехота Четвертой армии перешла границу. Стараюсь пробиться на Граево. Нет совершенно снарядов и патронов. Срочно сообщите линию фронта. Комкор-3 Гай, военком Сцибор».

В тот день, когда передавались в эфир эти слова, Гай вызвал на совет всех командиров и комиссаров. Разговор, при котором присутствовал Давыдов, происходил на лесной полянке неподалеку от германской границы. Гай сообщил, что все пути отхода отрезаны. В корпусе на исходе продовольствие, нет фуража, иссякли патроны и снаряды.

— Сумеете ли вы, — спросил комкор, — в этих невероятно тяжелых условиях удержать конников от перехода границы? Сумеете собрать остатки сил, чтобы вырваться из вражеского кольца, пробиться к своим?

Измученные, усталые, не спавшие несколько суток командиры и комиссары после короткого совещания решили продолжать борьбу. Если не удастся вырваться, то погибнуть вместе, но не сдаться врагу.

Потом Гай обратился к бойцам, призывая их последовать примеру своих старших товарищей — совершить последнюю, пятую по счету попытку прорвать кольцо.

— Мы согласны! — отвечали они. — Но кони уже не идут. Да и стрелять нечем.

— А шашки на что? Раз есть шашки — будем рубить шляхту.

Все эти реплики хорошо запомнились Петру Михайловичу. В них запечатлена решимость бойцов и командиров в любых условиях продолжать борьбу.

— Прорвать кольцо, — Давыдов тяжело вздохнул, — нам не удалось. А тут возникла новая трудность: как быть с двумя тысячами пленных солдат и офицеров?

Гай задумался. Проще простого — распустить всех по домам. Но комкор понимал, что белополяки сколотят из

них бригаду и снова бросят в бой. Кто-то снова предложил «пустить пленных в расход...».

— Подумайте, что вы предлагаете! — Гай весь побагровел. — Мы не звери — мы люди, мы пленным не мстим.

— Но мы в тяжелом положении. Пилсудский наших бы прикончил. Скажи, комкор, что делать?

— Если не вырвемся, уведем с собой в Германию, — ответил Гай.

...Последняя попытка прорваться к своим была предпринята у селений Козел и Винцента.

Чтобы помешать конникам, белополяки взорвали мост и открыли артиллерийский огонь по спешившимся бойцам.

Люди и кони падали от пуль и осколков снарядов, от голода и бессонницы.

До последней минуты комкор пытался снестись по радио с командованием армии и фронта. Связаться не удалось. Тогда было принято окончательное решение — перейти немецкую границу, показав полякам и немцам, что Красная Армия при любых условиях остается организованной и дисциплинированной.

В четыре часа утра 26 августа Гай приказал начальнику штаба сжечь всю документацию, уничтожить радиостанцию.

«...С тяжелым сердцем, многие со слезами на глазах, но организованно, с развернутыми знаменами, с «Интернационалом», под убийственным огнем тяжелой артиллерии противника мы перешли границу, уведя с собой в Германию 600 раненых красноармейцев, 2000 пленных и 11 польских орудий... Гроза польской армии, боевой авангард красного Западного фронта — Третий конный корпус перестал существовать.

Сердце сжималось тоской и болью. Несколько раз останавливались. Сильно тянуло на восток, к Красной, к Советской России.

Единственно, что несколько успокаивало, это сознание, что мы, нанеся колоссальный урон ненавистным панам, но окруженные врагами, оставшиеся без огнеприпасов, без хлеба, разбитые, но не побежденные, все же сумели интернироваться и не попасть в руки разъяренного классового врага».

«Разбитые, но не побежденные!» — так заявил Гай в

своей книге «На Варшаву!». А вот что писала польская буржуазная газета «Слово» о красном командире спустя несколько лет после Варшавской операции:

«Необходимо объективно установить, что роль корпуса Гая как в наступлении, так и при отступлении составляет яркий контраст в сравнении с другими единицами красных войск, делая честь ее командиру. Мы найдем в ней все элементы настоящих кавалерийских действий, а именно: быстроту решений, бравурное исполнение, предприимчивость и инициативу и, наконец, громадную закаленность, выдержку, которая охраняла ряды корпуса от полного разложения в момент отступления...

Как командир кавалерийской группы Гай — необходимо это опять объективно констатировать — несомненно принадлежит к выдающимся личностям, которых выдвинула советская революция...

Он умел передавать кавалерийский дух своим подчиненным и часто своим личным примером импонировать и вовлекать их в бой».

Каждый раз, когда перечитываешь заключительные строки из воспоминаний Гая, как бы видишь перед собой изнуренных, голодных бойцов, пытавшихся с помощью одних только клинков вырваться из вражеского окружения; видишь развернутые красные знамена, гордо поднятые над германской границей, слышишь волнующие звуки «Интернационала»...

И к чувству гордости за советских конников, совершивших не виданный в военной истории переход с непрерывными боями, нанесших колоссальный урон ненавистным шляхтичам и не склонивших головы перед бедой, примешивается чувство горечи. Не слишком ли далеко зашли уральские, донские, оренбургские конники? Не допустил ли их командир, увлеченный успехами, ничем не оправданный риск?

Так думалось мне до того, пока я не видел боевых донесений, не читал фронтовых сводок, не встретил и не побеседовал с живыми ветеранами конкорпуса.

Гай не раз сигнализировал командарму-4 о нехватке боеприпасов, продуктов питания, об отставании тылов от конницы на сорок-пятьдесят верст, настойчиво доби-

вался разрешения предоставить уставшим бойцам хотя бы краткий отдых перед наступлением на Варшаву.

Через два с небольшим года, после окончания Варшавской операции, в декабрьском номере журнала «Военный вестник» появилась статья С. С. Каменева. Бывший Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики писал, что Красная Армия открыто пошла на риск, и риск чрезмерный, так как нельзя было затягивать испытание революционного порыва польского пролетариата, иначе он будет задушен. К тому же следовало торопиться: судя по трофеям, по показаниям пленных, армия противника, несомненно, несла большой урон. Недорубленный лес скоро вырастает. Кроме того, Франция спешила оказать помощь своему побитому детищу.

Надо было торопиться, чтобы овладеть Варшавой с севера, отрезать белую Польшу от магистрали, по которой Антанта готовилась прислать свои войска.

«Таким образом, — отмечал далее главком, — к моменту развязки мы шли, с каждым днем уменьшаясь в числе, в боевых припасах и растягивая свой фронт, но шли с надеждой, что своевременно подадим помощь протянутой руке польского рабочего; ради этой главной задачи стоило рисковать, тем более что Красная Армия это умела и знала, что такое риск».

Гаевцы одними из первых протянули руку польским рабочим и крестьянам. Вместе с пехотинцами и артиллеристами конники охватили тесным полукольцом Варшаву и примыкающие к ней районы. В это время другие части овладели Данцигским коридором, прервав связь белой Польши с Антантой.

«Теперь наступил тот момент, когда рабочий класс Польши уже действительно мог оказать Красной Армии ту помощь, которая дала бы Рабоче-Крестьянской России обеспеченный мир без угроз новых нападений; но протянутой руки пролетариата не оказалось. Вероятно, более мощные руки польской буржуазии эту руку куда-то глубоко-глубоко запрятали.

И вот после этого факта риск, на который пошла Красная Армия, стал перед ней уже в полном его объеме, а вместе с ним и неизбежность расплаты за смелость риска».

Итак, главком С. Каменев утверждал, что риск был необходим.

Снова обратился к ленинским трудам. Хотелось узнать, как оценивал Ильич печальный исход Варшавской операции. Ленин отмечал, что наше военное поражение наступило после неслыханных и невиданных героических усилий, когда наши армии были истощены. Однако глубокий научный разбор всей операции Ленин возлагал на будущих историков.

«При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка, — говорил Владимир Ильич с трибуны X съезда РКП(б). — Я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая или политическая, ибо это завело бы меня слишком далеко, — я думаю, что это должно составлять дело будущих историков...»

«Дело будущих историков...» Ленин поручал им досконально разобраться, какая была допущена ошибка теми, кто руководил Варшавской операцией.

В двадцатом году на польском театре действовали два самостоятельных фронта: Западный — командующий М. Тухачевский, члены РВС И. Уншлихт и Э. Смилта, Юго-Западный — командующий А. Егоров, члены РВС И. Сталин и Р. Берзин.

Но почему же в трудную минуту Западный фронт у Варшавы оказался один на один с противником? Почему его успех не вылился в общий успех двух наших фронтов — Западного и Юго-Западного, — наступавших на Польшу?

«...С какой точки зрения и с каким мерилом ни подходить к операции на Висле, — отмечалось в третьем томе «Гражданской войны 1918—1921 гг.», вышедшем в тридцатом году, — неоспоримо будет одно: красное командование всех степеней чрезвычайно искусно и умело использовало моральное превосходство своих войск. С этой точки зрения сражение на Висле явится одним из классических примеров военной истории».

За первым выводом следовал второй: «...Основной стратегической причиной нашего поражения на Висле остается расхождение двух фронтов по эксцентрическим направлениям в то время, как противник усилился и новым формированием, и за счет сосредоточения сил на решающем направлении».

На карте боевых действий Западного и Юго-Западного фронтов, призванных решать одну главную задачу,

это расхождение видно отчетливо. Первая половина августа 1920 года. Воины Тухачевского вышли к Висле, находятся у стен Варшавы; полки А. Егорова в пятистах километрах от нее — топчутся у Львовской крепости, тщетно пытаясь овладеть ею с помощью конницы.

Беру книгу А. Егорова «Львов — Варшава». Вот что писал бывший командующий Юго-Западным фронтом: «Ни при чем здесь и пресловутое отсутствие взаимодействия фронтов, которого и не могло быть, коль скоро один из фронтов оказался «передаточным пунктом» для другого. Ни при чем здесь и Врангель...» По мнению А. Егорова, корни неудачи Варшавской операции лежат исключительно в методах управления Москвы и Минска (то есть главного командования и командующего Западным фронтом).

Какая же из этих полярных точек зрения верна? Егорова или книги истории гражданской войны? В предисловии к третьему тому отмечалось, что эта книга, прежде чем выйти в свет, трижды обсуждалась среди военачальников и историков и что она есть плод коллективного творчества.

Истину, только истину, всю истину!

В главной дискуссии принимали участие А. Егоров, начальник штаба Западного фронта Н. Шварц, один из комиссаров Временного Рабоче-Крестьянского правительства Польши Феликс Кон, Г. Гай, Р. Эйдеман, А. Кадишов и другие.

Говорили, что жив Кадишов, выступавший на дискуссии веско и аргументированно. Сколько же ему может быть лет? Кадишов, как мне казалось, был ровесником Феликса Кона, столетие со дня рождения которого торжественно отмечалось и в Польше и в Советском Союзе. О том, что Кадишов был тогда уже в летах, что он прошел через огонь революционной борьбы, я узнал из газетной заметки, опубликованной в двадцатых годах. В ней сообщалось, что по представлению РВС Республики А. Кадишову и другим старым революционерам установлена персональная пенсия.

Мне представлялось, что при ее назначении учитывались не только заслуги, но и возраст. Выходило, что Кадишову должно быть около ста.

Было также известно журналистское прошлое Кадишова: руководил редакционно-издательским отделом, редактировал на Западном фронте сатирический журнал «Красный шмель» и журнал «Четырнадцать»[1], который вскоре был переименован в «Красную звезду», собирал все, что относится к истории Западного фронта и его боевого авангарда — Третьего конного корпуса.

Поскольку Кадишов был работником печати, я обратился в Московское отделение Союза журналистов. Там ответили: «Среди членов нашего Союза такой фамилии нет».

Однажды, просматривая иллюстрации к пятому тому «Истории гражданской войны в СССР», я увидел большое фото с подписью: «Начальник политотдела Западного фронта А. Ф. Мясников на боевых позициях одной из артиллерийских батарей Западного фронта. Слева — начальник издательского отдела фронта А. Б. Ка́дишев».

Обратился в Институт марксизма-ленинизма, в его сектор истории гражданской войны. Там сообщили, что эта фотография получена не из архива, а от самого Ка́дишева.

— Кадишо́ва? — переспросил я.

— Да, Ка́дишева...

Мне назвали его адрес, номер телефона и показали номер «Военно-исторического журнала». В нем была напечатана информация о том, что в Академии генерального штаба успешно защитил докторскую диссертацию 68-летний полковник в отставке А. Б. Ка́дишев, который представил в качестве диссертации свою книгу «Интервенция и гражданская война в Закавказье».

А. Ка́дишев — полковник, доктор исторических наук. А что если он никакого отношения не имеет к Кадишо́ву с Западного фронта? Диссертация написана о Закавказье, а не о Западном фронте. Да, стопроцентным однофамильцем его тоже считать нельзя. В Смоленске журналы редактировал не А. Ка́дишев, а А. Кадишо́в.

---

[1] Это название имело свой особый смысл. Журнал родился осенью девятнадцатого года в Смоленске. В ответ на выступление У. Черчилля, провозгласившего о совместном наступлении 14 капиталистических государств на молодую Советскую Республику. Новый журнал должен был знакомить читателей со всем тем, что творилось в этих государствах.

Позвонил ему по телефону. Приношу свои извинения, объясняю, с какой целью звоню, и слышу в ответ:

— Никаких извинений. Я есть Кадишо́в. Буква «е» пусть вас не смущает. По новейшим грамматическим правилам после шипящей полагается не «о», а «е». Что касается персональной пенсии, то она была назначена не по старости, а по болезни. Мне тогда было меньше тридцати.

Спрашиваю Арнольда Борисовича, где и когда мы можем встретиться.

— Хотя бы завтра у меня, на Чистых Прудах.

На другой день я входил в квартиру, сплошь заставленную книгами и папками с газетными и журнальными вырезками, с копиями архивных документов. Они в шкафах, на полках. А на рояле — ноты и скрипка.

— Мое старое увлечение, — улыбнулся Арнольд Борисович. — Смолоду играл... Но вас, надо думать, интересует Кадишев-историк, изучающий Варшавскую операцию. С нее и начнем.

Более сорока лет назад Ка́дишев, тогда ответственный работник Политического управления Красной Армии, полемизировал с автором книги «Львов — Варшава». Правда, тогда он не знал о существовании многих документов, и особенно партийных решений: к ним не было доступа.

Взвесив все «за» и «против», военный историк пришел к выводу, что под Варшавой, наряду с другими просчетами, была допущена крупная стратегическая ошибка. По плану главкома, утвержденному 5 августа Пленумом ЦК партии, три армии, в том числе Первая конная, должны быть переданы под начало Тухачевского. РВС же Юго-Западного фронта грубо нарушил этот план и направил конницу Буденного на Львов.

— Затея была бессмысленная, — заметил Кадишев. — Где Львов, а где Варшава? Кто же ходит на Варшаву через Львов да еще пытается силами стратегической конницы брать город-крепость?

— Взяли же конники Гая Гродно.

— Взяли. Но в книге «На Варшаву!» Гай справедливо отмечал, что стратегической коннице в районе Гродно с его проволочными заграждениями, фортами и окопами делать было нечего. Командарм Четвертой армии, в состав которой входил конкорпус, поставил перед кава-

лерией неприемлемую для этого рода войск задачу. В книге комкор сделал весьма поучительную сноску: «То же самое можно сказать в отношении менее удачных действий Первой конной армии под Львовом». Как видите, Гай не скрывал допущенных им и другими ошибок. Недаром эпиграфом к своей книге он поставил слова: «Истину, только истину, всю истину!» Он утверждал, что это правило оградит в будущем иашу армию от напрасных жертв.

По документам, собранным А. Кадишевым, видно, что находившаяся под львовским гипнозом Первая конармия перешла на Люблинское направление только через неделю после приказа Главкома, но было уже поздно. Эту неделю Кадишев назвал потерянной неделей.

Арнольд Борисович раскрыл страницу, где была напечатана речь Владимира Ильича, произнесенная им 2 октября 1920 года.

«...Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной Армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир».

— Еще бы несколько дней!— подхватил Кадишев.— Противник, как вы знаете, перешел в решающее наступление шестнадцатого августа, а приказ РВС Юго-Западного фронта был подписан лишь двадцатого. Еще три дня потребовалось для того, чтобы части Первой конной начали перебазироваться на новое место, но было уже поздно. Войска Западного фронта вынуждены были отступить. А могло ведь быть все по-другому: если бы два фронта действовали воедино, мы бы освободили Варшаву, протянули руку трудовой Германии, которая к тому времени была беременна революцией, и весь мир подивился бы широте и глубине нашего стратегического замысла, нашей готовности помочь борющимся народам. И героическому корпусу Гая не пришлось бы переходить германскую границу.

Арнольд Борисович, встав из-за стола, подошел к книжному шкафу, задержался возле большой фотографии: Ленин среди армейских делегатов, приехавших в Москву. Во втором ряду стоял молодой Кадишев.

— Если силы позволят, я в своей новой книге вскрою настоящие причины, породившие неудачу на Висле. Об одной из них вы уже теперь знаете.

Глава двенадцатая

НА ЧУЖБИНЕ

Начальник советского гарнизона в Германии

Что же стало с Гаем и бойцами после того, как, прорвав вражеское окружение, пропустив вперед пехоту, они последними перешли немецкую границу?

Это тревожило не только родных и близких. Тревожило многих, кто следил за героическими действиями конного корпуса, волею судьбы оказавшегося на территории одной из крупных стран Западной Европы.

Два года назад в Германии произошел революционный взрыв, потрясший устои монархии: немцы, измученные империалистической войной, потерпев в ней поражение, стали создавать у себя Советы; император Вильгельм II бежал в Голландию; возникла Веймарская буржуазная республика.

Как нейтральное государство Германия обязана была задержать и разоружить воинов, перешедших ее границы, предоставить интернированным помещения для жилья, содержать их до окончания войны за счет той страны, чьими подданными они являются.

Как же поступили местные власти с Гаем? Прошли август и сентябрь, наступил октябрь. 13 числа в газете «Красноармеец», которую прислал в Москву А. Орлов, появилась заметка под заголовком: «Гай в Германии».

«Многие интересуются вопросом о командире Третьего конного корпуса т. Гае. Одни говорят, что он арестован немцами, другие, что Гай уехал... к Врангелю».

Редакция опровергала эти слухи, сообщив, что до последнего времени Гай находился в городе Арисе и немцы относятся к нему с уважением.

«...Немецкие газеты много писали о нем, величая его «командующим красной конницей генералом Гаем». Гаю оставлена сабля «из уважения к его персоне»... Немецкое командование даже разрешило т. Гаю жить на частной квартире в городе Арисе, но он из лагерей не уходил, а остался жить вместе с красноармейцами.

...23 сентября прошел слух, что Гай бежал из Германии, но пока этот слух не подтвердился».

Под корреспонденцией подпись: «Красный кавалерист». Это псевдоним бывшего комиссара Путиловского полка Николая Евсеева, бежавшего из германского лагеря. Впоследствии Евсеев командовал кавдивизией, несколько лет руководил кафедрой в академии имени Фрунзе, стал военным историком по призванию.

Газета «Красноармеец» напечатала серию евсеевских очерков «От Двины до Вислы». В них и в других материалах рассказывалось об арисском лагере, одном из самых крупных в Восточной Пруссии. Здесь скопилось до девяноста тысяч интернированных бойцов и командиров Четвертой и Пятнадцатой армий Западного фронта.

Многим пришлось жить под открытым небом, жить впроголодь. Своих продуктов не было. И у немцев не густо. Приходилось конникам жертвовать самым дорогим — забивать своих лошадей.

Комок подступает к горлу, нервы начинают сдавать, когда спустя много лет читаешь стенографическую запись рассказа ветерана конкорпуса Н. Власова, хранящуюся в Куртамышском краеведческом музее.

«Мы вынуждены были это сделать, — вспоминал Н. Власов, — тащили жребий, чью первую есть лошадь. Печальная участь постигла и моего Змееныша. Он назывался так потому, что не подпускал к себе посторонних: так и задрожит весь от возмущения. Эта лошадь вынесла меня в тяжелую минуту из болота и не раз спасала от смерти. Если бы не ее легкость, — давно бы лежал в земле...

Поскольку выпал жребий, ее пришлось зарезать. Перед этим я не мог смотреть в ее умные, понимающие глаза — плакал...»

Конины хватило лишь на полмесяца. В лагере начался голод. Об этом узнали в Москве, и вскоре бойцы стали получать паек: триста граммов хлеба с опилками,

сто граммов кормовой свеклы и столько же картофеля на каждого. Недоедали, но вели себя достойно.

На территории Германии, как рассказывали красные бойцы, был создан пусть временный, пусть вынужденный, но советский островок. На нем действовали наши законы. Проводились собрания, выпускались стенные газеты и рукописные журналы. Был создан даже свой ликбез.

В городке Богородске Горьковской области живет Василий Иванович Гулянин, народный учитель, кавалер ордена Ленина. В немецком лагере перед ним открылся другой фронт — фронт ликвидации неграмотности:

«Мы решили создать свою школу для ликвидации неграмотности и малограмотности. Гай одобрил нашу инициативу.

Для школы отделили половину барака, раздобыли столы и стулья. Через несколько месяцев обучили грамоте свыше ста красноармейцев.

Посылаю вам небольшую фотокарточку, на которой сфотографированы пять советских учителей и среди них я, с бородкой, а также пропуск на немецком языке за номером 4725, служивший мне как бы удостоверением личности».

В одной пачке с документами из Богородска лежат письма; они пришли с разных концов страны. Это отклики тех, с кем Гай делил радости побед и горести неудач: от П. Гурьева из Ветлуги, Н. Харченко из города Первомайска Ворошиловградской области, П. Купина и А. Харитонова из Курганинского района Краснодарского края, Г. Гричанова из села Ульяновка Калмыцкой АССР, В. Матвеева из Новомосковска Тульской области.

Не все прежде служили в Третьем корпусе, не все были конниками, но все, оказавшись в Германии, считали Гая начальником советского гарнизона. Вместе с ним они поставили свои подписи под телеграммой, посланной Владимиру Ильичу Ленину:

«Мы на чужбине остались и останемся Красной Армией!»

В Германии был и другой лагерь — для интернированных белополяков. Это были те самые две тысячи пленных, которых привел Гай и сдал немцам. Надменные шляхтичи не признавали никакой дисциплины, не

придерживались никакого порядка, разлагались. Теряя воинский облик, превращались в сброд.

Советские же бойцы, независимо от того, к какому роду войск они принадлежали, представляли собой дисциплинированную воинскую организацию, с которой не могла не считаться немецкая администрация. Впрочем, это сразу почувствовали агенты недобитого барона Врангеля.

Уральский казак Кирилл Клыков был дежурным по бараку, когда в лагерь явился в сопровождении немецкого офицера уполномоченный барона Врангеля. Одетый в форму хорунжего[1], он без всяких околичностей предложил Клыкову собрать казаков на беседу.

— А у Гая вы были? — спросил Клыков.

— У какого Гая? Он немецкий офицер?

— Нет, красный командир, начальник советского гарнизона.

— Без твоего Гая обойдемся! — оборвал Клыкова хорунжий. — От немецкой администрации у меня разрешение есть. Вот господин офицер может подтвердить.

— Этого мало. Принесите от Гая.

На другой день, когда Клыков сменился, хорунжий в сопровождении того же офицера снова явился в барак. Немец явно покровительствовал вербовщику, обещавшему красноармейцам златые горы, если они согласятся служить в белой армии.

Собрать людей собрали. А когда белогвардеец стал поносить Советскую власть, оскорблять Ленина, его вытолкнули в шею.

Рассказ Клыкова о том, как «проводили» бойцы посланца Врангеля, дополннл своими воспоминаниями Н. А. Полянцев из города Энгельса.

В лагерь для интернированных, где вместе с Полянцевым находнлось около пятн тысяч красноармейцев, однажды прншло несколько вербовщиков. Им казалось, что стонт только пообещать полуголодным людям сытую жизнь, приодеть оборванных, хорошо заплатить им, и люди снова возьмут в руки клинки, не задумываясь, будут рубнть тех, кого прнкажет окопавшийся в Крыму барон Врангель.

---

[1] Хорунжий — в казачьих войсках то же, что корнет, подпоручик.

«Собрали нас всех в клуб, — сообщил Н. Полянцев. — На сцене стояли одетые в английские френчи и брюки-бриджи, заправленные в блестящие хромовые сапоги, поначалу неизвестные нам люди. Они говорили о силе русского оружия, о скорой победе над большевиками, обещали тем, кто вступит в белую армию, одежду, деньги, чины.

Желающих вступить в армию Врангеля не нашлось. Врангелевцы продолжали уговаривать, сулить новые блага. В это время открылась дверь и все увидели Гая. Он буквально влетел на сцену, поднял правую руку, сжатую в кулак:

— Товарищи бойцы! Товарищи красноармейцы! Не верьте им, они лгуны, они предатели Родины!

«Гости» едва успели унести ноги. Иначе их бы растерзали голодные и измученные, но не сломленные невзгодами бойцы.

После врангелевцев заглянул в лагерь и французский капитан. Сманивал в Африку, в иностранный легион. И ему показали от ворот поворот.

Немецким заводчикам также понадобилась дешевая рабочая сила. Они хотели переманить к себе китайцев, служивших в Красной Армии и попавших вместе с ней в Восточную Пруссию. Об этом я слышал от ветерана Ча Ян-чи, которого разыскал в Грозном. Рассказ Ча с короткой биографической справкой о комкоре Гае был опубликован в одиннадцатой книжке журнала «Дружба народов» за 1957 год.

«Китайцев держали отдельно, — вспоминал Ча, — хотели, чтобы мы оторвались от русских и больше в Россию не возвращались. Приходили всякие агитаторы, агитировали:

— Зачем вам Россия? Оставайтесь у нас. Дадим вам работу, дадим немецкие паспорта. У нас вам будет хорошо, не так, как у большевиков.

Чтобы показать, в каком красивом городе мы можем жить, нас возили в Берлин.

Ни один не согласился остаться в Германии. Кули уже привыкли смотреть на все другими глазами.

Зачем нам жить в стране, где рабочий — последний человек, а китайцы будут последними из последних, когда есть Россия? Там Советская власть, там рабочие сами себе хозяева, там нет чужих и своих — все равны».

Так и не удалось немецким властям склонить бывших кули на свою сторону, как не удалось оторвать беспартийного казака Кирилла Клыкова от коммунистов. В многотысячной красноармейской массе нашлось лишь несколько предателей согласившихся отправиться в Крым к Врангелю.

«Слушать мою команду!»

Газета «Красноармеец», ссылаясь на неподтвержденный слух, сообщала, будто Гай бежал из Германии. Подобные случаи наблюдались. У комкора возможностей для этого было больше чем достаточно. Почему же он не воспользовался ими?

Все, кто был с Гаем в Германии, объясняли это высоким чувством ответственности за судьбу подчиненных. Он добивался, чтобы в бюро по делам бывших военнопленных, существовавшем при представительстве РСФСР в Берлине, была образована группа по делам интернированных. А пока она не была создана, нес как старший начальник моральную ответственность за каждого бойца, независимо от того, конник он или сапер, артиллерист или пехотинец, — за каждого, кто, находясь на территории чужого государства, считал себя частицей Красной Армии.

Однажды в барак, где находились командиры и политработники, явился немецкий офицер со списком. Он зачитал несколько фамилий в алфавитном порядке, а когда дошел до буквы «д», предложил всем, и в том числе Давыдову, отправиться в немецкую комендатуру.

Немецкий полковник начал разговор с вопроса: «Чем командовали?» — «Кавалерийской бригадой». — «Вы генерал?» — «Нет, бывший унтер-офицер царской армии». — «И командовали целой бригадой?» — «Да. Доверили».

Потом спросил о Гае.

— Это мой начальник, — ответил Давыдов. — Наш командир корпуса, красный генерал...

Немецкий офицер, который привел Давыдова в комендатуру, провожая его, сказал на ломаном русском языке:

— Если у вас много таких командиров, как Гай, то я должен изменить свое мнение о Красной Армии.

— Изменяйте, и поскорее, — подхватил Давыдов. — В нашей армии таких командиров немало!

Чуть позже между Гаем и командующим войсками Восточной Пруссии генералом Эрхардом произошел не менее любопытный разговор:

— Я не понимаю, господин Гай, чем вы недовольны? В знак уважения к вашей персоне вам предоставлено право свободного передвижения. Более того, мы предлагали вам поселиться за лагерной чертой, жить не в бараке, а в благоустроенном доме, но вы, как мне докладывали, предпочитаете находиться в лагере с солдатами.

— Я думаю не только о себе, — ответил Гай. — Как командир Красной Армии я несу ответственность за своих подчиненных, за их жизнь...[1]

— И у нас, в Германии, тоже?

— И в Германии, и повсюду...

— Освобождаю вас от этих забот.

— Но я себя не освобождаю.

Эрхард был удивлен. Командующий прусскими войсками видел, как вели себя в плену английские, французские, русские генералы. Каждый из них, вероятно, с благодарностью принял бы предложенные условия. Советский же командир от них отказался. Продолжает жить в одном лагере с солдатами, которые держат себя не так, как бы того желало германское командование.

— Они ведут себя, как полагается вести воину Красной Армии, — решительно возразил Гай. — Дисциплинированны, беспрекословно выполняют приказы своих командиров, вежливы с местным населением, сохраняют воинское товарищество. И, как вы уже имели удовольствие убедиться, действуют как организованная сила.

Разрушить эту силу ни Эрхарду, ни его подручным не удалось, хотя они не раз пытались это сделать. Все

[1] В письме, полученном мною из Ташкента от М. Морозова, бывшего старшины погранвойск, рассказывается о таком эпизоде. Осенью 1941 года пограничники взяли в плен немецкого офицера интендантской службы. Допрашивал его подполковник Имнадзе. Немец рассказал, что в двадцатом году он жил в Восточной Пруссии, видел там красного генерала, который внешне был похож на кавказца Имнадзе. Генерал очень заботился о своих солдатах, не позволяя немецким властям ущемлять их права. А когда Морозов поинтересовался, кто был этот генерал, подполковник объяснил, что немецкий офицер имел в виду комкора Гая Гай.

зло представители прусской военщины видели в коммунистах и комиссарах, полагая, что если красноармейскую массу изолировать от них, с русскими можно сделать все, что угодно.

Началась настоящая охота за коммунистами. В лагерях велись опросы, составлялись списки наиболее опасных. По ночам подозрительных увозили в специальный лагерь. Но цель не была достигнута. В конце концов генерал Эрхард добился, чтобы всех интернированных отправили как можно дальше, в глубь Германии, где, как ему казалось, будет легче ликвидировать воинскую спайку.

Перевозили сначала морем, потом по суше. Длинные железнодорожные составы тянулись к центру бывшей империи. Ночью на крупной железнодорожной станции стали сортировать вагоны. В течение нескольких часов все смешалось: конники попали к артиллеристам, саперы — к связистам. То же произошло с эшелоном, в котором следовал Гай.

В Зальцведеле, когда все высыпали на перрон, комкора окружили конники, санитары, пекари, обозники. Однако и тут он нашелся: приказал всем построиться и тут же вместе с командирами и политработниками стал восстанавливать воинскую организацию. Когда ее «формирование» было завершено, он послал сотрудника штаба, знавшего немецкий язык, за комендантом лагеря лейтенантом Шольцем. Тот находился в привокзальном буфете. Лейтенант потребовал, чтобы Гай явился к нему. Лишь после повторного приглашения наконец на перроне появился подвыпивший комендант. Подойдя к Гаю, он стал его отчитывать:

— Вы не у себя дома, а в Германии. У нас действуют немецкие законы!

Гай молча протянул лейтенанту удостоверение, выданное ему местными властями. Бумага, составленная по форме и скрепленная печатью, свидетельствовала, что генерал Гай есть действительно командир Третьего русского кавалерийского корпуса.

Прочтя удостоверение, лейтенант растерялся. Перед ним был хотя и советский, но все же генерал, и ему, Шольцу, привыкшему к чинопочитанию, пришлось вытянуться. Роли переменились.

— Вы лейтенант — я генерал, — начал распекать ко-

менданта Гай. — Кто кому, по-вашему, должен подчиняться?

Офицер не нашелся, что сказать.

— Вы лишились понятия о воинском старшинстве и армейской дисциплине. Это вам не солдаты царской армии, попавшие в плен, а интернированные бойцы Красной Армии. Запомните, — Гай поднял кверху руку. — Ни вам, ни вашим подчиненным я не позволю грубо обращаться с моими бойцами.— Повернувшись к красноармейцам, он громко произнес: — Слушать мою команду!

Боец вышел вперед с развернутым знаменем Третьего конного корпуса. Увидев советский флаг, лейтенант Шольц и сопровождавшие его солдаты стали в струнку.

В новом лагере Гай вел себя так же независимо. Он предложил Шольцу каждый день ровно в двенадцать приходить к нему с докладом. Это требование вывело лейтенанта из равновесия. Разъяренный, он ворвался в комнату комкора.

Вот как эта встреча описана самим Гаем.

«Помню, он явился ко мне в сопровождении десяти вооруженных солдат с целью арестовать меня, но это ему не удалось, так как, узнав об этом, красноармейцы собрались к штабу лагеря. Комендант с пеной у рта начал кричать и доказывать, что мы, находясь в Германии, осмелились организовать Советскую Республику, ведем себя вызывающе, что мы обязаны беспрекословно подчиняться ему и германским законам... а между тем мы требуем от него ежедневного доклада и т. д. и т. п.»

Выслушав коменданта, Гай вновь напомнил, что как начальник гарнизона он обязан знать, что делается в лагере: кто заболел, кто в бегах, кто арестован и за какие проступки.

— Ведь у меня, господин лейтенант, кроме вас, другого коменданта нет, — заметил он, сдерживая улыбку. — Но, уважая вас, я готов не требовать личного доклада, если вы ежедневно в письменной форме будете уведомлять меня о всех лагерных событиях.

Больше лейтенант не кричал.

Удостоверение о принадлежности Гая к не существовавшему тогда в нашей армии генералитету не раз спасало его от неприятностей. Так было до тех пор, пока

лейтенанта Шольца не сместили за проявленную мягкотелость. На его место назначили подполковника с закрученными кверху усами, какие в свое время отращивал бывший германский император. Почти все, достигнутое Гаем и его помощниками при старом коменданте, было отменено: на подполковника уже не действовали ни генеральское звание, ни то, что Гая считали начальником гарнизона. Но Гай по-прежнему держался независимо.

Как-то во дворе он услышал звуки немецкого гимна. Под окнами дома, где жил комендант, играли красноармейцы. Гай подал знак духовому оркестру умолкнуть. Выяснилось, что играть их заставил подполковник, который справлял свой день рождения. Покрасневший от ярости именинник приказал арестовать комкора и водворить его в карантинный барак.

Было это поздно вечером. Утром, узнав об аресте своего командира, бойцы собрались возле немецкой комендатуры, требуя немедленно освободить Гая. Они грозили, что подожгут комендатуру, разорвут колючую проволоку, разбегутся. Лагерь бушевал до тех пор, пока из Берлина не прибыла комиссия. Гай был выпущен. Немецкому подполковнику пришлось извиниться перед ним публично.

С первым эшелоном

Прошло еще несколько месяцев. По соглашению Советского правительства с германским началась отправка интернированных красноармейцев на родину. В ноябре первый эшелон покинул Зальцведель. С ним уехал Гай. Состав остановился на одном из берлинских вокзалов, где собрались представители местных демократических организаций. У каждого встречавшего был небольшой кулек с продуктами.

Немцы пришли на вокзал со знаменем. Они подарили его Гаю. На полотнище были выведены немецкие и русские слова, зовущие к борьбе и дружбе. С этим знаменем Гай поднялся на крышу вагона и обратился к берлинцам с речью.

— Я до сих пор не могу забыть этой картины, — рассказывал генерал Халюзин, находившийся в тот момент вместе с Гаем.

Огромный вокзал. Людно на перроне, людно на большом мосту, переброшенном через железнодорожное полотно. На нем — рабочие, только что закончившие дневную смену. У семафоров — поезда: принимать их некуда. Трудовой Берлин слушает Гая:

Перемешивая русские слова с немецкими, немецкие с армянскими, он говорит о дружбе народов. В ответ по всему вокзалу несется многоголосое: «Рот фронт! Рот фронт! Рот фронт!»

Испугавшись наплыва людей, железнодорожная администрация отправила эшелон, идущий к советско-германской границе, раньше срока. Вслед за ним по шпалам устремилась толпа берлинцев.

Спустя двадцать пять лет генералу Халюзину со своим гвардейским стрелковым корпусом пришлось побывать в тех самых местах, где бойцы конного корпуса в двадцатом году торжественно отпраздновали с немцами третью годовщину Великого Октября.

В тот день был устроен парад на немецком плацу. Гай вышел на середину и четко произнес: «Красные орлы, здравствуйте!» Потом заиграл оркестр. Русские и немцы дружно запели «Интернационал».

В тридцать втором году Григорий Алексеевич Халюзин, будучи в Пятигорске, увидел в витрине киоска Союзпечати небольшую карманную книжку. С ее обложки улыбался Гай. В брошюре рассказывалось о днях, проведенных в Германии, о встречах с немецкими рабочими.

«Тут, в центре Германии, — писал Гай, — где на каждом шагу заводы и масса друзей, буржуазия и контрреволюционные офицеры уже не осмеливались безнаказанно издеваться над нами. Нас, русских рабочих и крестьян, защищали наши братья по классу — немецкие солдаты и рабочие... Я впервые услыхал из уст германских рабочих их грозный лозунг: «Рот фронт!» — «Красный фронт!», обозначавший единство рабочего класса против всех угнетателей».

Этот призыв Халюзин слышал и в Берлине, и в Штеттине, где он вместе с Гаем сел на пароход, идущий на Ревель.

Здесь мне придется извиниться перед читателем, прервать рассказ Григория Алексеевича и привести выдержку из путевого очерка гениального чешского сати-

рика, бывшего политработника Красной Армии Ярослава Гашека.

В то время, когда пароход с красными конниками взял курс на Ревель, ему навстречу тем же путем шло судно с бывшими немецкими, австрийскими, чешскими военнопленными, на котором плыл Гашек. Где-то в море корабли поравнялись. Гашек так описал эту встречу:

«Я иду подышать чистым воздухом на нос парохода, который в это время обменивается сигналами с другим пароходом, везущим русских пленных на родину. Все выходят на палубу. На пароходе русские выбрасывают красный флаг. Пароходы встречаются. Русские и мы машем платками, кричим «ура!». У многих на глазах слезы. Их никто не стыдится».

Так вновь скрестились жизненные линии героев моих книг[1], знавших и помнивших друг друга по Самаре: там в одно и то же время Гашек был комиссаром чехословацкого красного отряда, а Гай командовал дружиной. При виде красного флага у автора «Похождений бравого солдата Швейка» на глаза навернулись слезы. Гашек не стыдился их. То же самое, вероятно, испытывал и Гая Гай...

Несколько лет назад, попав в бывший Ревель (ныне Таллин), я захотел выяснить подробности прибытия красноармейского транспорта. Старый моряк Янсон рассказал о том, какое волнение испытали жители тихого приморского городка при появлении русских бойцов в конце двадцатого года. Было это, когда в Эстонии местная буржуазия с помощью английских интервентов задушила Советскую власть.

...На рассвете у причала грянуло знакомое: «Вставай, проклятьем заклейменный...» Все в доме у Янсона пришло в движение: «Неужели Советская власть вернулась?» Моряк выскочил на улицу и помчался туда, откуда доносились звуки музыки. Сначала он не понял, что происходит. Незнакомые люди: кто в шлеме, кто в кубанке, кто в кепке. Вместо кокард — звездочки, на груди — банты.

— Это были наши ребята, — подтвердил генерал Халюзин, когда я рассказал ему услышанное. — Прежде чем выпустить нас на берег, жандармы предложили

[1] Дунаевский А. Иду за Гашеком. М., 1963.

сиять красные звездочки и банты. Ребята ни в какую: «В Германии не снимали и здесь не снимем». Был вызван представитель Министерства иностранных дел буржуазной Эстонии. Гай высказал ему нашу точку зрения на красный цвет. Договорились. Мы спокойно сошли на берег. Знаменосцы развернули флаги, и духовой оркестр заиграл «Интернационал». Конечно, мирные жители могли в эти минуты подумать, что в Эстонию вернулась Советская власть. И хорошо, что так подумали.

Геннинг против Гая

В тот день, когда я дописывал предпоследнюю главу, позвонили из Историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел СССР: в архиве имеются две папки с материалами о пребывании интернированных красноармейцев в Германии.

В каждом листе, в каждой записке ощущается забота Советской России о своих сынах, попавших на чужбину. В докладной подчеркивалось, что они «в самых решительных выражениях требуют от культурно-просветительного отдела книг — учебников, книг общеобразовательного и пропагандистского характера, а также всякого рода учебных пособий».

Часть документов составлена на немецком языке. Среди них — размноженный типографским способом протокол заседаний рейхстага от 15 декабря 1920 года.

Сорок седьмое по счету заседание парламента было посвящено запросу депутата Геннинга, представлявшего крайне правую партию. В его речи фамилия Гай склонялась много раз. Депутат гневался: германские лагеря в руках у русских начальников, то есть большевиков; интернированных красноармейцев посещают немецкие рабочие; германские власти разрешают солдатам Гая «шататься» по улицам с флагами.

Геннинг упрекал германские власти за то, что они потворствовали Гаю, будто бы даже отпустили этого видного красного генерала в Россию, тем самым нарушили международную конвенцию. На этом месте речь была прервана. Депутаты-баварцы «советовали» Геннингу не терять времени: отправиться за Гаем в Россию и доставить его обратно.

Стенографистки с протокольной точностью зафикси-

ровали все происходившее в этот момент в рейхстаге: и реплики, вызвавшие смех в зале, и аплодисменты, адресованные Гаю, вырвавшемуся из немецкой неволи. Но Геннинг тут же на ходу перестроился, заявив, что по последним сведениям Гай еще находится в Германии. Хочет создать Красную Армию — ведет переговоры с офицерами бывшего рейхсвера, предлагая им разные командные посты [1].

— Ясно, — заметил Василий Алексеевич, переводивший протокольную запись с немецкого на русский. — Ясно, Геннинг кричал о нарушении конвенции об интернированных, а на самом деле боялся Гая. Это видно из заключительной части его речи в рейхстаге.

Сначала переводчик прочел ее как бы для себя, а потом вслух:

«Дамы и господа! Несмотря на то что нам говорят, что Гай уехал в Россию, он все еще находится в Германии. С помощью свидетелей, чьи показания не вызывают сомнения, я установил, что генерал Гай восьмого декабря принимал участие в заседании коммунистов во Франкфурте-на-Майне, где обсуждался вопрос об организации немецких красных частей».

Левые депутаты требовали от Геннинга доказательств. Он заявил, что предъявит их только германскому правительству.

— А как же было на самом деле? — поинтересовался Василий Алексеевич.

— Придется справиться у Халюзина.

Звоню ему:

— Какого числа, Григорий Алексеевич, вы вместе с Гаем вернулись на родину?

---

[1] Легко себе представить, в какую ярость пришел бы депутат рейхстага Геннинг, если бы ему на глаза попалась резолюция съезда Объединенной Германской коммунистической партии: «...Партийный съезд приветствует русских интернированных красноармейцев, тысячами томящихся в германских концентрационных лагерях. Партийный съезд передает этим передовым бойцам Советской Республики братский привет революционных германских рабочих. Он требует от всех товарищей оказывать им пролетарскую солидарность действительной помощью. Истинная интернациональная пролетарская солидарность, которую окажут германские рабочие своим русским классовым товарищам, будет укреплять в русском пролетариате гордое сознание, что их борьба против всемирного империализма поддерживается рабочими всех стран».

— Второго декабря двадцатого года.

— Значит, Гай не выступал восьмого декабря во Франкфурте-на-Майне?

— Откуда это известно?

— Из протокола заседания рейхстага.

Григорий Алексеевич громко рассмеялся.

— Это, должно быть, с перепугу сказано. Восьмого декабря Гай уже находился в Москве.

Снова на родине

Генерал Халюзин не ошибся в дате. В Центральном музее Вооруженных Сил СССР хранится документ за подписью М. Тухачевского и члена РВС И. Уншлихта. 3 декабря 1920 года комкор Гай получил предписание:

«С получением сего предлагается вам направиться в город Москву для поступления в Академию генерального штаба».

Сбылась давнишняя мечта Гая... Но учебу пришлось прервать: его назначили народным комиссаром по военным делам Армении.

В родных местах Гай пробыл, однако, недолго. В послужном списке отмечено: «Назначен начальником 7-й Самарской кавдивизии. Май. 1923 года».

В этом месяце произошло два взаимно связанных чрезвычайных события: английское правительство, предъявив Советскому правительству ультиматум, готовилось с помощью шляхетской Польши совершить вооруженное нападение на Советский Союз. А в Лозанне агентами английского империализма был убит Вацлав Воровский, выдающийся советский дипломат, борец за мир, представлявший нашу страну на международной конференции в Швейцарии.

По всей стране прокатилась волна митингов протеста. Повсеместно проводился сбор средств в фонд обороны, укреплялись границы, и особенно западная.

— В дни, когда над страной вновь нависла угроза интервенции, к нам прилетел Гай. Полки дивизии двигались к советско-польской границе, — рассказал мне бывший штаб-трубач Самарской дивизии Сергей Погосов, подполковник в отставке, с которым я познакомился в Армении.

К месту, где приземлился самолет, на котором прилетел из Москвы Гай, подвели коня. Гнедой был норовистый, Гая предупредили. Он усмехнулся: «Кавалерист не должен бояться коня» — и, не раздумывая, вскочил на него. Лошадь — на дыбы. Гай сразу укротил ретивого, и тот, почувствовав силу всадника, вихрем понесся туда, где сосредоточивались полки.

Как штабной трубач, обязанный передавать приказы своего командира, Погосов сопровождал начдива. С давних времен известно, что штаб-трубач должен знать пятьдесят шесть сигналов команды. Юный Погосов, воспитанник Советской Армии, исполнял тогда на своей трубе до тридцати разных сигналов. Ему часто приходилось присутствовать на встречах начальников с подчиненными, но то, что он видел на большой поляне под Минском, врезалось в память на всю жизнь.

Переход от Гомеля к Минску был длинным и трудным, но как только по рядам пронеслось: «Гай прилетел», «Гай с нами», — усталость будто рукой сняло. Многие помнили своего командира по Восточному, Кавказскому, Западному и другим фронтам. Они восторженно приветствовали его. Те, кто знал Гая по совместным боям на Волге, кричали: «Да здравствует начдив Железной!» Старые израненные конники, побывавшие вместе с ним в Польше, а потом в Германии, приветствовали бывшего командира корпуса возгласами: «Ура Гаю, конец польской шляхте!»

Новый начдив напомнил бойцам о смертельной опасности, нависшей над страной, о возможной встрече с недобитым маршалом Пилсудским и его войском, науськиваемым Англией, и высказал уверенность, что красная конница не посрамит советского оружия.

Однако применить его на этот раз не пришлось. Получив решительный отпор, британский лев вынужден был спрятать свои когти. Английское правительство и его пособники отступили. Пилсудский отвел свое войско в глубь страны. На советско-польской границе вновь воцарился мир.

А как тепло, по-братски встретил красных конников город Минск! Кумачовыми флагами, улыбками, дружескими возгласами!

В тот же день состоялся большой концерт сводного военного оркестра. Вы спросите: почему сводного? В Са-

марской дивизии было шесть духовых оркестров, шесть капельмейстеров и столько же, а может быть, и больше, самодеятельных композиторов. На вечере в присутствии начдива был исполнен посвященный ему марш — «Марш Гая». Музыка, как и сам Гай, была интернациональной: в нее вошли мотивы армянских, русских и мелодии других народов.

Потом Гай сфотографировался с музыкантами, и каждый получил на память снимок. У Погосова он не сохранился. Может быть, у кого-нибудь из старых музыкантов он уцелел? Надо поискать...

Фотографию с музыкантами разыскать пока не удалось. А вот другой, пожалуй, более ценный снимок я случайно раздобыл. Помог московский сатирик Ян Островский.

Встретил он меня как-то на улице с улыбкой и спрашивает:

— Александрова-Федотова знаешь?

— Знаменитого дрессировщика? Укротителя тигров?

— Да. А то, что он в гражданскую войну был лихим кавалеристом, был знаком с Гаем?

— Ты, Ян, всегда шутишь.

— Говорю на полном серьезе. Посмотри журнал «Советская эстрада и цирк». — Он назвал номер, год издания. — Там тебя кое-что заинтересует.

Раскрываю журнал и ищу это «кое-что». На одиннадцатой странице напечатан групповой снимок. В центре — Михаил Иванович Калинин. По одну сторону — Председатель ЦИК Белоруссии Червяков, по другую — Гай, а чуть дальше командир пулеметного эскадрона Федотов, в будущем народный артист республики Александров-Федотов.

Как его найти? Конечно, через отдел кадров Союзгосцирка.

Там ответили, что народный артист находится на гастролях за рубежом.

— В какой стране?

На вопрос кадровик ответил вопросом:

— А вы кем ему приходитесь?

Я предъявил удостоверение. Мне объяснили: с Александром Николаевичем беда. Тигр, прыгая с одной тумбы на другую, сорвался и с размаху ударил лапой дрессировщика. Состояние артиста тяжелое. Оставили

в Финляндии, в Тамперской больнице. Пожалуй, на арену больше не вернется.

Александр Николаевич вернулся. Я встретился с ним.

В 7-й Самарской кавдивизии Федотов (тогда он носил одну фамилию) командовал пулеметным эскадроном в 42-м Пугачевском полку. На фотографии, помещенной в журнале, запечатлен приезд М. Калинина, Червякова и Гая к пугачевцам.

— Фотографию сохранил, а серебряные часы, которыми наградил меня Гай, к сожалению, нет. Уцелело лишь удостоверение, подписанное начдивом и военкомом.

— А кто был тогда военкомом?

— Гай был и начдивом и военкомом. В те годы в Красной Армии далеко не все начальники дивизий были одновременно и военными комиссарами. А только те, кто пользовался у партии абсолютным доверием,— подчеркнул Федотов и продолжал: — Подумать только, сколько лет с тех пор прошло!.. Выросло не одно, а несколько поколений, давших немало талантливых военачальников, а мой первый командир стоит перед глазами как живой, подтянутый, ладно скроенный. Отношения его с подчиненными складывались не из личной преданности, а от того, как ты несешь воинскую службу, как относишься к порученному делу. Угодить ему можно было только хорошими делами. Внешне всегда приветливый, с улыбкой. А когда надо — строгий, требовательный. Но требовательность не была резкой, грубой. Справедливой, законной — да. Даже когда по необходимости Гай отчитывал провинившегося, то отчитывал не зло. Он умел повелевать, был твердым, когда для победы революции приходилось посылать людей на смерть. И в то же время был человеком гуманным, душевным. Ах, как его любили у нас в Белоруссии!..

Бывший эскадронный вспомнил дружескую встречу в мирное время, которую устроили благодарные минчане Гаю.

Летом 1935 года из Минска пришло от правительства Белорусской ССР приглашение принять участие в праздновании пятнадцатой годовщины освобождения республики от белополяков и награждения ее орденом Ленина.

Гай со своей женой Натальей Яковлевной отправился в Минск.

— Мы остановились в гостинице неподалеку от вокзала, — вспоминает она. — К вечеру нас переселили на загородную дачу Совнаркома, расположенную у советско-польской границы. В честь гостей, приехавших на праздник, был устроен ужин. Один из руководителей республики произнес тост за Гая — Гая-полководца, Гая — рядового бойца партии, всю жизнь отдавшего делу защиты социализма.

Он поднял руку: «Друзья, здесь допущена ошибка. Я отдал пока не всю, а лишь половину жизни. Вторую отдам на построение коммунизма; чтобы враги никогда не топтали белорусской земли, чтоб их кони не пили воду из Днепра».

Всем понравилась эта поправка.

* * *

Литературный поиск — это не только находки и открытия. Это — утверждение истины о герое, очищение его от всего наносного, чуждого.

Отсюда и полемический характер книги, и своеобразная манера повествования, где автор выступает не в роли равнодушного созерцателя.

Литературный поиск — это дорога: прямая и извилистая, крутая и запутанная. Многие месяцы и годы я шел по ней. Шел не один, а вместе со своими добровольными помощниками, заинтересованными в восстановлении правды.

Шел от одного человека к другому, от пятистрочной газетной заметки к забытому документу, пылящемуся в архивном шкафу, от старой телеграфной ленты с ятями и выцветшими буковками к редкой, потускневшей фотографии, собирая по крупицам все, что относится к полюбившемуся мне полководцу из народа.

Полюби его также и ты, дорогой читатель!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Читатель дополняет, опровергает, уточняет...

1

В середине лета шестьдесят пятого года воздушный лайнер доставил меня из Москвы в Свердловск. Редакция журнала «Урал» телеграфировала, что повесть о Гае принята, будет полностью напечатана в трех ближайших номерах. Автора просили лишь переделать концовку.

Всю дорогу в воздухе я набрасывал разные варианты. На земле ни один из них не был принят. Последние абзацы повести родились мгновенно, как только принесли верстку:

«Когда в мои руки попали первые, пахнущие типографской краской страницы журнала, я почувствовал, что час расставания уже наступил. От автора Гай уходит к читателю.

У героев моих поисковых книг «Олеко Дундич», «Иду за Гашеком» нашлось много друзей не только в Советском Союзе, но и за его рубежами. А как будет с повестью о Гае? Не залежится ли она на прилавках книжных магазинов, не попадет ли в уцененные? Не будет ли пылиться с неразрезанными страницами на библиотечных полках?

Но Гай не ушел от меня. Он вернулся. И не один, а с целой армией активных, заинтересованных читателей. Это — ветераны гражданской войны, их дети и внуки, историки, офицеры Советской Армии, архивисты, журналисты...

Гай вернулся с отрядами и дружинами пытливых, любознательных следопытов, гордо называющих себя

юными гаевцами, которые, как отмечала «Правда», «по крупицам собирают все, что относится к жизни и деятельности полководца и его боевых товарищей, участвуют в походах по местам боев Железной дивизии, переписываются со своими сверстниками — пражскими, варшавскими, будапештскими ребятами, чьи деды и отцы сражались на фронтах гражданской войны против врагов Советской России».

Пожалуй, ни один из литературных жанров не обладает такой притягательной силой, как поисковый,— силой общения и растущих между писателем и читателем контактов. Активный, заинтересованный читатель стремится восстановить все, что связано с Гаем.

Свердловчанка, жена бывшего бойца бронированного поезда «Смерть или свобода!» Николая Николаевича Коршунова сообщила, что ее муж после временной потери Симбирска был схвачен и брошен в губернскую тюрьму. По ночам белые увозили узников на расстрел. Коршунов с часу на час, с минуты на минуту ждал своей очереди. И вдруг — светлый луч в темном тюремном царстве. Железные двери застенка распахнулись. Все свободны! В город вошла дивизия Гая.

Много воды утекло с тех пор, а Николай Николаевич — он перенес тяжелую болезнь — почти слово в слово помнит, о чем говорил начдив на митинге у входа в тюрьму.

С бронепоезда Коршунов пересел на коня и был зачислен в эскадрон при штабе Железной. И за Гаем прошел по дорогам войны много-много верст.

В семье у Коршуновых, проживающей в Свердловске, по улице Патриса Лумумбы, всегда в праздники и в будни с благодарностью вспоминают народного полководца.

Н. Коршунов лично знал Гая, а другому уральцу, Н. Чупину, не пришлось его видеть. И услышал он о Гае не у себя на Гороблагодатском руднике, а в Литве, в Великую Отечественную войну.

«Летом сорок четвертого года,— писал Н. Чупин,— я находился в рядах Советской Армии, участвовал в освобождении Свенцянского железнодорожного узла, за взятие которого комкор Гай был награжден вторым орденом Красного Знамени».

В только что освобожденном пристанционном посел-

ке Чупин остановился возле группы литовцев, о чем-то беседовавших на незнакомом ему языке. Увидев советского офицера, старый крестьянин с радостью воскликнул: «Вот и вы пришли к нам, наши освободители! Пришли той же дорогой, что в двадцатом году конники Гая. Где он сейчас?»

«Кто такой Гай, какую он роль играл в освобождении Литвы от белополяков, я, честно говоря, тогда понятия не имел. Узнал позже, когда прочел о нем в журнале «Урал», и сейчас спешу вам сообщить, что хорошо, когда о советском полководце сохранилась добрая память в народе».

Сохранилась она и в другом конце страны — в Самарканде. Около десяти лет назад кандидат исторических наук Ю. Алескеров не мог утвердительно сказать, жил ли Гайк Бжишкянц в Средней Азии, командовал ли красногвардейским отрядом.

Но стоило только самаркандскому историку «копнуть поглубже», как выяснилось, что отряд Бжишкянца не только участвовал в стычках с солдатами эмира бухарского на станции Кермине, но и вместе с другими отрядами громил белоказаков под Ростовцево, и в этой победе, как пишет Ю. Алескеров, «есть заслуга Гая, показавшего свой военный талант».

А потом начались бухарские события. На помощь окруженным красногвардейцам из Самарканда выехал отряд Гая.

Перед отъездом Гай встретился с руководителями Самаркандского совдепа. Прощаясь, он сказал:

— Можете быть уверены, что мы не уроним чести защитников революции и до последнего дыхания будем биться с врагом за власть Советов.

— Эту клятву,— свидетельствовал историк,— он с честью сдержал.

В Ташкенте, Самарканде и поныне живут многие боевые сподвижники Гая. Все они с гордостью говорят о своем командире, коммунисте ленинской закалки.

С большой теплотой вспоминает о нем и А. Семенов из Кишинева — старый коммунист, автор книги «Встречи с В. И. Лениным».

«Теперь Гаю было бы за восемьдесят,— пишет он.— Это были бы отличные восемьдесят лет, как и те пятьдесят, которые он прожил. Ведь старость наступает

только тогда, когда в душе появляется разрушающий червь унылого равнодушия. А Гай по своей натуре был человеком веселым, огненным — другим я его не представляю в любом возрасте.

Я был не только знаком с Гаем Дмитриевичем, но и дружил с ним. И не один год. Весной двадцать первого, получив назначение комиссаром отдельной автомотовелобригады, я временно поселился в гостинице Московского военного округа. На одном этаже со мной жил Гай. Мы с ним быстро и надолго подружились. Это был человек, восхищающий своей прямотой и скромностью, какой-то особой душевностью, неповторимой своей привлекательностью, глубокой заинтересованностью во всем, что касалось укрепления боевой мощи Красной Армии.

Из гостиницы Гай переехал на бывшую Пречистенку, в двухкомнатный флигель. На этой квартире мы регулярно встречались в субботние вечера за чашкой чая. Не раз чаевал с нами и М. Н. Тухачевский, друг и наставник Гая по Восточному, Кавказскому, Западному фронтам.

Из бесед с Гаем, из его разговоров с Тухачевским, которые иногда велись при мне, я чувствовал, как несправедливы были нападки на Гая за его книгу «На Варшаву!». Высказанные им критические замечания были встречены с неприязнью и злобой теми, кто был повинен в наших неудачах на Западном фронте. И в этих высказываниях Гай остался верен себе. Как человек открытый, он привык говорить правду, не кривил душой.

Я любил Гая! Нет, это не то слово. Я просто души в нем не чаял. Да и не только я. Все, кто был с ним знаком, хоть в какой-то мере соприкасался с ним, надеюсь, согласятся со мной».

Гая любили и взрослые и дети.

Тихон Иванович Шумский из зерносовхоза имени Островского Кустанайской области помнит Гая, можно сказать, с малых лет, когда он, школьник Тиша, жил в Минске, воспитывался в детском доме. А рядом с детдомом находился штаб конкорпуса. Когда Гай подъезжал к штабу, дети стайкою выбегали за ворота, чтобы приветствовать комкора. У Гая было много забот, но он всегда выкраивал время для питомцев детского

дома: играл с ними, рассказывал им о гражданской войне, заботился о них.

В начале двадцатых годов родители разыскивали своих ребят, потерянных в войну. У многих нашлись свои родные и близкие. А за Тишей никто не приехал: он оставался в детдоме до полного совершеннолетия. Гай заменил мальчику и отца и мать.

«Три десятилетия я ничего не слышал о нем,— писал Т. Шумский,— не знал о его судьбе. И вдруг на глаза попался журнал «Урал». Я вспомнил свое детство, вспомнил командира Гая, Человека с большой буквы».

Бокай Иржакович Утемисов, один из первых казахских врачей, ныне ученый, сообщил, при каких обстоятельствах он познакомился с Гаем. Было это в двадцатых годах, когда Бокай с товарищем по путевке комсомола отправился в Ташкент, на учебу. Путь из глухого аула до города оказался трудным и долгим. Неожиданно разлилась Сырдарья и вода разрушила железнодорожный путь.

«Рухнули все мои надежды о Ташкентском университете. Значит, я опаздываю на экзамены и мне придется ни с чем возвращаться домой. А тут еще кончились продукты. В пути потерял я и своего товарища. Кто знает, как бы сложилась моя дальнейшая судьба, если бы случай не свел меня на небольшой зауральской станции с Гаем.

Сначала я увидел нескольких военных, стоявших возле небольшого вагончика. Они о чем-то громко разговаривали с железнодорожниками. Я тогда плохо знал русский язык, но по отдельным фразам догадался, что военные торопятся и что вагон пойдет через затопленный водой участок. Когда прицепили паровоз, я подбежал к старшему командиру, которого все называли товарищем Гаем, и попросил, чтобы он взял меня с собой.

— Откуда и куда едешь?

— В университет... Из аула еду, учиться еду.— Я тут же достал из кармана выданную мне ревкомом справку.

Командир посмотрел на своих спутников.

— Ну как, товарищи, возьмем его? — И уже мне: — Залезай, парень. Сейчас отправляемся.

Я быстро по ступенькам поднялся в вагон и, чтобы не мешать никому, забился в угол.

— Ты, наверное, есть хочешь?— И, не ожидая моего ответа, Гай достал хлеб, колбасу, сахар и положил передо мной.

Немного подкрепившись, я тут же уснул. Проснулся оттого, что кто-то притронулся к моему плечу. Я открыл глаза.

— Ну, парень, слезай. Приехали...

Я стал благодарить Гая, он остановил меня и сказал на прощание:

— Учись, парень, дело это хорошее».

В один день пришло два письма, и оба от Степановых — Зины и Аллы. Обе они были когда-то пионерками, а теперь — инженеры. Одна живет в Москве, другая — в Ереване. Москвичка познакомилась с Гаем в Артеке, у пионерского костра, когда он рассказывал ребятам о боях за Симбирск. Девочке в ту ночь приснился Гай, стоящий на горящем мосту, переброшенном через Волгу. Он знал ее отца, Алексея Степанова, комиссара Волго-Бугульминской железной дороги, и нашел, что Зоя похожа на него.

«В день его приезда на перроне Кисловодского вокзала, — сообщала А. Степанова из Еревана, — точно сговорившись, собрались ветераны Красной Армии, жившие или лечившиеся в городе. Многие из них участвовали в боях за Волгу и Урал, освобождали Белоруссию, Литву. И мы, дети, были тут как тут: без нас не проходила ни одна встреча. А когда Гай, находясь в санатории, навещал нашу семью, больше всего радовались опять-таки мы, дети. Для нас эти дни были самыми солнечными, ибо Гай мог излучать море добра и ласки».

Бывает же такое: трудился с человеком не один год под одной редакционной крышей, а потом узнаешь, что юность у него была необычной, боевой.

О том, что Сергей Данилин служил разведчиком в Железной дивизии, я узнал из письма юных следопытов Ульяновской школы № 1, где учился Володя Ульянов.

Данилин служил в Железной с первого дня ее рождения, был пешим разведчиком во Втором Симбирском полку.

Когда бои велись за Оренбург, Гай приехал в полк и обратил внимание на висевшую на стене газету... Остановился, стал читать.

— Интересно, здорово! Кто ответственный редактор?

— Самара выпускает, — ответил командир полка и тут же пояснил: — Сергея Данилина так окрестили, в нашем Симбирском он — один из Самары.

Редактора стенгазеты «Пеший разведчик» вызвали к Гаю. Командир посоветовал: «Все, что видишь, товарищ редактор, хорошее ли, плохое ли — бери на заметку. Пригодится!»

К десятой годовщине Красной Армии в Москве, в военном издательстве вышла книга С. Данилина «С развернутым знаменем». Ее читал М. Горький. Одобрил, сделал на полях свои пометки.

Бывший конный разведчик в то время уже заканчивал Коммунистический институт журналистики.

На выпускной вечер в КИЖ дирекция пригласила знатных людей Москвы. В числе их был Гай. И снова встретились бывший начдив с бывшим редактором стенгазеты «Пеший разведчик».

Увидев Данилина, Гай воскликнул:

— Здравствуй, товарищ Самара! Спасибо за книгу. Как видишь, все пригодилось...

Гай и сам обладал литературным даром. Он был автором нескольких очерковых и документальных книг.

Об одной, неизвестной, сообщила М. Бабаян, главный библиограф республиканской библиотеки в Ереване. Речь шла о брошюре «Красная Армия». Она была выпущена в Москве под его литературным псевдонимом «Банвор Гайк» — рабочий Гайк. То, что это была первая книжка о Советских Вооруженных Силах, изданная на армянском языке, и то, что она вышла в Москве в девятнадцатом году, когда страна испытывала бумажный голод, было настоящим открытием.

Почти все свои книги, как подметила М. Бабаян, Гай посвящал своим товарищам по оружию: «На Варшаву!» — светлой памяти командиров Томина, Чугунова, Матузенко, Волосатова, участников рейда на Варшаву. «В немецком плену» — светлой памяти погибших и умерших доблестных красноармейцев, героев борьбы за социализм; «Переправа» — памяти любимого командира товарища Фрунзе.

Но была и другая книжка, которую написали бойцы и командиры Седьмой Самарской кавдивизии. В брошюре две страницы посвящены ее бывшему командиру и комиссару. О ней я узнал из Лондона.

2

Седьмая кавалерийская дивизия, начальником и военным комиссаром которой был Гай, кроме наименования Самарская называлась еще именем Английского пролетариата. Об этом напомнило письмо, присланное с далеких берегов Темзы.

Эндрю Ротштейн, вице-председатель общества «Великобритания — Советский Союз», писал:

«Я прочел книгу о Гае вчера с большим интересом и, конечно, местами со скорбью и гневом. Пишу вам, чтобы поздравить с такой полезной работой для молодого поколения.

Коммунистическая партия Великобритании, членом которой я состою со дня ее основания, была шефом Седьмой Самарской имени Английского пролетариата кавалерийской дивизии.

У меня сохранился сборник, изданный в 1924 году в Минске «Седьмая Самарская и ее герои», в котором на страницах 10—11-й опубликован очерк о Гае.

Посылаю фотокопии этих страниц. Портрет Гая тот же, что и у вас. Полагаю, что эту книжку можно найти в библиотеке Центрального Дома Советской Армии».

Адрес — точный. Сборник такой есть.

Письмо из Лондона привело меня также и на Большую Пироговскую, в архив Советской Армии. Там бережно хранится переписка с английскими коммунистами, копии статей на русском и английском языках.

«У нас существует западноевропейский обычай делать некоторых титулованных особ почетными командирами того или иного полка: полк имени короля, имени королевы, принцессы такой-то и т. д.

В России дивизии Красной Армии имеют такой же обычай, но с одной разницей. Вы встречаете такие дивизии, как дивизия имени ленинградских ткачей, дивизия имени московских металлистов, дивизия имени Коминтерна и т. д. Каждая дивизия намечает себе шефа, и шеф питает отеческий и братский интерес к усынов-

ленной им дивизии», — писал орган ЦК компартии Англии.

К усыновленной дивизии шефы действительно питали отеческий и братский интерес. Бойцы и командиры отвечали им взаимностью: избирали английских коммунистов почетными красноармейцами, постоянно переписывались, принимали у себя, как родных, делегатов из Лондона.

Среди лиц, упомянутых в сборнике «Седьмая Самарская и ее герои», назван Г. Жуков. Не Маршал ли Советского Союза служил в двадцать четвертом году под началом Гая?

Звоню Георгию Константиновичу домой. Приятный женский голос отвечает: «Отец тяжело болен. Позвоните через неделю-другую».

Прошла не одна, а несколько недель. Рука тянется к телефону. Набираю нужный номер. Тот же голос сообщает, что маршал чувствует себя лучше, но врачи запрещают ему вести какие-либо деловые разговоры.

— А что передать ему?

Я сказал, что собираю материалы о Гае.

— О Гае Дмитриевиче?

— Вы его знали? — обрадовался я.

— Лично — нет, а отец рассказывал...

— О Гае нельзя не рассказывать... — В трубке вместо мягкого женского голоса — сильный мужской, уже не раз слышанный по радио и телевидению. — Гай — это личность! Он был моим командиром, когда я служил в коннице... Вот закончу книгу воспоминаний, прочтете о Гае.

Подмывало задать вопрос, что будет в книге маршала о Гае, но я, признаться, не решился расспрашивать по телефону Георгия Константиновича, еще не совсем оправившегося после болезни. Пожелав ему быстрейшего выздоровления, я на всякий случай оставил свои координаты: найдет нужным, мне позвонят, не найдет — буду ждать книги.

Ждать долго не пришлось. Как-то вечером, часу в восьмом, пронзительный телефонный звонок оторвал меня от привычных занятий:

— Это квартира? Мне Александра Михайловича! — Взволнованный, ломающийся мальчишеский голос спешил выпалить сразу все: — Мы юные следопыты из

Черновиц. Только что от маршала Жукова! Хотим рассказать...

— Не торопись! Где вы сейчас?

— Мы тут, у вас, на Киевском вокзале!..

— Одни?

— Нет, мы организованно, с учительницей. Татьяна Михайловна стоит в кассе, за билетами. У нас до отхода поезда аж четыре часа. Можно к вам? Как быстрее доехать? Мы на Киевском, — повторил он.

С отрядом юных следопытов из Черновицкой средней школы № 35 я переписывался несколько лет. И хотя в Буковине Гай не воевал и там не был, но ребята, прослышав о легендарном полководце, стали под руководством своей учительницы Т. М. Гинченко-Ковальской с завидной настойчивостью разыскивать по городам и весям тех, кто знал Гая, собирать документы о нем.

О каждом своем открытии, о встрече с интересным человеком они охотно, с радостью делились со мной. Сначала подписывали свои письма: красные следопыты, а потом к этим двум словам добавили третье — гаевцы.

...Через полчаса шумная ватага появилась в нашем дворе. Вошли возбужденные: еще бы, разговаривали с самим маршалом! Разве могли они уехать, не рассказав обо всем услышанном.

— Георгий Константинович говорил, что сам Ленин называл Гая отличным командиром, — с порога выпалила Наташа Литвиненко.

— Маршал считает его не только отличным командиром, но и душевным человеком, — добавила Люба Петрочук. — Гай хотел, чтобы красные командиры были образованными. Говорил: храбрости одной мало, нужны еще и знания. Он Жукова послал учиться в Высшую кавалерийскую школу...

— Маршал Жуков сказал, что имя Гая должно быть вписано золотыми буквами в историю. Мы не остановимся — будем продолжать искать материалы о нем, — заверил Саша Шапошник.

Юные следопыты вернулись в Черновцы, пополнив школьный музей боевой славы новыми документами и записями бесед с ветеранами, служившими под началом Гая. Вскоре многое из рассказанного ими подтвердил сам Георгий Константинович Жуков.

«Я с удовольствием вспоминаю совместную работу с комдивом Г. Д. Гаем. Первая наша встреча произошла в его лагерной палатке, куда были вызваны на совещание командиры и комиссары частей. После официального представления Г. Д. Гай пригласил всех сесть вокруг его рабочего стола. Я увидел красивого человека, по-военному подтянутого. Его глаза светились доброжелательностью, а ровный и спокойный голос говорил об уравновешенном характере и уверенности в себе. Я много слышал о геройских делах Г. Д. Гая и с интересом в него всматривался. Мне хотелось проникиуть в его душевный мир, понять его как человека и командира.

С первых дней вооруженной борьбы он показал себя храбрым, мужественным и талантливым командиром, организаторские и боевые качества которого неоднократно отмечались главным командованием Красной Армии и Советским правительством. Особенно ярко проявились его блистательные качества, когда Гай командовал 24-й Симбирской Железной дивизией, Первой революционной армией Восточного фронта, Третьим конкорпусом Западного фронта. Действия войск, находившихся под командованием Г. Д. Гая, заслуженно могут быть названы исторически легендарными. Действия 24-й Симбирской Железной дивизии, как известно, были высоко оценены В. И. Лениным...

Беседа Гая с командирами и комиссарами затянулась надолго, ио она не была утомительной. Когда мы расходились, у всех осталось хорошее впечатление от встречи с комдивом. Прощаясь со мной, он сказал, что через несколько дней хочет посмотреть конно-строевую и тактическую подготовку. Я был польщен вниманием к полку и признался, что у нас еще много недостатков.

— Будем вместе устранять недостатки, — сказал Г. Д. Гай, улыбаясь, и добавил: — Это хорошо, что вы не хотите ударить лицом в грязь.

Через три дня согласно распоряжению штаба дивизии полк был выведен в полном составе на смотр. Комдив на белоногом вороном коие поднялся на прнгорок и внимательно следил за учением полка.

Учеиие шло виачале по командам голосом, потом по командам шашкой (так называемое «немое ученне»), а затем по сигналам трубы. Перестроения, движения,

захождения, повороты, остановки и равнения выполнялись более четко, чем я того ожидал. В заключение полк был развернут «в лаву» (старый казачий прием атаки), и я направил центр боевого порядка на высоту, где стоял комдив. Сомкнув полк к центру и выровняв его, я подскакал к комдиву, чтобы отрапортовать об окончании показа.

Не дав мне начать рапорт, комдив, подняв руки вверх, закричал:

— Сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь! — А затем, подъехав ко мне, тепло сказал: — Спасибо, большое спасибо.

Поравнявшись с центром полка, комдив стал на стремена и обратился к бойцам:

— Я старый кавалерист и хорошо знаю боевую подготовку конницы. Сегодня вы показали, что свой красноармейский долг перед Родиной выполняете добросовестно, не жалея своих сил. Так и должно быть. Хорошая боевая подготовка, высокое сознание своего долга перед народом — залог непобедимости нашей героической Красной Армии. Спасибо вам, порадовали вы меня сегодня.

Более двух часов ходил он по лагерю, вникая в каждую мелочь, а потом долго сидел с бойцами. Г. Д. Гай рассказал много боевых эпизодов из гражданской войны. Только когда дежурный трубач просигналил к обеду, он поднялся и распрощался с нами.

Гай часто бывал в полках, беседовал с солдатами и командным составом и всегда был не только старшим начальником, но и желанным старшим товарищем — большевиком. Особенно запомнились его простые, задушевные слова о В. И. Ленине. Бойцы, затаив дыхание, слушали рассказ Гая о телеграмме, которую он дал В. И. Ленину в связи с разгромом белых под Симбирском.

О Гае говорили: умный, расчетливый и мужественный командир, а когда нужно — храбрый до дерзости боец.

Он любил своих подчиненных, оберегал их в бою от излишних жертв, проявлял отцовскую заботу об их быте и отдыхе, а они в свою очередь отвечали на все это сознательным исполнением воинского долга. Гай в своих действиях всегда опирался на партийную организацию — ядро боеспособных частей и подразделений.

Приятно было слушать, с каким большим уважением и искренней любовью относился Гая Дмитриевич к М. Фрунзе, М. Тухачевскому, В. Куйбышеву, С. Каменеву, к своим ближайшим соратникам А. Седякину, Э. Вилумсону, М. Великанову, Б. Лившицу, Н. Панову, с которыми он совершил знаменитые операции в битвах за Симбирск, Сызрань, Самару, Оренбург.

За время его командования Седьмой кавалерийской дивизией, а потом Третьим конкорпусом, мне приходилось часто беседовать с ним о его боевой деятельности в годы гражданской войны. Мне нравился этот прямой человек. Я никогда не замечал в нем фальши. Его суждения были всегда предельно объективны и большую долю всех боевых успехов он относил за счет своих бойцов, командиров и политработников, о которых обычно отзывался с большой теплотой.

В 1924 году Гая Дмитриевич посоветовал мне поехать учиться в Ленинград на годичные курсы командного состава конницы. По сей день я благодарен ему за это.

Имя Гая Дмитриевича Гай — верного сына армянского народа, большевика-ленинца, одного из выдающихся военачальников Красной Армии — принадлежит к той плеяде полководцев, которые в годы гражданской войны мужественно отстаивали независимость нашего Советского государства, и оно должно быть золотыми буквами вписано в историю вооруженной борьбы Красной Армии с белогвардейцами и интервентами».

Маршал подметил в Гае несколько характерных черт: он ценил своих подчиненных, оберегал их в бою. Большую долю боевых успехов относил на счет своих бойцов, командиров, политработников, смело выдвигая людей одаренных. Именно таких он брал себе в помощники, чтобы не возвышаться над ними, как подсолнух над овсом.

Спустя более тридцати лет маршал М. Захаров, бывший в то время первым заместителем министра обороны и начальником Генерального штаба, открывая в Центральном Доме литераторов вечер, посвященный 80-летию Гая, назвал его «достойным представителем ленинской гвардии».

На том же вечере выступил ветеран Ефим Константинович Воронов, известный в Железной дивизии по

прозвищу «милый Вороненок». Он еще стоял на трибуне, когда из глубины зала с одного ряда к другому передавалась записка в его адрес:

«Жди меня, Фима, после торжественной части у сцены. Толя Благонравов».

В антракте зрители, сидевшие в первых рядах партера, оказались свидетелями трогательной встречи двух седовласых людей, расставшихся юношами: бывшего адъютанта комбрига-3 Ефима Воронова и бывшего начальника артиллерии Железной Анатолия Благонравова.

— Вот и дожили, Толя, — растроганно говорил Воронов. — Вот и наступил долгожданный день, когда партия, народ воздают должное Гаю.

От военных дел перешли к мирным. Разговор зашел о том, кто чем сейчас занимается.

— На отдыхе, Толя? — поинтересовался Воронов.

— Да что ты! Работы невпроворот: институт, академия, комитет по космосу...

Оказалось, что «Толя-артиллерист» из дивизии Гая и известный теперь всему миру советский академик Анатолий Аркадьевич Благонравов, Герой Советского Союза, председатель Государственного комитета по освоению космоса, — один и тот же человек.

На другой день позвонил Анатолию Аркадьевичу и, зная его чрезмерную загруженность, попросил написать хотя бы несколько строк о Гае.

— С удовольствием! — ответил академик.

«В Железную дивизию, — вспоминал А. Благонравов, — я прибыл в тот момент, когда Гай вместо М. Тухачевского был назначен командующим Первой армией. Но еще долгое время среди командного состава и бойцов дивизии можно было слышать никем не утвержденное наименование «дивизия Гая». Трудно сказать, где чувствовалось больше гордости, когда тот или иной боец, особенно из числа тех, кто начал свой боевой путь еще с сенгилеевских отрядов, говорил: «Я из Железной» или «Я из дивизии Гая».

Все, кому приходилось непосредственно с Гаем бывать в боях, отзывались о его мужестве, решительности, дальновидности с восторгом. Дивизия Гая покрыла себя заслуженной славой на протяжении всего своего боевого пути.

У меня остались самые добрые воспоминания о боевых днях Восточного фронта, когда наша дивизия громила белогвардейские части корпуса Каппеля, о стремительном марше на Польском фронте в 1920 году, о боевых товарищах тех времен, как комбриг-3 т. Устинов, командиры полков Магин, Бронзов, Подольцев, и, пожалуй, они, эти воспоминания, являются одними из самых дорогих, когда думаешь о прошлом».

И как были обрадованы и Благоправов и Воронов, когда в речи Генерального секретаря нашей партии товарища Л. И. Брежнева, произнесенной им в Ереване, они прочли дорогое имя — Гай. Леонид Ильич отнес их командира к тем славным военачальникам и организаторам войск и боевых операций наших вооруженных сил, чьи имена советские люди называют с большим уважением.

3

Письма, письма, письма!.. Их не перечесть ни за один день, ни за неделю, ни за месяц. Группирую их по темам и складываю в папки: «Симбирск — Самара — Оренбург», «Рейд на Вислу», «Гай — полководец и человек», «Юные гаевцы». Самая тонкая из всех папок называется «О былях и небылицах». В качестве эпиграфа к ней беру четверостишье Ованеса Туманяна:

Кто не сжигал меня: и друг, и враг!
Горел я, озаряя собой мрак.
Покуда мог — свет отдавал я людям,
Свет даровал, покуда не иссяк.

Теперь, когда многие страницы жизни Гая восстановлены, когда свет, отданный им людям, вспыхнул с новой силой, озарив фигуру полководца из народа, — все, кто не знал Гая, увидели, что сделал он для Родины.

Но все же находятся «очевидцы», бросающие тень на доброе имя. Один из них, выдавая себя за добродетеля, утверждал, что Гаю за какие-то неблаговидные поступки пришлось досрочно пройти партийную чистку.

Известно, что в 1933 году партия проводила чистку своих рядов. Она очищалась от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов. Установлено, что в тот год Гай действительно проходил чистку досрочно. Проверяли его на открытом партийном собрании в ака-

демии имени Жуковского. Сохранился, к счастью, протокол заседания комиссии по чистке, которая происходила 14 октября.

Судя по записи, выступавшие характеризовали Гая как несгибаемого большевика-ленинца. Все выступали «за», ни одного — «против».

В заключительной части протокола отмечено:

«Слова председательствующего — считать Гая проверенным — были встречены всеми присутствующими аплодисментами».

Почему же его чистили не в алфавитном порядке, а раньше других, досрочно? Все началось с того, что Московская городская партийная организация рекомендовала Гая председателем районной комиссии по чистке. И чтобы оценивать моральные, идейные качества других, он прежде всего должен был сам пройти партийную проверку.

«Опровергатель» из Львова А. Бабашкин писал, что в повести допущена историческая неточность: Гай представлен одним из организаторов Красной конницы, хотя он им никогда не был. Истории известны другие имена: С. Буденный, К. Ворошилов, О. Городовиков...

Нет, известен истории и Гай!

В годы гражданской войны партия поручала Гаю формировать кавалерийские соединения, как Второй и Третий конные корпуса, как Первая Кавказская кавдивизия. ЦК РКП(б) предлагал всем партийным организациям страны, «не теряя ни минуты, выделить из своей среды всех добровольцев-кавалеристов и спешно направлять в Москву, в Политуправление Республики, в распоряжение т. Гая».

И еще одно письмо из той же папки. Москвич П. Савкин, назвавший себя «близким соратником начдива Железной», обвиняет автора в том, что тот обеливает своего героя, что он скрыл от читателей грубую ошибку, допущенную Гаем, в результате которой в августе восемнадцатого года была разгромлена Курская бригада, входившая в состав Железной.

Объективности ради я снова заглянул в печатные труды М. Тухачевского. В статье «Первая армия в 1918 году» бывший командарм-1 объяснил, назвал одну из главных причин, почему августовская операция по овладению Симбирском оказалась незавершенной и

Железиой дивизии пришлось отойти иа исходные позиции:

«Главком тов. Вацетис прислал на подкрепление бригаду пехоты под командоваиием ветерииарного врача Азарха и приказал перейти в наступленне на Симбирск... На правом флаиге, в районе Белого Гремячего Ключа, мы перехватили уже Волгу, ио зато на левом фланге из-за иеумеиия т. Азарха управлять бригадой последняя у иего расползлась и была разбита...

Несмотря на все старания т. Гая, положеиие ие удалось спасти, и 16 августа иаши войска виовь отошли на линию станции Чуфарово».

Раскрываю другой источник — кннгу «Легеидарный Гай». В ней иа 50—51-й страиицах выступает тот же П. Савкин, служивший в Первом Московском полку Курской бригады, с рассказом о тех же горестиых августовских днях:

«Офицерский батальон противиика иочью при содействии местных кулаков пробрался в отряды и засел там. С рассветом ои открыл по нашим полкам ураганный артиллерийский огонь и атаковал их. Застигнутые врасплох, комаидиры старались организовать круговую обороиу, но... тщетно.

Комбриг Азарх собрал группу красноармейцев... Бойцы пошли за комбригом, но под убийствеиной картечью врага залегли. Ранеиный в руку, Азарх продолжал командовать. Одиако растерявшиеся бойцы иачали покидать поле боя. Только Азарх, заменив убитого пулеметчика, продолжал разить иаседавших белых. Вскоре пуля сразила комбрига.

Услышав эту тревожную весть, бойцы панически побежали. Казалось, нет такой силы, которая могла бы их остановить. В это время показался «самоварчик» начдива, а за иим — конный отряд. Взяв карабин у одного из красиоармейцев, Гай побежал иаперерез отступившим бойцам Московского полка.

— Разве москвичи бегут с поля боя? Ай-ай-ай, как иехорошо. Храбцы мои, за миой! Трусам нет места в Железной дивизии!

Конный отряд иачдива дерзко атаковал белогвардейцев, а те, не приняв боя, сталн отступать. Тогда и москвичи двииулись за гаевцами... Враг был отброшен».

Вот и верь П. Савкину! Выходит, что для печати он пишет одно, а для «узкого круга» совсем другое!

Пакет из Оренбурга. В нем предложение: «Имя Гая должно быть увековечено в нашем городе и мемориальными досками на памятных местах и в названии одной из новых улиц».

Это уже сделано. И не только в Оренбурге. В Ульяновске один из главных проспектов носит имя начдива Железной. Проспект Гая есть и в литовской столице. Магистраль, получившая имя советского полководца, протянулась по правому берегу реки Нерис (где дрались полки Гая), соединив новый жилой массив с центром Вильнюса. В Ереване, Куйбышеве, Бузулуке, Ленинакане, Минске тоже теперь есть гаевские улицы. Установлены мемориальные доски на зданиях, где работал Гай, — в Ереване, Ульяновске, Оренбурге, Куйбышеве. По решению Московского Совета такая доска уже есть на доме, ставшем последней квартирой Гая.

Все чаще на мой рабочий стол ложатся письма с обратными адресами — Бугуруслан, улица Гая, 2... Кушва, средняя школа, отряд юных гаевцев... Ереван, школа имени Гая... Сенгилей, совхоз имени Гая...

В Сенгилее, где в восемнадцатом году он объединил разрозненные отряды в одно крупное подразделение Красной Армии, на средства благодарных горожан построен памятник полководцу. Рядом с его бюстом — силуэт с надписью: «Железным рыцарям-гаевцам, уходившим отсюда в бой за революцию — в бессмертие».

Скоро и над Новым Венцом, и над Разданом поднимется фигура полководца из народа.

Но самым лучшим памятником Гаю будут дела тех, кто смолоду стремится подражать ему в храбрости, честности, любви к Родине.

Отряды юных гаевцев действуют на Волге, и за Волгой, на Урале и за Уралом. Если в годы гражданской войны имя отважного красного командира объединило сынов разных народов, то в мирное время, сойдя со страниц журнала, оно связывает пионеров Ульяновска и Кушвы, Москвы и Еревана, Оренбурга и Самары. Дети обмениваются друг с другом материалами и собирают их не для любования, не для коллекционирования, а для того, чтобы утвердить все, как было.

Именно так поступают юные следопыты из 130-й

московской школы. Они были удивлены, когда на одном из стендов музея Вооруженных Сил увидели текст «целебной» телеграммы без подписи.

«Почему нет подписи Гая?» — обратились они к экскурсоводу. «А разве он посылал эту телеграмму?» — «Да, он!» — «Какие у вас есть доказательства?» Ребята раскрыли книгу, показали страницу, где помещена фотокопия статьи из газеты «Известия» от 14 сентября 1918 года. Экскурсовод согласился с ними, но сказал, что сам исправить эту ошибку не может, и посоветовал обратиться к заведующему отделом. Тот направил к начальнику музея. На пороге его кабинета ребят остановила секретарша, стала допытываться: «Кто такие? По какому делу?» — «Юные гаевцы. Дело у нас важное, неотложное...»

Внимательно выслушав доводы юных гаевцев, начальник музея обещал поставить под телеграммой подпись начдива Гая.

Накануне 50-летия освобождения Симбирска областная газета «Ульяновская правда» провела литературную викторину на тему «Что вы знаете о Железной и ее первом комадире — легендарном Гае?». За более полные и точные ответы было установлено пять премий. Одну из них получил инженер А. Пирогов.

«Книга, — писал он, — помогла мне узнать того, кто называется таким ветровым, шумящим, как знамя, именем — Гай. Сколько раз мне приходилось проходить мимо здания бывшего кадетского корпуса, но я и не догадывался, что там когда-то помещался штаб Гая. Теперь я каждый раз останавливаюсь возле этого исторического дома и медленно прочитываю знакомую надпись на мемориальной доске, с благоговением смотрю на стены, которые слышали его голос.

Работая на речном флоте, я каждый день встречаю суда, названные в честь славных людей нашей Родины. Есть среди них — «Василий Чапаев», «Памяти Азина»,— я думаю, что и Гай тоже достоин такой памяти».

Я верю: будет бороздить реки и моря теплоход «Памяти Гая»; будет на музейном стенде под «целебной» телеграммой стоять подпись того, кто ее послал раненому Ильичу; будут продолжать ходить по следам Железной и ее первого командира пионерские отряды, носящие его имя. Доброго им пути!

Оглавление

Дунаевский А. М.

Д83 По следам Гая. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1975.

272 с. с ил.

Повесть о замечательном полководце времен гражданской войны. Много лет писатель шел по следам легендарного героя Гая Дмитриевича Гай, чье имя связано с освобождением Волги и Урала от белогвардейцев. Шел, восстанавливая по крупицам биографию народного полководца, отметая все наносное, ложное...

Повесть написана в поисковом ключе, как и другие книги А. Дунаевского.— «Иду за Гашеком», «Подлинная история Кароя Лигети». «Платтен — известный и неизвестный», полюбившиеся юному читателю, которому адресована и эта книга.

Д $\frac{0763-068}{М\ 158(03)-75}$ Р2

Александр Михайлович Дунаевский

ПО СЛЕДАМ ГАЯ

Редактор С. В. Марченко
Художник В. К. Бубенщиков
Художественный редактор Я. И. Черинхов
Технический редактор Л. М. Голобокова
Корректоры А. Н. Винокурова и Г. М. Смирнова

Сдано в набор 24/I 1975 г. Подписано в печать 12/VI 1975 г. НС 16536. Бумага типографская № 1. Формат 84×108/32. Уч.-изд. л. 14,4. Усл. печ. л. 14,3. Тираж 100 000. Заказ 45. Цена 62 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

ое

ны.
ие-
ло-
ого

на-
и».
лю,

Р2

5 г.
3/32.
45.

лы-
рд-

6[illegible] коп.

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
197[illegible]

АЛ. ДУНАЕВСКИЙ · ПО С[illegible]